

Текст взят с психологического сайта <http://www.myword.ru>

*На данный момент в библиотеке MyWord.ru опубликовано более 2500 книг по психологии.
Библиотека постоянно пополняется. Учитесь учиться.
Удачи! Да и пребудет с Вами.... :)*

Сайт www.MyWord.ru является помещением библиотеки и, на основании Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" (в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ), копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных в данной библиотеке, в архивированном виде, категорически запрещен. Данный файл взят из открытых источников. Вы обязаны были получить разрешение на скачивание данного файла у правообладателей данного файла или их представителей. И, если вы не сделали этого, Вы несете всю ответственность, согласно действующему законодательству РФ. Администрация сайта не несет никакой ответственности за Ваши действия./

М.А.РОЖНОВА. В.Е. РОЖНОВ

Гипноз

И

"ЧУДЕСНЫЕ ИСЦЕЛЕНИЯ"

МОСКВА 1965

На протяжении веков появлялись и множились легенды о врачующей силе богов, о волшебниках и святых, исцеляющих больных прикосновением руки или единым словом. Среди бесчисленного множества бесхитростных выдумок, злонамеренных вымыслов и горестных грез, порожденных бессилием человека перед болезнью, можно встретить немало случаев, когда на глазах изумленных людей, во время какого-нибудь религиозного обряда или торжественного молебствия в храме, параличный отбрасывал костыли, слепой прозревал, а глухому возвращался слух... Не надо быть особенно догадливым, чтобы понять, какую роль играли подобные случаи «чудодейственного» исцеления в укреплении религии.

*Что же кроется на самом деле за легендами о чудесных исцелениях? На этот вопрос отвечают М. А. Рожнова и доктор медицинских наук, профессор В. Е. Рожнов, Область гипноза есть область глубокого реального смысла и высокого научного значения.
И, П, Павлов*

О ЧЕМ ЭТА КНИГА

Изддревле люди мечтали найти способы и средства залечивать раны, побеждать болезни, сохранять молодость и продлевать жизнь. Об этом говорили они под сводами первобытных пещер, у пляшущего пламени костров, когда, вернувшись с охоты, прикладывали целебные травы к своим изодранным бокам, отдававшим медвежьих объятий. Об этом говорили воины Египта и Рима, Греции и Византии, стаскивая с израненных тел окровавленные доспехи. За этим из века в век пробирались страждущие через чащобы и дремучие леса к хижине или избушке колдуна-знахаря и, преодолевая смертельный страх перед «нечистой силой», крепко зажимали дрожащей рукой сосуд с мазью или питьем.

Вернуть силы, здоровье, молодость — заветнейшая мечта людей всех времен и народов. Она вошла во многие изустные предания и легенды, она составила фабулу бесчисленных сказок, песен и былин.

И в них, в этих сказаниях седой старины, можно увидеть душу народа — его неистребимую веру в свои силы, мудрость и находчивость, его неутомимую жажду знаний, его неустанные поиски правды и счастья. И не из этой ли убежденности и веры людей в свои силы родилась наука врачевания — медицина? Наука поисков целительной силы, сокрытой в травах и камнях, в водах источников и солнечных лучах, в горном ветре и лесном аромате. Нам известны отцы медицины Гиппократ и Гален, мы знаем создателя канона врачебной науки Авиценну, но никто не знает имен тех, кто за века и тысячелетия до этих прославленных ученых и врачей открыл большинство из тех лечебных средств, которые были впервые описаны создателями научной медицины. Мы не

знаем, кто первый научился заживлять раны и вправлять вывихи, сращивать переломы и устранять растяжения...

5

Кто они? Где их искать? Как их благодарить?

Они народ. В этом едином имени — имена тысяч и тысяч их, безымянных, — мудрых и искусных, трудолюбивых и самоотверженных, сострадательных и находчивых. Они были везде и всюду: и в лесах и на горах, в пустынях и в заснеженных просторах тундр, кропотливо и неутомимо, как пчелы, собирали люди крупницы своего опыта. Собирали сотни тысяч лет с одним желанием, с одной целью — познать природу, подчинить ее себе, победить болезни и недуги.

И благодарности им особой за это не надо.

Благодарность им — те сказания и былины, легенды и сказки, в которых художественно обобщенные образы героев и умельцев живут вечной жизнью.

Но в минуты душевной слабости и упадка породил человек религию. Породил для защиты от бед жизни, полагая обрести в ней надежное укрытие от наступавших на него со всех сторон зол и несчастий.

Религия не стала его защитой. Обещая призрачную помощь и поселяя ложную надежду, она только сковывала инициативу и деятельность человека, подрывая его веру в себя, в свои реальные силы, в свой ум. Веками вдалбливала религия мысль, что человек — лишь слабое и слепое оружие в руках незримого творца и властелина. Только от всезнающего и всемогущего бога нужно ждать спасения от бед и страданий. Он — и один он — есть начало и конец всего сущего — жизни и смерти, движения и покоя. Бог всеблагий — отец тебе, человек. Он наставит на путь истинный, когда ты собьешься, он накажет виновного, поощрит праведного. Надо только ни о чем не думать — всякая свободная мысль греховна. Надо жить, как дети. «Блаженны нищие духом», — наставляет церковь. Только те «приидут в царствие божие» для вечной загробной жизни, кто приемлет этот незыблемый догмат религии всех времен и народов.

Эта проповедь стремилась обезоружить человеческий разум, обрекая его на пассивное ожидание помощи свыше. В действительности же эта проповедь противоестественна, противоречит всему, что нам известно не только о человеческом разуме, но и о самой жизни.

Уже с начала появления человека на земле необходимость удовлетворения первейших жизненных потребностей — в жилище, одежде, пропитании — неумолимо наталкивала человеческую мысль на правильное решение каждодневных практических задач. В борьбе с жестокой природой и подстерегавшими на каждом шагу опасностями и случайностями люди изоощряли свою наблюдательность, умение и находчивость. Отважно и настойчиво боролся человек, стремясь изгнать случайность из своей жизни, перестать быть игрищем хаоса при-

6

роды. В прекрасной легенде о Прометее хранит благодарное человечество память о первой великой победе на этом пути — об открытии нашими предками способа добывать огонь. Все более пытливым и острым становился ум человека, все мощнее и разнообразнее становились его орудия труда... Одну за другой вырывал человек загадки и тайны у мира, который некогда, на заре человечества, предстал его глазам таким непостижимым и потому устрашающим.

Но истины и открытия давались нелегко. И не только потому, что природа ревниво охраняла свои тайны. Нужно еще было иметь мужество отстоять эти открытия от нападков религии, нападков, которые нередко стоили жизни первооткрывателям. Ненавистью встречала религия все новые достижения науки, ибо каждое из них пробивало незаполнимую брешь в одряхлевших построениях религиозных вероучений. Религия и наука — непримиримые враги. Они противоположны во всем. Религия стремилась унижить человеческий разум. Наука окрыляла его. По мере того как человек ощущал себя все более полным хозяином природы, у него появлялось все больше права себя, свой разум назвать всемогущим, отняв это звание у ничем не заслужившего его мифического существа — бога.

Вера в сверхъестественные силы, порожденная в младенческую пору человечества невежеством и беспомощностью людей перед природой, и до сих пор продолжает существовать, ища себе опору в неразъясненных законах мира, в неизведанных его тайнах. Еще в начале нашего века одной из таких почти неразведанных тайн природы была человеческая психика, служившая опорой религии и мистики, поставлявшая для них благодатный материал. Примером могут стать так называемые чудесные исцеления, которые религия с давних пор использует в качестве одного из важнейших и излюбленных ею средств укрепления веры в могущество потусторонних сил. На протяжении веков человеческой истории появлялись и множилось легенды о врачующей силе богов, о

чудесных камнях и источниках, о волшебниках и святых, о целительных пещерах и чудотворных иконах, о чудодеях, снимающих болезнь прикосновением руки или единым словом.

Мы оставим в стороне мнимые исцеления, заранее продуманные и подготовленные. Не будем касаться лишенных всякого правдоподобия слухов о никогда не имевших места воскрешениях из мертвых. Нет, не эти наивные вымыслы и нечистоплотные приемы мы будем разбирать с вами, читатель. И пускай ими полны все религиозные предания и книги — не будем вступать с ними в ненужный спор.

Усиленно раздуваемый религией миф о чудесных исцелениях не мог бы пережить тысячелетия, не мог бы от времен седой старины до наших дней извлекаться на свет и пускаться в ход, если бы среди

7

массы лишенных достоверности «исцелений» не было случаев реального избавления некоторых больных от недугов. Кто сможет забыть, если на его глазах во время торжественного молебствия в храме параличный отбросил костыли и... пошел?! Кто усомнится в вере, когда собственными ушами услышит обращенный к слепцу приказ: «Видь!», а к немому — «Реки!», и, по слову чудотворца, раскроются годами смеженные веки и разверзнутся сомкнутые уста.

Кто усомнится в вере, когда услышит иступленный крик радости, исторгнутый из груди страдальцев, увидит поток их умиленных слез, услышит слова их жарких благодарственных молитв...

Вы скажете: это невероятно, этого не бывает, это выдумки фанатиков и ханжей!

Нет, так бывало и может быть, но никакого чуда в этом нет.

История научного объяснения таких фактов есть история проникновения в сущность нервных болезней и в сущность гипноза, внушения и связанных с ними явлений.

Ах, гипноз — да он сам чудо! Что же, вы чудо станете объяснять чудом?

Дорогие читатели, вот для того и написана эта книга, чтобы рассказать вам, что такое гипноз и есть ли в нем что-нибудь чудесное или нет.

Для того написана, чтобы рассказать, как использовали люди гипноз за всю долгую историю знакомства с ним. Кому и чему он пособничал и как его применяли долгие века. Какова его роль в человеческих заблуждениях и суевериях. Как оказалось возможным строить на нем чудесные исцеления — исцеления якобы милостью «всевышнего».

Почему укоренился взгляд на гипноз, как на нечто чудесное? Полагают, что в нем все допустимо и над ним не властны знакомые нам с детских лет закономерности природы. Так ли это? Кто те энтузиасты, посвятившие свою жизнь изучению и раскрытию тайн гипноза? Где они жили, как работали и боролись за истину? Кто и для чего использует гипноз в наше время? Каковы перспективы его?

Вот на такие и многие другие вопросы, связанные с гипнозом, и призвана ответить эта книга.

Вот о чем она.

В пещере первобытного человека, у неугасимого костра познакомимся мы с зарождением первых мыслей о божестве — о сверхсильном и могущественном, повелевающем человеком и природой, распоряжающимся его судьбой, казнящим и милующим по своему произволу. И уже там мы узнаем, что это божество часто являлось человеку, когда он дремал у своего костра, заснув под однообразное

8

бормотанье ветхого старца, нараспев слагавшего страшные и непонятные сказки первой веры.

Мы побываем на ритуальных молениях племен Африки и Азии, Океании и Австралии; станем свидетелями колдовских обрядов и шаманских заклинаний; преодолев столетия, проникнем в храмы древних египтян и греков... Словом, совершим путешествие по векам и странам. И всюду мы встретимся с одними и теми же приемами усыпления разума, искусственного погружения в сон — с гипнозом.

Гипноз и внушение стоят незримо у церковных алтарей. Они всходят вместе с проповедником на кафедру, когда он обращает свое «боговдохновенное» слово к верующим. Гипноз и самовнушение кружат в иступленной пляске потерявших человеческий облик сектантов-хлыстов и пятидесятников.

Не правда ли, можно невзлюбить этот коварный гипноз, заводящий человека в дебри религиозных суеверий и фанатизма, закономерно невзлюбить его за пособничество духовному шантажу и обману? Но немного терпения — и мы продеремся сквозь колючие заросли невежества и вместе с нашим многострадальным героем выйдем на светлую дорогу. Мы узнаем, что в длительной и

самоотверженной борьбе научная мысль в лице своих лучших представителей объяснила материальную сущность гипноза и сумела направить заключенную в нем силу на службу человеческому здоровью.

Вот такой борьбе противоречивых тенденций в судьбе нашего героя — гипноза и посвящена эта книга, если хотите, своего рода роман, который, перефразируя Джонатана Свифта, можно назвать: «Путешествие в некоторые отдаленные страны света и близкие области знания для знакомства с гипнозом — сначала мистификатором и шарлатаном, а потом капитаном медицинских кораблей».

МИФ О ЧУДЕСНЫХ ИСЦЕЛЕНИЯХ

Боги у первобытного ностра

Чонг протяжно завыл.

Стена исполинского леса отразила его предсмертный вопль раскатистым эхо, и в джунглях снова воцарилась напряженная тишина.

Продираясь сквозь колючие кустарники, группа охотников спешила на голос Чонга.

На открытой поляне им представилось страшное зрелище. Чонг в лапах огромного медведя. Оба они — и охотник и медведь стояли во весь рост. Видимо, Чонг, столкнувшись со зверем, растерялся и не успел воткнуть в открытое брюхо медведя свою рогатину. Зверь в одно мгновение заключил Чонга в свои объятия. Огромные лапы медведя легли на плечи охотника, а дышащая жаром злобы пасть засопела в лицо.

Вот тут-то Чонг и испустил вопль отчаяния и ужаса, услышанный другими охотниками.

Проворный Кулу первым бросился на медведя и ткнул его в бок рогатиной. Зверь разжал лапы, выпустил Чонга, который медленно осел на землю, и пошел

11

на Кулу, но тут одновременно в брюхо и грудь зверя вонзилось несколько копий — их прямо с ходу бросили другие охотники.

Обессилев от ран и потери крови, зверь рухнул к ногам победителей, и лес снова огласился воплем, но уже многоголосым и торжествующим.

Охотники подбежали к распластанному на земле Чонгу. Они поднимали его на ноги, но он снова падал. Напрасно охотники осматривали его тело, ища на нем ран — тех страшных красных дыр, через которые жизнь ушла из Чонга. На нем их не было. И в то же время он не выражал радости по поводу своего спасения, не благодарил спасителей, не ликовал над убитым медведем. Он не издавал ни звука, глаза его закрыты, члены неподвижны.

Казалось, он мертв.

Часть охотников осталась разделять убитого зверя, остальные, наскоро смастерив носилки, бережно уложили на них безжизненное тело Чонга и направились к своему стойбищу.

Когда густой лес поредел, вдали на холмах стали видны дымки костров. Ветер доносил голоса людей и запахи родного жилья.

Охотники направились к хижине старейшины рода и колдуна.

Ку-Кор был для них все. К нему обращались за советом во всяком сложном деле — всегда, когда была нужна помощь и поддержка высших сил. Ку-Кор умел разговаривать с духами. Поэтому все очень уважали и боялись колдуна. Он главенствовал в племени. Его *слово* было законом для каждого.

Охотники верили, что он вернет к жизни Чонга. Поставив носилки у самого входа в хижину колдуна, охотники начали выкликать его по имени.

— Ку-Кор, помоги Чонгу!

— Ку-Кор, хозяин леса взял с собой Чонга. Верни его обратно, позови *его* сюда. Он придет на твой голос, хозяин отпустит его, услышав твой голос!

Колдун не спешил выходить. Поспешность несовместима с его положением. Наконец бизонья *шкура*, закрывавшая вход в хижину, зашевелилась, два проворных мальчика отвернули ее в сторону — и на пороге торжественно появился Ку-Кор. Молча подошел он к носилкам и наклонился над неподвижным Чонгом. Пальцы колдуна про-

12

Магический обряд у кроманьонцев. Рис. З. Буриана.

бежали с ног до головы по безжизненному телу охотника. Бормоча что-то себе под нос, он вдруг резко встал и выкрикнул: «Духи придут к костру Ку-Кора! Они приведут с собой Чонга» — и скрылся в своей хижине. Тотчас оттуда выскочили мальчишки и, подбежав к горевшему перед входом костру, подбросили в него охапку сухих веток. Костер ярко вспыхнул. Из хижины колдуна раздалось заунывное и монотонное пение. Словно где-то вдали зазвучал протяжный зов. С каждым мгновением этот звук усиливался, будто приближался. И вот, когда он достиг громоподобного раската, опять откинулась бизонья шкура, вновь появился колдун. Как трудно его теперь узнать! Это скорее медведь, чем человек: на нем шкура «хозяина леса», а на раскрытой груди красное пятно, окаймленное причудливым узором коротких линий. Морда зверя нахлобучена на голову колдуна, и хищный оскал ее пасти предостерегающе угрожает двумя рядами острых белоснежных зубов.

Ку-Кор начал ходить вокруг костра, приплясывая и пронзительно выкрикивая: «Хозяин забрал Чонга! Хозяин, верни Чонга! Чонг хочет к моему костру! Чонг идет

13

к моему костру! Чонг садится у моего костра. Чонг, Чонг, Чонг, слышишь меня: Я, Ку-Кор, зову тебя, Чонг!»

С каждым выкриком колдун, не перестававший приплясывать, все чаще и чаще повторял имя — Чонг... Чонг... Чонг... Вдруг как бы дрожь пробежала по телу лежавшего на носилках, и он еле заметно пошевелил рукой. Крик изумления вырвался у охотников, но колдун уже не слышал этого крика. Как только он заметил, что Чонг пошевелился, ритм его танца резко ускорился: Ку-Кор стал бегать вокруг костра, то и *дело высоко* подпрыгивая. Вой волка и рев медведя раздавались из его открытого рта. Теперь он уже не звал Чонга: «Хозяин леса, ты отступил, ты отдал Чонга. Ты боишься духов, которых я зову. Я зову молнию, разрезающую небо, я зову гром, разрывающий тучи, я зову ветер, ломающий деревья, я зову реку, наводняющую землю!»

При этих заклинаниях колдун пришел в неистовство. Он сбросил с себя медвежью шкуру, схватил погремушку из сухого бычьего пузыря, с мелкими камушками внутри, и, потрясая ею над головой, закружился на одном месте.

— Встань, Чонг!

— Встань, Чонг!

— Встань, Чонг!

— Дух молнии тебе говорит — встань, Чонг!

— Дух грома тебе говорит — встань, Чонг!

— Дух ветра тебе говорит — встань, Чонг! Ку-Кор стал страшен.

Несмотря на осенний холодный ветер, от которого не спасали даже толстые звериные шкуры, колдун скакал почти голый, обливаясь потом. Длинные волосы, сильно намазанные жиром и закрученные в косу, прилипли к спине. Глаза, казалось, были готовы выскочить из орбит, на губах пена.

Вид Ку-Кора действовал на всех охотников, как магнит.

Не в силах отвести глаз от неистовствовавшего колдуна, они сидели, как скованные, не видя ничего, кроме мечущейся фигуры Ку-Кора, не слыша ничего, кроме его голоса. Колдовство заняло много времени. Короткий осенний день быстро поглощался надвигающимися сумерками. А

колдун все плясал и плясал, все выкрикивал слова заклинаний, сзывая духов к *костру*. Вот он начал прямо руками хватать пылающие головни и чертить ими

14

в воздухе огненные круги и змеевидные линии. Искры звездчатым дождем рассыпались вокруг, они попадали на Чонга, на охотников, но никто не чувствовал ожогов. Сам Чонг уже давно сидел, а не лежал на носилках.

Повелительные окрики Ку-Кора вызвали его из забытья, начавшегося с того страшного момента, когда лапы медведя легли на его плечи. Но вызвали для того, чтобы ввергнуть в гипнотическое оцепенение, пройдя через которое он обретал похищенное страхом здоровье. Он верил в колдуна, верил, будто колдун может вызвать добрых духов и с их помощью победить злых. В то же самое слепо верил и сам колдун и все сидевшие вокруг него.

Все они, первобытные предки наши, по образному выражению Энгельса, переживали тогда «детство человеческого рода» и были несведущи, наивны, доверчивы и беспомощны, как маленькие дети. Природа обступала их со всех сторон, как грозная и непостижимая сила. Она то милостиво согревала их лучами ласкового весеннего солнца и кормила вкусной пищей, то вдруг непонятно почему обжигала лютым морозом, морила мучительным голодом, поражала стрелами разъяренных молний, палила огнем лесных пожаров, топила в клокочущих водоворотях разлившихся рек.

Как предостеречься? Как спастись? Как предугадать, откуда тебя ждет бедствие? С какой стороны и от чего тебе угрожает гибель? И вот тогда подхлестываемое страхом воображение людей создало миф о незримых властителях, по своему произволу управляющих хаосом стихий. Люди наделяли сверхъестественной силой деревья и камни, молнию и гром, люди выдумывали всемогущих духов зла и добра. Свое единственное спасение от бед и страданий они видели в помощи распорядителей судеб.

В тот миг, когда Чонг, услышав призывный вопль Ку-Кора, приподнял голову и взгляд его встретился с глазами колдуна, излучавшими волны экстаза, когда всего его заполнил ритм грохочущих погремушек и речитатива колдовских заклинаний, он поверил, что близко спасение, что высшие силы, вызванные колдуном, его спасут.

В его ушах один призыв: «Чонг, встань!»

Ку-Кор же, видя, что Чонг делает усилия, чтобы встать, еще больше поверил в то, во что верил всегда, — в могущество духов, в то, что ему дарована свыше власть

15

тхишгмГ'Жх:

вызывать их и беседовать с ними. Еще громче он стал *взывать* к духам: пусть добрые услышат, пусть злые испугаются и отойдут. Еще выше и неистовее стали его прыжки — пусть добрые порадуются, как *он* пляшет в их славу, пусть злые отступят перед его натиском.

А охотники? Ведь на их глазах свершилось чудо: Чонг, который недавно бездыханным лежал на земле у ног хозяина леса, теперь сидит на носилках и смотрит вместе с ними на кружащегося колдуна. Как тут не поверить во власть духов и в способность колдуна творить с помощью духов добро и зло, в его избранность и силу.

«Чонг, встань!» — в последний раз вместе с хлопьями пены исторгнул из своего пересохшего рта Ку-Кор. И Чонг встал и пошел, немного шатаясь, навстречу колдуну. Но в этот миг конвульсивная дрожь пробежала по всему телу Ку-Кора. Его взгляд потух. Руки, как плети, упали вниз. Казалось, сила, которой он был переполнен, перешла в поднятого им больного. Он отдал ее всю без остатка, и теперь, сам обессиленный, медленно оседал на землю.

Из хижины вышли два младших колдуна — помощники и ученики Ку-Кора. Они бережно подняли его и скрылись с ним за пологом из бизоньей шкуры.

Мы не станем утверждать, что все произошло именно так. Это было слишком давно, несколько десятков тысяч лет назад, и поэтому доказательных свидетельств точно такой процедуры не сохранилось. Скорее всего, что в деталях наш рассказ произволен и не точен, но о главном, о существе происшедшего, о его понимании людьми того времени, мы наверняка рассказали сущую правду. В этом убеждают нас предметы домашнего обихода, орудия производства и охоты, а главное — предметы колдовства: амулеты, примитивные флейты, бубны, — найденные при раскопках стоянок кроманьонцев — наших далеких предков. Особенно интересны так называемые магические жезлы начальников с вырезанными на них фигурами диких лошадей, ланей, лебедей, змей и танцующих колдунов в звериных *шкурах*.

Во Франции в пещере Трех братьев сохранилось вырезанное в скале изображение пляшущего

колдуна эпохи Кроманьон. На колдуне — шкура оленя с ветвистыми рогами, с подбородка свисает борода, сзади приделан лошадиный хвост. У его ног изображены различные животные:

16

зубры, олени, львы с вонзившимися в них дротиками. Очевидно, что здесь мы имеем документальное подтверждение существования на этой ступени развития человека магического, охотничьего обряда. Трудно представить себе, чтобы люди, которые верили, будто успех охоты зависит от колдовства, умиловляющего духа оленя или медведя, не применяли подобного же колдовства для борьбы с недугами. Изучение жизни современных нам отсталых племен и народностей показывает наличие у них именно этих двух форм колдовства — охотничьей магии и магического врачевания.

Могут спросить: так что же, вы хотите сказать, будто гипноз уже был знаком кроманьонцу?

Да, безусловно, ответим мы, в той бессознательной мере, в какой он знаком современному дикарю, знаком он был и первобытному человеку. Ведь гипноз — это не продукт определенного уровня развития нашего сознания, нашей культуры или науки. Таковыми являются только объяснение и понимание гипноза. Сам же по себе он есть определенное состояние, в котором кратковременно или продолжительно находится головной мозг, а вместе с ним и вся центральная нервная система человека.

Но об этом потом.

Чуринг—священный камень

У Вангума, мага-врачевателя австралийского племени аранда, много дела. Вчера в их селении Роренду, проболев всего лишь несколько дней, внезапно умер молодой и крепкий мужчина Туй. Вангум боролся за жизнь Туя, но дух болезни оказался сильнее духов его лекарств, и Туй умер. И вот вчера же вечером, когда он отдыхал в своей хижине, к нему прибежала испуганная мать жены Туя и сказала, что дух болезни напал теперь на ее дочь. Он отнял у нее ноги и голос.

— Красавица моя, — причитала убитая горем мать, — сидит, как камень, молчит, как рыба. Ненасытный дух, ты пожрал Туя, ты сыт теперь — зачем тебе моя дочь? Отдай мою дочь! — и старуха раздирала ногтями свое лицо, рвала на себе волосы.

Вангум сказал, что завтра с утра он приступит к большой борьбе со злым духом, а сейчас он устал и ему надо

17

приготовиться. И он прогнал старуху, которая мешала ему своими завываниями.

После ее ухода Вангум крепко задумался. Значит, дух болезни сильно озлобился на Роренду. Обязательно надо его прогнать, не то он перетаскает к себе всех ее жите-лей. Сейчас же надо составить новое лекарство, а завтра с восходом солнца идти в пещеру Белого Кенгуру, где хранится Чуринг — вместилище его души.

Борьба с духом будет упорной и тяжелой. Поэтому следует в первую очередь спросить свою душу — готова ли она к борьбе? Надо укрепить ее ввиду предстоящего серьезного испытания.

Пока Вангум prepares свое магическое лекарство — варево из различных трав, перемешанных с птичьим пометом и змеиным ядом, — мы расскажем вам об особенностях верований первобытных австралийцев, сохранившихся у них в значительной степени и поныне, а также и о том, как зародился миф о душе.

Австралийцы прибыли на свой материк из Азии около 20 тысяч лет назад. Отрезанные океаном от развивающейся цивилизации других народов, они задержались на стадии первобытно-общинного родового строя. Их религия являет собой пример классического тотемизма.

Тотемизм — это вера в сверхъестественную связь между группой людей и каким-нибудь видом животных или растений. Отсюда и часто встречаемые названия таких групп — «люди кенгуру», «люди водяной лилии», «люди гусеницы».

Австралийцы верят, что они могут превратиться в их тотемное животное, а оно в свою очередь — в человека.

Тотем рассматривается как родоначальник определенной группы людей, и это накладывает запреты на их поведение. Они не могут убивать свой тотем, употреблять его в пищу. Однако существуют специальные обрядовые церемонии, во время которых поступают наоборот — убивают тотемное животное и насыщаются его мясом.

Во время специальной церемонии — «интичиума» устраиваются пляски, когда все участники движениями, раскраской, масками стараются походить на своих тотемов и в специальных заклинаниях просят их размножиться.

Одновременно с тотемизмом у австралийцев существует и анимизм (от латинского слова «анима»

— душа) — вера в душу и духов. Как и у других народов на ранней

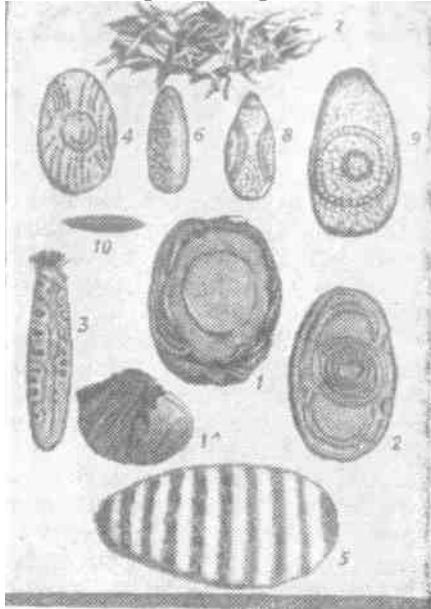
18

стадии их развития, у австралийцев существует представление, что вся природа находится во власти злых и добрых духов, распоряжающихся ею по своей воле, что может иногда приносить человеку пользу, а иногда причинять ему тяжелые несчастья. Отсюда и проистекает необходимость религиозных магических обрядов: с одной стороны, для умилоствления злых духов и борьбы с ними, а с другой — для взывания к добрым об их помощи. В себе самих австралийцы полагали наличие души как главного источника жизни, силы и разума.

Вместилищем души, по представлениям австралийцев, и являются чуринги — куски камней или дерева. Чуринги сохраняются в укромном месте. За ними тщательно ухаживают, их подклеивают, обвязывают, заворачивают в пух. Считалось, что если чуринга сломается или тем паче потеряется, то с человеком, чью душу он в себе вмещал, обязательно случится какое-нибудь большое несчастье. Вот почему места хранения чурингов тщательно оберегаются. Женщинам и детям даже близко не позволяют приближаться к этим тайным святилищам.

Вера в душу появилась, когда человек стал задумываться над вопросами, значительно более сложными, чем обыденные заботы о жилище, одежде и пище. И среди них прежде всего встали те, которые касались его самого.

Рождается ребенок, растет, становится взрослым и сильным человеком,

Предметы магии австралийского племени аранда.

стареет и наконец умирает. Только *что* двигался, говорил, действовал — и вот происходит что-то, от чего он лежит холодный, неподвижный, больше никто и никогда не услышит его голоса. Человек умер... Что такое смерть?

Человек целый день на ногах, он внимателен ко всему, что его окружает: он откликается на зов, видит, осязает, ходит, говорит, но наступает вечер, человек ложится, закрывает глаза, засыпает. Он не слышит, когда его называют по имени, не чувствует прикосновения, не видит зажженного вблизи огня. Человек спит... Что такое сон?

Утром, проснувшись, тот, которого видели всю ночь не поднимающимся с ложа, рассказывает, что он побывал за это время в лесах, где когда-то ребенком бродил с людьми своего племени, что он видел там давно умерших своих братьев, разговаривал с ними и охотился на небывалых зверей и птиц. Один австралиец рассказывал этнографу Хауитту: «Когда я сплю, я живу в отдаленной стране, я вижу также тех, которые уже давно умерли, и с ними я разговариваю». И снова вопрос, что такое сновидения?

Причудливые картины сновидений особенно сильно действовали на воображение человека, властно приковывая к себе его мысль. Не в них ли открывает себя людям всемогущая таинственная сила, от которой ждут они исполнения надежд? Не здесь ли то желанное средство общения с невидимой волей, намерения которой они тщетно старались угадать хотя бы по видимым признакам, придавая им глубокий смысл и особое значение примет и предзнаменований?

И вот фантазия, подстегиваемая тревожным чувством страха перед непокорной и загадочной

природой, воспламеняемая страстным желанием добиться успеха в житейских делах, создает в голове людей сочетание жизненных наблюдений и фантастического вымысла. Человеку кажется, что невидимые силы способны отделяться от осязаемых предметов, что во сне второе незримое наяву «я» на время покидает тело, а смерть наступает тогда, когда оно расстается с ним навсегда. С пристальным вниманием подмечает человек признаки наступающей смерти своего собрата. Вот уже умирающий недвижим, лишь слабо поднимается его грудь, но скоро и дыхание прекращается. Может быть, незримая

20

сила, второе нетленное «я» человека и есть то теплое и влажное, невидимое дуновение, что вылетает из уст умирающего с последним его вздохом? Не от него ли зависит и сама жизнь? Ведь когда оно улетает, человек умирает.

Приблизительно так родилось впервые в древние времена фантастическое, вымышленное представление о душе человека (от слова — дыхание, дышать), с присутствием которой в теле якобы связана жизнь, а с потерей — смерть.

Сон стали понимать как временное отделение души от тела, уход ее в странствие. Казалась разрешенной и загадка сновидений. Тогда же возникла мысль о бессмертии души. С нетленными душами умерших якобы встречается душа спящего.

Это ложное истолкование непонятных явлений надолго завладело умами человечества. Выдуманное представление о душе соблазняло своей конкретностью, простотой и кажущейся ясностью, вселяло надежду на помощь сверхъестественных сил. Поэтому на первых порах «духи» и «души» стали размножаться с невиданной скоростью. Все недоступное пониманию быстро становилось добычей «духов». Воображение людей создало духов деревьев, птиц, рыб и зверей, духов ветра и грома, неба и земли, звезд и воды. Духов стали различать по тому, как они относятся к людям, — духи злые и добрые, духи, приносящие удачу и насылающие бедствия, мор и болезни, духи жадные и прожорливые и духи щедрые и милостивые. Скоро они населили мир так густо, что все уже стало казаться понятным и ясным, и всякий вновь появляющийся вопрос легко находил разрешение с помощью всюду и вовремя поспевающих духов.

Знаменитый английский исследователь Африки Давид Ливингстон рассказывает, что в пустыне за время дневной жары сильно раскаляются каменные скалы, а ночью, быстро охлаждаясь, они трескаются со страшным шумом, напоминая выстрелы; туземцы считают, что это стреляют подземные духи. Женщины из племени шорцев раньше говорили о своих умерших детях, что их загрызли духи. Индейцы Мексики считают, что растения, подобно человеку, имеют душу, иначе они не могли бы жить и расти. Они умеют говорить, петь, чувствовать радость и

21

страдание. Зимой, когда деревья застывают от холода, они плачут и молятся солнцу, чтобы оно скорее засияло и согрело их.

Продолжим, однако, *рассказ о Вангуме*.

Вангум незаметно и бесшумно продирается сквозь заросли колючего кустарника. Идти было трудно. Иногда какой-нибудь шип впивался в тело и оставлял длинный кровавый след на смуглой коже. К пещере Белого Кенгуру была удобная дорога через степь с высокими травами, но Вангум умышленно избрал труднопроходимую чащу — ему надо было подойти к сокровенному месту так, чтобы остаться никем не замеченным.

Вот и сама пещера.

Вангум проскользнул в ее полумрак. Крадущейся, бесшумной походкой он быстро добрался до небольшой ниши, где хранился чуринг. Бережно, дрожащими руками вынул он из деревянной коробки небольшой камень овальной формы и положил перед собой на выступ скалы. Чуринг Вангума был покрыт символическими знаками, начертанными клыком сумчатой лисицы. Вангум взял из охапки хвороста, специально заготовленной в его предыдущие посещения, несколько веток, достал кремень и принялся разжигать костер. Когда первые змейки огня, слабые и неуверенные, побежали по веткам, он подбросил в огонь еще хворосту, и вот с характерным треском пламя начало набирать силу.

Тогда, присев на корточки, Вангум сквозь огонь устремил пристальный взгляд на чуринг.

Долго сидел он так, неподвижно и молча, затем начал бормотать, сперва тихо и медленно, а потом все громче и быстрее слова заклинаний. Колдун в разных выражениях многократно повторял односложные звуки и слова, прося помощи у своей души в предстоящей битве с духом болезни. Постепенно эти выкрики вновь перешли в бормотание. Голова Вангума упала на грудь. Со стороны могло показаться, что он заснул, — и только вздрагивания покатоной спины и плеч

обнаруживали в нем признаки бодрствования. Так продолжалось очень долго. Уже давно потухли последние угли костра, а Вангум все сидел на корточках и время от времени бормотал заклинания, обращенные к хранителю его души — чурингу. Наконец всякие движения и бормотания прекратились, и маг-врачеватель застыл с каменным выражением на лице.

22

Известный немецкий этнограф-океанист Ганс Дамм в книге «Канака — люди южных морей» утверждает, что, по представлениям туземцев Австралии, знахарям присуща особая магическая сила, которая нисходит на них во время сна, длящегося иногда несколько суток. Совершенно справедливо замечая, что такой сон магов-врачевателей есть сон гипнотический, Дамм раскрывает те суеверные представления, во власти которых находятся австралийцы в отношении подобного сна их знахарей. Они полагают, что в этом состоянии душа врачевателя отделяется от его тела и приобщается к «первоначальной созидательной силе», которую они представляют себе в виде радуги-змеи. Это от нее он получает прозрачные кристаллы, сверкающие всеми цветами радуги и проникающие в его душу. Только так знахарь и обретает свою магическую, целительную силу.

Проснувшись от гипнотического сна, маг испытывает жажду. Тогда он пьет из любого водоема или источника и тем самым вбирает в себя радугу-змею, присутствующую во всякой воде, а это еще больше приумножает его врачевательные возможности, приобретенные во время сна. С этого момента маг получает силу и способность в дальнейшем отделять свою душу от тела и посылать ее в странствования. Он может посылать ее к умершим, для того чтобы поучиться у них танцам и песням корроборри. Все эти галлюцинаторные переживания, связанные с посещением «страны мертвых», также имеют место в гипнотическом трансе.

...Солнце уже опустилось за горизонт, когда Вангум вышел из пещеры Белого Кенгуру и, напившись из родника, отправился в обратный путь.

В Роренду целый день царило возбуждение. Мысль о том, что дух болезни ходит и поедает одного человека за другим, не давала никому покоя. Уход Вангума из Роренду, хотя и был окружен тайной, не мог остаться незамеченным, тем более, что в течение всего дня многие подходили к его хижине, но их неизменно прогоняли, говоря, что его нет. И жители селения догадывались, что колдун ушел, для того чтобы собраться с силами и укрепить себя в предстоящей борьбе, и с нетерпением ждали его возвращения.

С сосредоточенным видом, молча прошел Вангум через все селение к своей хижине. С любопытством и стра-

25

хом следили за ним сотни глаз. Что дало ему тайное общение с духами? Укрепился ли он? Готов ли вступить в борьбу с духом болезни? Но никто не смел приблизиться к нему и спросить о том, что интересовало всех. Люди видели, что колдун погружен в себя, что он сейчас в мыслях и чувствах где-то далеко, в недоступных простым смертным местах, и никто не мог и помыслить ему помешать.

Вангум сразу же послал за Тотмиттой — вдовой Туя и велел позвать нескольких жителей.

Когда люди собрались и была принесена потерявшая способность ходить немая Тотмитту, врачеватель приказал образовать круг. В центре этого круга у подножия дерева он разместился сам с охотниками, которых пригласил-

24

Австралийский маг-врачеватель.

сил быть своими спутниками в страну мертвых для изучения там плясок и песен корроборри. Загудели барабаны. Их однообразная, стучащая по нервам дробь долго оглашала всю окрестность. Потом Вангум запел священную песню на невыносимо ноющий монотонный мотив, и ему вторили сидевшие рядом с ним мужчины. Через некоторое время все впали в транс, и тогда колдун начал тихо внушать им: вот они видят, как знахарь достает из водоема радугу-змею; вот они садятся ей на спину, и она мчит их в поднебесье. Прилетев в чудесную страну, они усаживаются вокруг радуги-змеи. Колдун берет каменный нож и убивает им одного из участников путешествия, разрезает его на части и мясо убитого отдает радуге-змее. Остальные спокойно наблюдают за тем, как радуга-змея пожирает их товарища, и тоже отвеживают его мяса. Когда трапеза окончена, знахарь очищает кости убитого и каждой дает название. Затем раскладывает их на земле в определенном порядке: бедренные кости вместе с лопатками, голову — к костям таза. Затем все снова садятся верхом на радугу-змею и летят на ней вниз к земле, а Вангум остается один у скелета съеденного спутника. Он гладит кости рукой и распекает заклинания. Через некоторое время кости обрастают мясом, и в конце концов принесенный в жертву начинает дышать. Он оживает. А тем временем Вангум вынимает из своего пупка вторую радугу-змею, которая доставляет его и ожившего спутника на землю, где их встречают остальные участники путешествия.

Поднявшись со своего места, Вангум подошел к уснувшим гипнотическим сном охотникам. Властно простер он над ними руку и произнес: «Вы, ездившие в страну мертвых, видевшие радугу-змею и пляски страны мертвых и поедавшие вместе с радугой-змеей тело своей жертвы, — все забудьте. А сейчас придите из страны мертвых и смотрите, как я буду исцелять Тотмитту!»

И когда все участники церемонии открыли глаза, Вангум подошел к больной:

— Радуга-змея дает тебе моим словом ноги и голос, вдова Туя. В стране умерших я виделся с ним, и он просил радугу-змею за тебя. А радуга-змея сказала мне: «Поставь на ноги вдову Туя Тотмитту!» Ты засни, вдова Туя Тотмитту, и ты на своих ногах пойдешь в страну мертвых, и ты увидишь там Туя. и ты своим голосом за-

25

говоришь с ним, и ты придешь из страны умерших и здесь будешь ходить по Роренду от хижины к хижине на своих ногах и своим голосом рассказывать, как Вангум послал тебя в страну мертвых за ногами и голосом и как злые духи болезни хотели тебе помешать, но никто не может мешать тому, кто идет по велению радуги-змеи. Ты будешь ходить, ты будешь говорить, Тотмитту!»

Пока колдун произносил свои заклинания, по многу раз их повторяя, барабаны опять били свою нескончаемую дробь и все присутствовавшие тянули нудный, односложный мотив, усыпивший Тотмитту. И вот уже ей кажется, будто она действительно ходит по стране умерших и говорит со

своим мужем... Когда же раздается резкий, как удар грома, крик Вангума: «Встань, Тотмитту, встань!», — она делает усилие, другое, кажется, в ней рвутся какие-то незримые пути, ее тело освобождается от сковывающей неподвижности, ее вялые ноги наливаются силой и она... встает! Встает и говорит.

Радуется Вангум и его соплеменники: не устоял дух болезни перед врачевательной силой мага, перед силой его души, побывавшей во время сна в стране умерших, где радуга-змея преумножила его магический дар.

А мы с вами понимаем, что приказательное внушение австралийского мага-врачевателя в гипнозе разрешило истерической природы паралич речевого центра и устранило у больной такого же происхождения невозможность стоять и ходить, астазию, абазию, как говорят психиатры. Эти нарушения были вызваны у нее нервным потрясением в связи со внезапной смертью мужа.

Магический целительный обряд, подобный описанному, можно встретить у самых различных народностей и племен Австралии, Африки и Америки. Повсюду неизменными частями обряда являются ритмические танцы и движения, сопровождаемые ударами бубнов, гонгов и барабанов, стуком палок или звуками дудок, многократными заклинаниями, применением одурманивающих веществ.

Ясак духа заразы

«Десять лет — это задаток. А за дальнейшее я вам ручаюсь. О Средне-Колымске мы ничего не знаем, кроме того, что там жить нельзя. Поэтому туда и отправляем вас».

26

Это подлинные слова жандармского полковника, которыми он напутствовал в ссылку Владимира Германовича Богораза, отсидевшего три года в каземате Петропавловской крепости.

Двадцати одного года бывший студент юридического факультета Петербургского университета, из которого его исключили за участие в студенческих волнениях, В. Г. Богораз, ставший впоследствии всемирно известным ученым этнографом, языковедом, фольклористом и писателем В. Г. Богораз-Таном, был заточен в Петропавловскую крепость. Его — организатора групп «Народной воли» на юге России — арестовали в тот момент, когда он приехал в Петербург для совместной работы со столичной группой Александра Ильича Ульянова.

— Значит, жить нельзя? Ну, это мы посмотрим!..

Отныне задачей стало — обязательно выжить, назло царским жандармам сохранить себя для дальнейшей борьбы с мучителями народа и палачами его защитников. Это твердое решение дало молодому революционеру воистину неистребимые силы, необходимые для преодоления нечеловеческих лишений, страданий и трудностей, которые поджидали его на каждом шагу длившегося год пути в неизведанную Луораветландию.

Жажда «додраться» поддерживала его и потом, в долгие годы ссылки.

«Луораветландия — страна чукчей, диких обитателей северо-восточной оконечности империи», — вот, пожалуй, и все, что можно было узнать об этом отдаленном и заброшенном крае царской России ко времени ссылки Богораза. Пешком и на лошадях, в зарешеченном вагоне и в арестантской колымаге, через бескрайние степи и поля, горы и реки, сквозь тайгу и тундру двигался В. Г. Богораз к месту своей ссылки. И всюду его взору представляли одни и те же картины. Невероятная ширь просторов, сказочное богатство природы и, в вопиющем противоречии с этим богатством, бедность и нищета трудового люда.

Да, хоть и тяжелый, но правильный жизненный путь избрал студент Богораз. Путь борца за народное счастье, за лучшую долю для него — труженика и кормильца всей страны.

Но вот и конечный этап пути, место ссылки, — Чукотский полуостров, страна суровой природы, никогда не

27

виданных «оленных людей». Ссылный народоволец проникся горячей симпатией к этим бесхитростным, доброжелательным и наивным детям природы. Но какая беспросветная нищета и убожество их существования! Перед картинами такого прозябания меркнут все те ужасы, с которыми столкнулся Богораз, проехав всю Россию с запада на восток.

Поголовная безграмотность, самые дикие суеверия, кошмарная антисанитария жилья и быта, полное отсутствие медицинской помощи... Впоследствии, уже при Советской власти, в своем основном труде, посвященном чукчам, рассказывая об их жизни в дореволюционное время, Богораз-Тан писал: «На Севере не было школ и не было грамотных. В огромных округах, величиной с Германию, не было ни одного врача, ни одной больницы, и перед лицом эпидемий люди и олени были одинаково беспомощны».

Весной все вокруг покрывалось кожаными ярангами: с рек Россомашей и Медвежьей, с Омолона и Чукотского носа везли охотники меха, пригоняли стада оленей. Открывалась местная ярмарка. Без боли не мог честный и справедливый Владимир Германович смотреть на эту «торговлю». Сплошной обман и прямое обворовывание неграмотных и детски наивных людей. Колымские купцы за пачку кирпичного чая или фунт папушки (табака) выменивали серебристых чернбурок и валютных соболей. А то и того проще. Поведут охотника в кабак, напоят сердитой водой (так чукчи называли водку), и вся его зимняя добыча даром переходила в руки хапуг. Сам дарил в пьяном умилении «хорошим» людям. Протрезвеет человек, кинется правды искать — а где ее найти? Спаивавших его купцов и след простыл, целовальник да староста над ним же посмеются: «А зачем пил — пить не надо было, пьяница». Да и еще такое что-нибудь добавят, что никогда и нигде не печатается. Оно и понятно, местное начальство всегда хороший калым с таких сделок имело. Вот и возвращается охотник в свое стойбище с пустыми руками — сам гол и к голой семье. Погорюет, пожалуется таким же обездоленным беднякам да и в лес на промысел, опять на паразитов работать.

Стал Владимир Германович ближе сходить с местным населением, изучать их язык, обычаи, верования. Часто давал полезные советы. Приобщая к культуре, оказы-

28

вал несложную медицинскую помощь. Полюбили его за это чукчи. Зато местное начальство, наблюдавшее за ссыльными, весьма неодобрительно смотрело на такую деятельность.

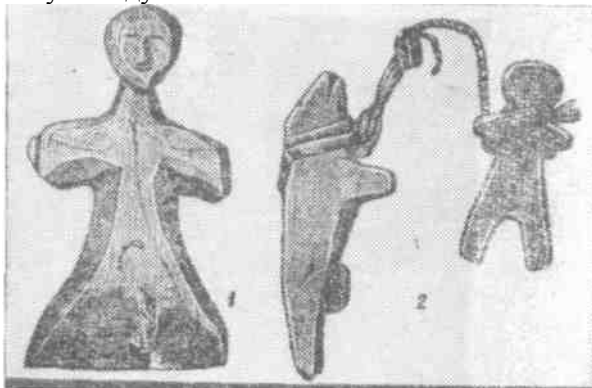
Вскоре Богораз получил приглашение от Русского географического общества принять участие в научной экспедиции, направлявшейся в самые глухие, неизведанные места края для изучения быта чукчей и окружающей их природы. Владимир Германович с охотой согласился.

Там-то, в самом сердце тундры, в стойбищах оленных людей и увидел он то, что имеет прямое отношение к нашему рассказу о гипнозе.

Подружился Богораз со старшиной чукчей Этигином. Часто заживал он и в ярангу сообразительного и добродушного оленевода Айнанвата. И тот все больше и больше привыкал к нему. Когда уже отношения стали совсем приятельскими, Владимир Германович начал расспрашивать о том, что его особенно интересовало и о чем, как он это хорошо понимал, с чужим человеком, иноверцем, чукча откровенно говорить не станет. Стал он его расспрашивать о духах, о их роли в жизни оленных людей, о причастности духов к болезням и к лечению от этих болезней. Попыхивая своей деревянной длинной трубочкой и с наслаждением вбирая в себя едкий дым табака, Ай-нанват шутливо погрозил Богоразу пальцем:

— Все узнать хочешь — про келет' узнать хочешь.

У чукчей духи называются — келет.

Чукотские деревянные фигурки, изображающие духов-помощников.

А что, если хозяева рассердятся на Айнанвата и накажут его?

Настала томительная пауза. Оба собеседника выжидательно молчали.

Вдруг чукча похлопал своего гостя по плечу:

— Расскажу, все расскажу. Ты хороший человек, ты чукчей любишь — тебе можно рассказать. Хозяева сердиться не будут — ты свой.

Келет всем владеют—все могут. Одни келет принадлежат тундре — они пугливы, другие келет хозяева озер, есть страшный келет заразы — вот о нем тебе расскажу...

Впоследствии сам Богораз-Тан так изложил слышанный им рассказ об этом духе. За несколько лет до происходившего разговора на Чукотке разразилась эпидемия оспы, унесшая в могилу сотни людей, и это бедствие было свежо в памяти местных жителей. «Уже третий месяц грозный дух

заразы кочует по большой тундре, собирая с оленных людей человеческие головы в ясак¹. Никто не видел его лицом к лицу, но говорят, что ночью, когда последняя сноха, суевившаяся у костра, влезает внутрь полога, он проезжает мимо стойбищ на своих длинноногих, красношерстных оленях, ведя бесконечный обоз, нагруженный рухлядью; полозья его саней — из красной меди; женщины едут вместе с ним, следя за упряжными оленями; захваченные пастухи гонят сзади бесчисленные красные стада с рогами, похожими на светлое пламя... Никто не видел его лица, но люди называют его хозяином страны».

— Вот какой он страшный келет заразы, — закончил Айнанват.

— Ну, а как бороться с ним?

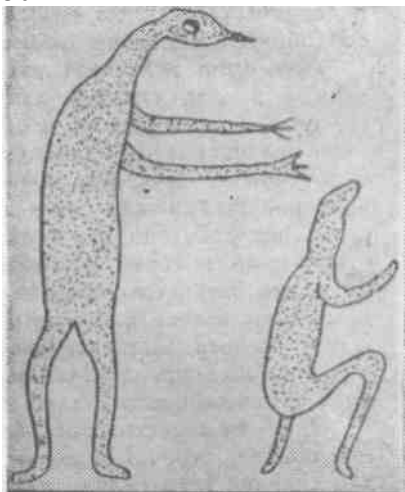
— Нельзя бороться — покориться надо.

— Ну, как же с болезнями не бороться, — возмутился Богораз.

— Почему с болезнями не бороться, — сказал Айнанват. — Можно с болезнями бороться, есть такие келет болезней, которые уступают шаману, их он может прогонять, а келет заразы — шаман прогнать не может, его самого этот келет заберет — покориться надо.

¹ Ясак — налог, выплачиваемый натурой: пушниной, оленями и т. п.

30

Погоня духа болезни за человеческой душой. Чукотский рисунок.

Понимая бесполезность дальнейшего спора, Владимир Германович спросил:

— А духов каких болезней прогоняет шаман?

— Многих, многих болезней. Шаман сильный защитник, ему добрые ке-лет помогают злых прогонять. Вот завтра шаман Тэнгэт келет корчи из охотника Рькавчина прогонять будет. Приходи — посмотришь.

— Я с удовольствием, — поспешил согласиться Богораз, но тут же с тревогой в голосе добавил, — но пустят ли меня?

— Почему не пустить, — верного друга чукчей всюду пустят.

Магическая процедура изгнания духов получила у ряда народностей Алтая, Сибири, Аляски и Кольского полуострова (чукчей, орочей, лопарей и др.) название «камлания».

Применение этой процедуры для врачевания проистекает из убеждения, что в кознях злых духов кроется объяснение физических страданий и болезней. В далекие времена появилось это ложное представление, тогда же, когда родилась вера в духов.

Одни народы стали считать болезнь нападением злого, враждебного духа на законного владельца тела человека — душу. Другие полагали, что болезнь возникает, когда жадный, прожорливый дух начинает грызть тело человека, воспользовавшись временным отсутствием его души. Поэтому считалось, что для избавления от болезни можно применять любые средства, которые принудят непрошенного гостя оставить терзаемую им жертву.

К моменту появления религиозных верований люди уже накопили ряд сведений о лечебных снадобьях и способах помощи при ранениях и заболеваниях. Но, уверовав

31

в сверхъестественные силы, человек стал придавать этим снадобьям и способам мистическое толкование.

Лекарство действует якобы потому, что духи, заключенные в нем, сильнее духов болезни; или потому, что колдун, маг или шаман, в обязанности которых стало входить врачевание, придали

снадобью своими заклинаниями чудотворную силу. Какой бы прием ни применял колдун, знахарь, шаман или маг, какое бы ни давал больному зелье, их действия окружались мистической таинственностью, цель которой заключается в том, чтобы подчеркнуть, что здесь совершается нечто необыкновенное, приоткрывается завеса иного мира, врачеватель вступает в общение со сверхъестественными силами.

Подобные представления и до сего времени сохранились у некоторых отсталых народов.

Одна из известных исследовательниц Африки М. Кинг ели писала, что, по мнению многих местных племен, каж дое явление есть результат действия одних духов на дру гих. Когда, например, врач дает лекарство, то дух послед него действует на духа болезни.

Негритосы Филиппинских островов убеждены, что целебное действие могут оказывать лишь травы, даваемые колдуном, произнесшим над ними заклинание. Слова колдуна напутствуют духов травы на борьбу с духом болезни.

Характерно, что ни колдуны и маги первобытных племен, ни знахари и шаманы отсталых народов не объясняли своих врачующих способностей собственной силой. Нет, они считали, что обязаны своим умением тем добрым духам, которые избрали их объектом особого расположения и помогают им в чародействе. Колдуны и шаманы объявили себя избранниками духов, посредниками между миром людей ч миром сверхъестественных сил. Основываясь на записях самого В. Г. Богораза-Тана о его личных впечатлениях от обряда камлания у чукчей, мы продолжим рассказ о том, как происходило у них камлание, специально посвященное врачеванию. На следующий день, как и условились, Айнанват привел Богораза в ярангу Тэнгэта. В яранге жарко натоплено и празднично убрано. Вдоль ее стен из натянутых оленьих шкур расселись люди, — лица у всех торжественны и суровы. Их собрала сюда беда. Лучший охотник стойбища Рькавчин попал в руки злых келет. Заблудив-

32

шись в тундре, он несколько дней голодал, и тут-то напали на него келет. Когда его нашли, он, совсем одичавший, сидел у потухающего костра и, разбрасывая во все стороны головни, кричал на злых келет, которые его обступили, что не станет их добычей, но келет смеялись над ним, гримасничали и дразнили длинными красными языками. И потом келет не оставили Рькавчина. По ночам они являлись к нему, смеялись в лицо и опять показывали страшные языки. С Рькавчином тогда приключались корчи, он рвал на себе одежду, падал на пол и долго бился в судорогах — так терзали его проклятые келет, что смотреть было непереносимо. Несколько раз родственники и сам Рькавчин обращались к Тэнгэту, но шаман отказывался начать лечение, еще не подошло время, когда можно бороться с келет корчи. Лишь недавно он заявил матери Рькавчина: «Скажи сыну, через три дня буду изгонять из него злых келет». Шаман очень тщательно готовился к обряду. Все три дня он ничего не ел и только возился со своим бубном. Тэнгэт много раз смачивал, а затем просушивал туго натянутую перепонку из моржового желудка, бил по ней колотушкой из китового уса, все время прислушиваясь к возникающим при этом звукам.

Когда звон бубна стал громок и сух, как треск пересохшего дерева, как разрыв грозовой искры, шаман и велел Рькавчину и его родственникам собраться у него в яранге. К этому времени охотнику стало совсем плохо. Злые келет нападали на него теперь каждую ночь и даже днем не давали ему покоя. Он уже не ходил, и его пришлось внести в ярангу шамана на руках и положить на указанное шаманом место.

Кругом царил полумрак. Лица присутствующих, лежащая фигура больного и сам шаман освещались только отблесками небольшого очага, разожженного посреди яранги.

Богораз осмотрелся. Некоторые из собравшихся были знакомы ему — охотники Катек, Ятиргин, Пэнлу, КВот-герген. Знал он и Рькавчина.

Но вот шаман поднял над головой бубен, обычный, чукотского типа — маленький, круглый, с тонким деревянным ободком, — и ударил в него колотушкой.

— Э-гэ-гэ-гэй! — произнес он при этом и начал ходить вокруг лежащего охотника.

— Э-гэ-гэ-гэ-гэй! — громче и настойчивее выкрикнул

2

33

он, как бы зовя кого-то, и тут же с истерическим надрывом в голосе закричал:

— А — якка-якка-яккой! Сойди вниз человек из Верхней страны ! Я хочу, чтобы ты был моим помощником. И, правда, что другое я могу сделать? Откуда еще я могу получить какую-нибудь помощь? Я не знаю. Если ты позволишь, то я возьму тебя помощником. Сойди ко мне. Я стою здесь без всякой помощи!

«Как в этом заклинании, — подумал Богораз, — ярко и наглядно отражается основная причина

веры в духов — надежда на чудотворную помощь. Эта вера порождена бессилием человека перед природой, отсутствием у него знаний о ней, жизненной потребностью куда-то обратиться за помощью, признанием своего бессилия справиться одному с навалившимися горем и страданиями».

А шаман тем временем, закончив трижды повторенное обращение к духу-помощнику, все быстрее и быстрее ходил вокруг Рькавчина. Потом его ходьба перешла в бег, а бег в неистовую пляску с подскоками и прыжками. Все чаще и громче звенел и грохотал бубен. Оглушительная дробь коротких и частых ударов сливалась с воплями шамана:

— Э-гэ-гэ-гэй!

— А-якка-якка-яккой!

— Боббо, боббо, боббо!

— Гау, гау, гау!

Тэнгэт впал в настоящее неистовство. Немыслимо было понять, откуда у человека может взяться такой запас энергии и силы. Все быстрее и быстрее его кружение, все исступленнее крики. Временами шаман переставал бить в бубен и подносил его к своему рту, — тогда бубен наполнял ярангу каким-то невстречаемым в природе гулом.

Владимир Германович оглянулся на своих соседей. Посмотрел на больного Рькавчина. Казалось, все они были где-то далеко отсюда — так потусторонне и сонно выражение их лиц, мешковато осели фигуры. Похоже, спят люди, но в то же время никто из присутствующих не спускал глаз с пляшущего шамана. Его неистовые прыжки и дикие завывания властно притягивали к себе все внимание окружающих.

Время от времени они по установленному веками ритуалу
Верхняя страна, по чукотским верованиям, — страна духов.

34

туалу поощряют шамана возгласами сочувственного удивления:

— Гыч! Гыч! Верно! Правда! Гыч! Гыч!

После почти часовой пляски и воя Тэнгэт неожиданно выронил бубен, который ударился о землю, и оборвался его грохочущий напев. Сам шаман неподвижно постоял с минуту, а затем рухнул около костра. Правая рука его упала на тлеющие угли, но он на это не реагировал. К нему подошла мать Рькавчина, бережно вынула руку из костра, закрыла его лицо платком и подбросила веток в костер. Айнанват нагнулся к уху Владимира Германовича и тихо, с благоговением в голосе, сказал:

— Душа Тэнгэта ушла в Верхнюю страну Нутенут, где живут добрые и злые келет. Ушла за душой Рькавчина — за здоровьем его ушла.

Все сидели молча.

Шаман очнулся, он приподнялся на руках, сел и посмотрел вокруг себя так, словно вернулся издалека и еще не очень понимает, куда он попал. Минуты две-три помолчал — и затем неторопливо тихим голосом начал рассказывать:

— Далеко ходил. Много сильных и злых келет мешали — в Верхнюю страну прибыли. Злых келет, рождающих корчи в руках и ногах, в стороне от нас видим, душа охотника у них. Схватить, однако, не можем, не даются, дальше уходят. Тогда стал просить от правой стороны рассвета: болен человек, помоги мне. Духов бытием посмотри на меня. Ответила правая сторона рассвета: Не хочу! У верхушки рассвета прошу: помоги мне, духов бытием посмотри на меня. Говорила верхушка рассвета: Не хочу! От левой стороны рассвета просил я: помоги мне, духов бытием посмотри на меня! И ответила левая сторона рассвета: «Иди, на малой кочке светлая женщина сидит. Женщина времен начала творения, старушка, она заговор знает, ее проси. К кочке пришел, женщину старую посетил. Сказала: попробую. Травку назвала. Травка эта железной птицей станет, железным кобчиком. Духи в стаю куропаток обернутся. Железный кобчик накинется на них, убьет и съест. Душа Рькавчина освободится, обратно вернется. И станет он снова здоров и силен.

С этими словами шаман взял в руки пучок сухой травы, подошел к больному и, что-то бормоча, медленно обтер его лицо. Рькавчин, который во время всего рассказа

35

шамана дремал, в то же время ясно слышал журчание его слов. Жадно вслушивался он в эти слова, стараясь понять, какую весть принес ему избранник духов из Верхней страны. Слова эти, находя живой отклик в сердце, западали в мозг, пробуждая горячую надежду на желанное выздоровление. И когда Тэнгэт, закончив обтирать его лицо, сказал: «Встань Рькавчин — дух корчей убежал от

тебя!» — молодой охотник резким движением сбросил с себя оленью шкуру, которой его в начале камлания укрыла мать, и встал. Громко крича, что он чувствует, как ему хорошо теперь, когда его не дергает за руки и за ноги злая сила, он стал прыгать и смеяться от радости.

Громкими возгласами одобрения присутствующие встретили исцеление Рькавчина.

Шаман тут же стал торговаться с родными охотника, сколько каких шкур ему прислать и сколько оленей пригнать к его яранге за оказанную помощь.

Богораз не стал прислушиваться к этому торгу: он давно уже имел возможность убедиться в жадности шаманов и знал, как они беззастенчиво обирают своих соплеменников, соперничая в этом с купцами и кабатчиками. Он думает о том, что от поселка к поселку, от стоянки к стоянке будет передаваться восторженная, изукрашенная и преувеличенная весть об удивительном проявлении «чудодейственного» могущества избранника духов — шамана. Как снежный ком, будет расти его слава, увеличивая веру в духов, веру в чудесную силу камлания. И в этой славе утонет факт, что из многих искавших спасения у него он мог исцелить лишь единицы, что в ужасный год, когда поселок за поселком скашивал «страшный дух заразы», перед ним не мог устоять никто и даже... сами шаманы падали под его косой. Но вера в чудесные исцеления от этого не меркнет, она держится на религии, которая подсказывает и шаману и окружающим «неопровержимые» объяснения неудач в исцелении: то духам негодна жертва, принесенная больным, то они разгневаны на жителей поселка за какое-то непочтение к предкам. А вот редкие случаи удачи порождают новую вспышку веры...

С этими невеселыми думами, откинув дверной полог шаманского жилья, Богораз вышел наружу. После спертой жаркой атмосферы яранги морозный воздух ударил в легкие обжигающей струей. И ему вспомнился день, когда он с группой товарищей вышел из теплого помеще-

36

ния университетской аудитории на залитую огнями набережную замерзшей Невы. Возбужденные, они горячо обсуждали лекцию психиатра Бехтерева о гипнозе.

«Да, ведь все, чему я сейчас был свидетелем, — все — от способов вызывания этого состояния до влияния его на больного, явно страдающего истерическими судорогами, — это чистый гипноз. И состояние шамана, который впал в самогипноз от однообразного грохота бубна, диких криков и бесконечной пляски, становится понятным. Поэтому он и руку не отдернул, когда она попала в костер, — боли не чувствовал. И все эти разговоры с духами не что иное, как галлюцинации находящегося в экстазе человека, — и сонливые фигуры присутствующих с неподвижно устремленными на шамана взорами. И «чудесное исцеление», посланное Рькавчину из «верхней страны». Эх, жалко, не с кем поделиться своими мыслями! Некому рассказать обо всем этом. Не поймут меня добрые чукчи, не поймут. Очень уж они наивны. Очень забил им головы грохот колдовского бубна и засосала тина страшной животной жизни...

Но придет, верю, знаю, придет время, и не за горами оно! Спадут оковы рабства с народа — и свет истины, свет знания озарит этот заброшенный дикий край. И тогда кончится царство шаманов, замолкнут навсегда их бубны, и только улыбнутся снисходительно люди над теми «чудесами», в которые слепо верили их предки!»

Этим мыслям молодого революционера и ученого суждено было сбыться при его жизни. На Чукотке один за другим выросли благоустроенные городские поселки, появились школы и больницы. Многие чукчи стали учителями, врачами, инженерами.

Чудо в Эпидавре

А теперь нам предстоит совершить путешествие в древнюю Грецию — вернуться на две тысячи лет назад.

В доме скульптора Тимона горе. Его любимая дочь, тонкая и быстроногая, как лань, двенадцатилетняя Амариллис заболела. Еще утром ничто не омрачало безмятежного покоя семьи, и вдруг за обедом девочка поперхнулась косточкой большого икарыйского абрикоса. Она побледнела, ей стало трудно дышать.

37

— Моя дочь умирает — помогите, помогите скорей, Амариллис умирает! — дом огласил душераздирающий вопль ее матери Диофаны. Паника охватила всех: люди бегали «кричали. Сама девочка страшно испугалась, когда косточка застряла у нее в горле, но особенный ужас ее охватил, когда она услышала отчаянные крики матери, увидела ее перекошенное ужасом лицо. В каком-то судорожном напряжении Амариллис уперлась локтями в стол, широко открыла рот и... глотнула. Сразу пришло облегчение. Воздух стремительно вошел в легкие. Девочка порозовела. Опасность миновала. Все ее существо наполнилось ощущением бурной радости спасения. Она

открыла рот, чтобы закричать от счастья, успокоить отца, смотревшего на нее широко открытыми от страха глазами, успокоить метавшуюся по дому мать, но... только хрипота вырвалась из ее горла. Голоса не было. Слов не было. Ее звонкий, как серебряный колокольчик, голосок, которым так гордились родители, пропал. Она сделала еще и еще несколько усилий, — все тщетно, вместо речи — один хрип.

И вот теперь на смену радости в дом Тимона вновь пришла печаль.

Время шло, дни сменялись днями, месяцы бежали один за другим, не принося утешения. Как тень, бродила по дому немая девочка, своим видом повергая в скорбь всю семью.

Тщетно обращались за помощью к местным врачевателям — никто не смог вернуть Амариллис голоса.

По общему мнению, оставалось последнее средство — паломничество в главное святилище бога-целителя Асклепия, расположенное близ города Эпидавра, на берегу Са-ронического залива. Тимон решил и на это.

Тимон, Диофана и Амариллис взошли на палубу ли-бурнской триремы. Попутный ветер благоприятствовал путешественникам, и скоро очертания родных берегов остались позади, за кормой.

Плывшие на корабле быстро познакомились. Оказывается, у семьи Тимона были прямые попутчики, также направлявшиеся в Эпидавр за исцелением. Это самос-ский купец Клеофан, везший свою расслабленную жену Фортунату, и изможденный, весь высохший старик Клеонад, откупщик. Естественно, что всю дорогу говорили только о предстоящем посещении целительного святили-

38

ща. Клеонад, который год как прибыл из Египта, рассказывал:

— Я давно болею. Немилость богов обрушилась на меня не менее десяти лет назад. Каждый прием пищи доставляет мучения. Кажется, внутри сидит какой-то зверь, который вгрызается всеми зубами, рвет мои внутренности когтями после каждого проглоченного куска. Видите, как я исхудал. Ведь почти ничего не ем. И хочу все время есть и не могу. Разве это жизнь? Дом мой полная чаша, а вот же — кормлюсь скуднее последнего из моих рабов, меньше осужденного преступника самой суровой тюрьмы. Да, одна надежда — Эпидавр...

Рулевой и хозяин корабля рассказали паломникам, что они уже не раз возили людей, исцеленных в Эпидавре, — Асклепий всемогущ и, если пожелает, может освободить от любой болезни.

Утром, когда должны были войти в Саронический залив, паломники поднялись рано, к восходу солнца: поклониться Аполлону — целителю, дабы быть благосклонно принятым его сыном Асклепием¹.

О, каким фантастическим был первый луч! Казалось, вобрав в себя всю неисчерпаемую силу, все пьянящее веселье бога Света, бога Жизнерадостности, бога Созидания, — этот луч вынес из моря навстречу людям искрящуюся улыбку солнца, сулящую им вечное здоровье, вечную жизнь.

Тимон, поэт в душе, почувствовал, как его переполняет неизъяснимый восторг и благоговейный трепет перед сказочной красотой пробуждающейся природы.

В молодые годы он посещал сады Эпикура. Великий философ и насмешник заронил в нем семена иронии и неверия в богов. Уже потом, в зрелости, Тимон часто любил в кругу друзей, вспоминая учителя, щегольнуть дерзкой фразой в адрес олимпийцев. Но сейчас и его охватил какой-то внутренний трепет. Ему вспомнилось священное праздничное шествие афинян — феория, на которое его, ребенка, взяла с собою мать. Вспомнилось то выражение безмятежной восторженной веры, которое светилось в глазах матери и других людей. И вот, здесь, на палубе корабля, вошедшего в залив, с берегов которого уже до-

___¹ Согласно древнегреческой мифологии, бог врачевания Асклепий — сын бога Солнца Аполлона.

39

носились благоуханные ароматы священной эпидаврской роши, Тимон склонил свою голову перед восходящим солнцем и прошептал: «О бог света, бог жизни, бог радости олимпийской, пощади мою дочь, верни ей здоровье!»

Если такие чувства охватили даже Тимона, то об остальных паломниках нечего и говорить. Они упали на колени и, простирая руки к солнцу, горячо молились огненному диску, все выше и выше поднимавшемуся над морем. Чистой верой были переполнены сердца их.

...Разношерстная и разноплеменная толпа на пристани. Громкие разноязычные крики, веселый смех, дерзкие шутки прервали сосредоточенное молитвенное настроение наших

путешественников и невольно заставили заняться земными делами. Надо было расспросить про ближайшую дорогу к святилищу, узнать порядок допуска в священные сады и правила жертвоприношения. Но вот и она сама — роща Эпидавра. Вековые платаны и лавры так тесно переплелись своими густыми кронами, что в роще и в солнечный день царила полутьма. Лишь в отдельных местах, там, где в густой листве лучи находили для себя маленькое отверстие, на буйную шелковистую траву падали трепещущие солнечные блики. А между деревьями, извиваясь и журча, бежали холодные, кристально чистые ключевые ручьи. Их влага поила пышные подушки мхов, закрывавшие корни лесных исполинов. Восхитителен был ковер из лилий и нарциссов. Там, где деревья редели, взору открывались залитые солнцем лесные лужайки, усыпанные огромными маргаритками, над которыми кружили яркие пестрые бабочки. Казалось, лес звенел от нескончаемого щебетания и трелей птиц. Как зачарованные, проходили наши путешественники сквозь этот волшебный лес, наполнявший их сердца ощущением надежды.

И вдруг за поворотом лесной дороги они увидели величественный и строгий белоснежный храм бога-врачевателя. Влившись в большую толпу паломников, Тимон с семьей, откупщик и Клеофан с Фортунатой оказались между колонн у самых стен святилища.

Кто может даровать здоровье? Кто может его вернуть? Древние греки верили, что оно подвластно одному лишь богу-целителю благословенному Асклепию, чья огромная статуя воздвигнута в этом белом храме, и его сыну Телесфору (богу выздоровления) и дочерям Гигее

40

(богине здоровья) и Панацее (богине-травнице). Внутри храма стены расписаны сценами, изображающими «чудесные» исцеления больных и страждущих. Снаружи храм испещрен вырезанными в каменных плитах надписями, которые повествуют об исцелениях, совершенных именно здесь, в этом храме, милостью Асклепия.

Наших знакомых паломников встретил высокий жрец, облаченный в белоснежный хитон, отороченный золотой каймой замысловатого рисунка. Он указал на одну из надписей и прочел: «Никанор, параличный. Пока он сидел и отдыхал, один мальчишка украл у него костыль и бросился наутек. Он вскочил, побежал за ним и стал здоров»!

— Дети мои! — голос жреца торжественный, кажется, слова струятся по волнистой белой бороде. — Это было давно, когда я еще молодым служил моему богу в этом святилище. Никанор прибыл к нам из Антиохии, его расслабленного привезли сыновья. Без костылей он не мог сделать ни шага. Год жил в окрестностях храма, и каждый день его приводили сыновья к статуе бога. Человек он был нрава крутого. Часто поучал сыновей, пеняя за ту или другую оплошность. Кричал громко, пронзительно, иногда до хрипоты, до полной потери голоса. Все уж тут знали голос Никанора-расслабленного. А ноги он потерял во время кораблекрушения. На скалу налетела их трирема во время бури. Немногие уцелели. Три дня носило их по морю на обломке мачты. Подобрали их рыбаки. Когда причалили к берегу, все спасшиеся стали плясать от радости — падали на колени, целовали землю, а Никанор попытался встать и тут же, как подрубленное дерево, упал. Сколько ни поднимали — не стоял он, не держали ноги. Мягкие стали, безжизненные. Вот с тех пор и ходил Никанор на костылях. Но Никанор не терял надежды — все молился, приносил богатые жертвы — надеялся, что Асклепий исцелит его. Однажды вздремнул он под развесистым платаном, положив костыли себе под ноги, и видит сон... Спускается сам Асклепий и манит его к себе, а он не может встать. И вдруг кто-то дергает его ногу, и он ясно слышит голос Асклепия: «Никанор, проснись! Встань!» Открыл глаза в то самое время, как мальчишка сорванец выдернул из-под него костыль и побежал с ним.

Подлинная надпись на стене храма Асклепия в Эпидавре.

41

Неизъяснимым гневом воспылало сердце параличного, а в ушах у него голос бога — «Никанор, встань!» Вскочил он и... побежал за мальчишкой. А народ весь как закричит: «Чудо! Чудо! Никанор встал!»

Жрец окончил рассказ и пристально посмотрел на Фортунату, которая не сводила с него глаз. У нее тоже часто слабели ноги, и она стояла, опираясь на Клеофана. Рассказ жреца вдохнул в нее силу, и она слепо уверовала, что и ее исцелит Асклепий.

Вот так, подогрев надежду на исцеление, воодушевив предварительной беседой о болезни, о настенных надписях и рисунках, жрецы вызывали у больных повышенное душевное настроение. В таком состоянии больной приступал к обязательным здесь предварительным сложным церемониям очищения души и тела, единственной задачей которых опять-таки являлось укрепление его веры в «чудесное» исцеление. Только после всех этих процедур ему позволялось

войти в специально отведенное помещение для сна — абатон. (Самая крупная часть здания — в центре его бил фонтан минеральной целебной воды). Здесь должен он уснуть, и тогда ему явится сам Асклепий и откроет средство достижения желанной цели.

С горячей молитвой о ниспослании такого видения засыпает паломник, и нередко действительно случалось, что он видел именно тот сон, которого так страстно желал. Самовнушение делало свое дело, и бог вещал ему откровения. Самому сновидцу они могут быть темны и непонятны, но зато их смысл никогда не бывает укрытым от мудрых жрецов. Жрецы владели великим искусством умело вопрошать и терпеливо выслушивать! Затем они давали больному толкование виденного во сне, назначая от имени Асклепия одному купание в бьющих здесь целебных ключах и диету, другому массаж и питье «священной» (опять-таки целебной!) воды, для третьего — достаточно было одного успокаивающего внушения, что выздоровление скоро наступит, если он ежедневно утром и вечером будет славить всемогущего бога-врачевателя в своих молитвах.

И от чего бы ни произошло потом выздоровление — от влияния ли прекрасного климата, полезной ли при многих болезнях воды здешних минеральных источников, от ванн, диеты и массажа или от одной постоянно и искусно подогреваемой веры в божественную помощь — все это, есте-

42

ственно, приписывалось доброте и силе Асклепия, ниспосланному им свыше «чуду исцеления». Ну, а если «чуда» не происходило — его придумывали.

Вернемся, однако, к нашим паломникам. Жрец Олим-пидор закончил с ними беседу и предложил им погулять по священным садам, приблизиться к дыханию бога, разлитому среди этих куш.

Все время, пока жрец говорил, Амариллис пугливо жалась к родителям. Нет, не этот благообразный старик пугал ее. Не сводя глаз, со страхом следила она за большой черной змеей, которая обвивала длинный посох Олимпидора¹. Змея то сжимала, то расслабляла свои кольца, и девочке казалось, что вот-вот она прыгнет с посоха и обовьет ее страшными объятиями, от которых нет спасенья. Поэтому она была очень довольна, когда жрец наконец отошел от них и направился к другим паломникам, а ее родители и их новые знакомые спустились по ступеням храма в благоухающую рощу. Здесь все неволью рассеялись. Старый откупщик и купец с женой очень устали и присели у корней огромного лавра отдохнуть. А Тимон с женой и дочерью пошли в глубь леса.

Быстроногой Амариллис захотелось пробежаться во весь дух, и не заметила она, как оставила далеко позади своих родителей. Несколько поворотов — и аллея, резко сузившись, превратилась в узенькую тропинку.

Девочка остановилась. Кругом ее обступали толстые стволы деревьев, обвитые разросшимся плющом, они как бы образовывали стену вокруг нее. Ей стало страшно. Она поняла, что заблудилась. Постояв с минуту в нерешительности, Амариллис повернулась в ту сторону, где деревья, казалось, стояли не такой плотной стеной, сделала шаг вперед и — о, ужас!.. Прямо перед ее лицом закачалась квадратная голова огромной черной змеи. Желто-зеленые глаза ее пристально смотрели на девочку.

Оцепенение Амариллис длилось несколько мгновений. В стремительном порыве, который может произвести только отчаяние, она побежала, ничего не видя перед собой, и громко, на весь лес закричала:

— Мама! Ма-ма! Па-па! Спасите меня!

¹ Змея у древних греков считалась животным, посвященным Асклепию. Сам Асклепий изображался с большим посохом, вокруг которого обвивалась змея — символ здоровья и медицины.

43

Тимон и Диофана, услышав голос дочери, поняли, что она в опасности, и, еще ничего не соображая, бросились со всех ног на ее призывный крик... Вот и она — их ненаглядная Амариллис! Увидев родителей, девочка подбежала к матери и, обхватив ее руками, разразилась рыданиями.

И только тут, расспрашивая девочку о том, что с нею произошло, Тимон вдруг сообразил: Амариллис заговорила! Он посмотрел на Диофану, и в ее глазах прочел ту же мысль.

— Чудо! Чудо! Чудо!

Закричала не своим голосом Диофана и *бросилась* назад к храму.

Амариллис и Тимон устремились за ней.

Весть о чудесном исцелении немой девочки распространилась с быстротой молнии среди паломников. Едва наши возбужденные знакомые вбежали по ступеням храма, их уже окружила

толпа.

— Где? Когда? Какая девочка исцелилась?—наперебой задавали они друг другу вопросы.

Тотчас появился Олимпидор.

— Дети мои, *удивляться* нечему. Благость Асклепия велика. Он исцелил девочку, едва *она вступила* в его сады. Бог пожалел немое дитя, пришедшее молить его о помощи, — сразу явил чудо. Воздадим же ему хвалу, вознесем молитвы наши вместе с дымом священного жертвоприношения — и будем просить о новых исцелениях, о помощи всем сюда пришедшим.

— А о милости Асклепия, сразу пожалевшего бедную девочку, на этой стене, — Олимпидор указал на то место, где были высечены слова, повествующие о возвращении ног параличному Никанору, — будет сделана надпись, прославляющая чудесное деяние, совершившееся только что на наших глазах!

Жрец сдержал слово.

Когда археологи раскопали засыпанную временем стену древнего храма, то на ней, рядом с рассказом о параличном Никаноре, они прочли:

«Девочка немая. Обегая вокруг храма, она увидела змею, вползавшую на дерево в роще; в ужасе стала авать отца и мать и ушла отсюда здоровой»¹.

Подлинная надпись на стене храма Асклепия в Эпидавре.

44

Целительное воздействие внезапных, чрезвычайных раздражителей (роль которых в описанных примерах сыграл испуг) давно уже используется психиатрами для лечения разнообразных проявлений истерии, среди которых не последнее место занимают параличи, слепота, глухота и немота.

Поэтому в зафиксированных древними надписями фактах исцеления параличного и немой, конечно, нет ничего сверхъестественного.

Стоит обратить внимание на другое.

Описанное здесь происходило примерно две с половиной тысячи лет назад. Светская медицина тогда часто смыкалась с храмовой. В некоторых местах даже трудно было их разграничить. Врачи назывались асклепиадами, т. е. врачевателями милостью Асклепия. И даже если врач лечил на дому, в своей маленькой усадьбе (прообраз будущих больниц), независимо от храма и его обрядовости, большую часть платы отправляли в виде благодарственной жертвы за излечение в Храм Асклепия, полагая, что именно бог руками врача принес избавление от недуга.

Естественно, что тогда и храмовая медицина обогащалась опытом и вырабатывала многие полезные приемы и способы в борьбе с болезнями. Пример тому — помещение для сна. В нем все было разумно устроено для того, чтобы погрузить человека в гипнотический сон и, использовав его веру в целительные возможности святилища, внушить ему, если и не полное избавление, то по крайней мере облегчение от страданий. В тех же случаях, когда в основе заболевания лежали чисто нервные, истерического характера расстройства, часто добивались и полного излечения. И вот это достижение человеческой мысли в борьбе с болезнями жрецы ставили с ног на голову, приписывая их не самому человеку, а богу. Люди отнимали у себя свои реальные достижения и отдавали их несуществующему божеству, чтобы затем униженно вымаливать у него то, что сами сделали своими руками. На этом нелепом парадоксе тысячелетиями держалась вера в целительную силу богов.

Факты, о которых мы расскажем в следующей главе, помогут нам еще больше убедиться в справедливости этой мысли.

45

Виденье Бернадетты Субиру

Это рассказ о крестьянской девочке Бернадетте *Субиру*, которая дала возможность французскому духовенству превратить Лурд — крохотный городок, прилепившийся к подножью Пиренейских гор, — в Мекку католиков всего мира, воздвигнуть в нем одну из богатейших беломраморных базилик Европы и собирать в течение 100 лет ежегодный доход в десятки миллионов франков.

В обычный, ничем не примечательный день 11 февраля 1858 года жена бедного мельника Луиза Субиру послала своих двух дочерей, старшую Бернадетту и младшую Мари, набрать хвороста в общинном лесу. С ними пошла и соседская девочка Жанна.

Бернадетта росла хилым, мечтательным, болезненным ребенком. Ее самое раннее детство прошло в маленькой деревушке Бартресе, соседней с Лурдом, куда она была взята на воспитание по причине крайней бедности своих родителей. Крестьянка Лагю после смерти своего грудного ребенка предложила эту помощь семье Субиру и получила радостное согласие. Едва Бернадетта

немного подросла, как тетушка Лагю стала ее посылать пасти овец, и юная пастушка целыми днями бродила со своим стадом по лесистым окрестным холмам, В этом возрасте уже замечались за ней повадки сомнамбулы. Она подолгу застывала в одной позе, со взглядом, устремленным куда-то вдаль, чему-то улыбалась, и при этом выражение ее глаз было таким восторженным, что все видевшие ее в такие минуты невольно ею умилялись. До двенадцати лет она была неграмотна, а когда научилась кое-как читать, то не выпускала из рук молитвенника — на этом ее образование и закончилось. Чрезвычайная набожность девочки укреплялась братом тетушки Лагю, священником. В долгие зимние вечера, собрав у приветливо потрескивающего очага кружок слушателей, он рассказывал различные истории из священного писания или какие-нибудь иные нравоучительные сказки. Часто в них повествовалось о явлениях святых мучеников и праведников людям, о том, что вешали они смертным и какой облик принимали. Иногда он рассказывал о святой деве. Окруженная неземным сиянием, она спускалась с неба, чтобы утешить бедных и страждущих, высушить их слезы своей любовью и милосердием, освободить от несчастий и болезней. Эти иаив-

46

ные сказки особенно сильное впечатление производили на Бернадетту. Последние годы она страдала от страшных приступов астмы и, бродя со своими овечками в полном одиночестве среди зеленых просторов живописной природы, девочка перебирала четки, повторяла про себя молитвы, грезилась наяву и мечтала, что и к ней явится милосердная мадонна. Она изольет на нее жаркие слезы своей любви и избавит от всех невзгод и мучений. Когда девочке исполнилось четырнадцать лет, родители забрали ее домой.

Итак, три девочки ходят по лесу на берегу маленькой речки Гав и собирают хворост. Вскоре они оказались у скалы Масабиель, под ней был небольшой грот ■— уединенное место, в котором путники часто прятались во время ненастья. Более шустрые девочки убежали вперед, а мечтательная Бернадетта отстала. Вдруг она почувствовала какое-то волнение, словно на нее налетел сильный порыв ветра. Она посмотрела вокруг себя. Что за диво: ни один листик на окружающих деревьях не колыхнется? И тогда она поняла, что этот ветер особенный — только ей дано его ощутить. Но кто его вызвал, откуда он? Воспаленное воображение девочки видит еще более необычное — свег, ослепительный свет; он распространялся над гротом и ниспадал откуда-то сверху, прямо со скалы. Бернадетта опустила на колени и стала шептать молитву. И свет как будто принял неясные очертания фигуры, но понять, на что похожа эта фигура, девочка не могла. Пожалуй, она могла сказать только одно: там, где должно быть лицо, свет был особенно ярким: — оттуда лились потоки нестерпимо резавших глаза лучей. Как только видение исчезло, Бернадетта догнала Мари и Жанну и стала ч их расспрашивать об этом свете. Но девочки ничего не видели, хотя они были очень близко от грота.

Дома только и было, что разговоров об этом свете. Бернадетту бесконечно расспрашивали, хотели, чтобы она уточнила, какая ей видилась фигура. На что она была похожа. Конечно, возникло предположение: не проделки ли это дьявола. В следующий раз девочка пошла туда с бутылкой святой воды. Но видение не испугалось. Оно явилось вновь. Раз святая вода была для него приемлема, значит предположение о нечистой силе отпадало. Что же это могло быть? А не святое ли благословение нисходит на Бернадетту? Своей скромностью, простодушием и доб-

47

ротой не заслужила ли девочка высшей, ангельской благодати?

И тогда пастушка пошла к гроту в сопровождении нескольких взрослых. Теперь видение уже совершенно четко предстало в образе прелестной женщины. Бернадетта даже сподобилась услышать ее голос. Прекрасная дама ласково сказала ей: «Окажите мне услугу, приходите сюда в течение двух недель». Ну, естественно, что, когда ясновидящая сообщила сопровождавшим ее об этих словах и добавила, что теперь она совершенно определенно может сказать, что видела женскую фигуру, образ прекрасной дамы неземной красоты, то расспросы стали еще настойчивее. Все хотели знать подробности, детали. Какое выражение лица у этой дамы? Какие на ней одежды? Держит ли она что-нибудь в руках? И, несомненно, среди этих вопросов были и прямые: не похожа ли эта дама на деву Марию, на святую деву?

Происходившее не могло не привлечь внимания местного священника аббата Пейрамаля. И следующее посещение грота было уже с его ведома и после беседы с ним, что не замедлило сказаться на результате — видение точно воспроизводило тот образ девы Марии, который был знаком девочке по изображениям на молитвенниках и по разукрашенным фигуркам и статуям в церквях. На ней было белое платье, а поверх — небесно-голубого цвета шарф, в руках она

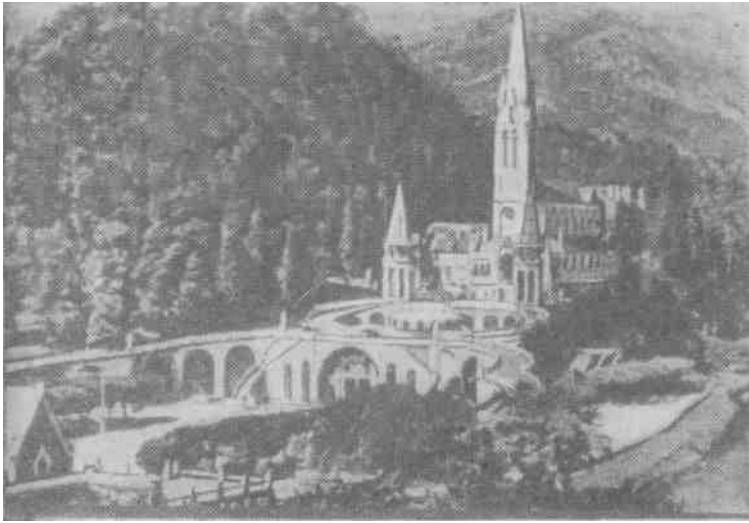
держала четки в виде белых бус, на шее у нее на золотой цепочке висел крест. На босых ногах алели две розы.

Итак, настоятельные расспросы сотен людей, беседа со священником, равно как и *все* предыдущее религиозно-мистическое воспитание Бернадетты, сделали свое дело. Их внушающая роль *на* податливую в этом направлении неустойчивую психику истеричной девочки не вызывает сомнения. Ее все время расспрашивали о подробностях видевшегося ей образа, и расспросы привели к тому, что каждый раз видение уже содержало те детали, о которых шел разговор накануне.

Так черта за чертой постепенно в галлюцинаторных переживаниях воссоздался характерный образ, внутренняя готовность к восприятию которого давно уже созрела в мозгу маленькой фанатички.

Появившаяся в последний раз дева Мария вначале заплакала и сказала; «Помолись за грешников!» — а по-

48

Базилика в Лурде.

том добавила: «Иди и скажи священникам, что в этом месте надо построить часовню».

Бедная пастушка Бернадетта Субиру сделалась святой в глазах жителей Лурда и окрестных деревень. Люди стекались к ней сотнями. Они следовали повсюду, куда шла Бернадетта, смотрели, как она часами молится у грота, стоя на коленях, держа в одной руке зажженную свечу, а в другой четки; старались приблизиться к ней, притронуться рукой, поцеловать край ее платья.

А вскоре начались исцеления.

Первым был старик Бурьетт. К нему в гроте вернулось давно утраченное зрение. За ним последовали другие. Слава о Лурдском гроте быстро распространилась сначала по всему кантону, затем по всей Франции, а далее перешагнула за ее границы и пошла разносить весть о чудодейственном месте по всему миру. Она заставляла усиленно биться сердца правоверных католиков, а в сознании больных и страждущих зарождала самовнушающую надежду на получение вожделенного избавления.

Как писал в своем знаменитом романе «Лурд» писатель Эмиль Золя, «не только Франция, вся Европа, весь

49

мир пускался в путь, и в некоторые годы особенного религиозного подъема там бывало от трехсот до пятисот тысяч человек». И далее: «Приток даяний не прекращался, золото текло рекой, кругом вырос целый город. Это было основанием нового культа. Желание исцелиться — исцеляло, жажда чуда творила чудеса. Человеческие страдания, потребность в утешительной иллюзии создали бога жалости и надежды, чудесный потусторонний рай, где всемогущая сила чинит правосудие и распределяет вечное блаженство на веки веков».

В 1864 году на собранные колоссальные пожертвования здесь была воздвигнута мраморная базилика — один из богатейших храмов в Европе. На широкую ногу была поставлена реклама. Специальным эдиктом папы римского Лурд был объявлен местом официального паломничества католиков. До наших дней сюда устремляются больные и несчастные почти из всех мест земного шара. Сюда идут старые и молодые, богатые и бедные, неграмотные и образованные...

Есть среди больных паломников глубоко, слепо верующие люди, которые в строгом согласии с

христианской догмой считают всякую болезнь «наказанием божьим» и потому даже не пытаются лечиться, возлагая все свои упования на помощь «свыше». Но еще больше таких, которые погнались за «чудом», отчаявшись в медицине после долгих и безуспешных попыток вылечиться, вера в «чудо» стала для них той соломинкой, за которую хватается утопающий. Эта вера одних и судорожное отчаяние других и служат психологической почвой, которую продуманно используют для подготовки «чудесных исцелений» служители католической церкви, собирающие в Лурде ежегодно богатую дань пожертвований.

Церковь усиленно разжигает веру в возможность исцеления в Лурде, о его чудесах проповедуют священники с кафедр католических соборов, они говорят об этом в своих частных беседах с верующими, пишут в специальной клерикальной газете «Лурдский паломник». Так, заранее и исподволь, начинается система направленной обработки сознания больного, которая является одной из главных основ лурдских «чудес».

Представьте себе: больной принял решение отправиться в Лурд. Начинаются сборы в дорогу. Естественно, что с этого момента уже все разговоры вертятся только во-

50

круг темы о чудесах. Весь путь паломников строго продуман духовенством. Тонко использует оно все возможности влияния на психику паломников, больных и сопровождающих их родственников. Воображение всех этих людей разогрето до предела всеми беседами, рассказами очевидцев, распалено отчаянием и надеждой. Вагоны с паломниками сопровождают представители духовенства, специальные «сестры» и «братья» милосердия. Подолгу беседуют они в пути с каждым больным, обнадеживают, будто случайно, к слову, вставляя рассказы о том, что вот совсем недавно ехал больной в точно таком же состоянии и «богоматерь услышала его молитву, ниспослала ему свидетельство своей доброты, и он уехал исцеленным». Среди пассажиров распространяют литературу о чудесных исцелениях, раздают фотографии больных до поклонения гроту и выздоровевших после спасительного паломничества и другие подобные же свидетельства реальности исцеления. Всю дорогу паломники под руководством сопровождающих поезд духовных лиц разучивают молитвы и повторяют их вместе снова и снова, славя Бернадетту и вкладывая в эти песни весь жар своей надежды на спасение от страданий.

По мере приближения к желанной цели путешествия религиозная экзальтация нарастает. Вот и Лурд. Выгрузка больных происходит в атмосфере взволнованности, напряженного ожидания и всеобщего нетерпения. Прибывших встречают посланцы лурдских духовных общин, теперь они берут в свои руки заботу о страждущих душах паломников. Они поведут прибывших в базилику и к святой святым Лурда — гроту, из которого вытекает прославленный «чудесный» источник. Над Лурдом несется мелодичный перезвон колоколов, кажется, что раздастся он прямо с неба. Не умолкая, звучат молитвенные песнопения с бесконечным «Авэ, авэ, авэ Мария!»

Вечером, накануне общего торжественного молебна, у грота способные ходить паломники совершают шествие вокруг базилики. А наутро все собираются у грота, сияющего от множества горящих внутри его свечей.

Поочередно сменяют друг друга на кафедре у статуи мадонны священники, а толпа повторяет трижды каждое моление, обращенное к небу от имени пришедших.

И так много, много раз раздаются одни и те же моления, одни и те же фразы, одни и те же мольбы. Все

51

горячей, все громче звучат слова людей, просящих каплю жалости у бога, которого считают они всемогущим и милосердным. И вот уже каждый забыл обо всем, он ничего не чувствует, он отчужден от мира, в загнипнотизированном верой и монотонными призывами мозгу не гаснет, а все сильнее и сильнее воспламеняется лишь одно желание, одна надежда — обрести чудо, исцелиться! Религиозный экстаз самогипноза достигает неистового умопомрачения. Там и здесь раздаются судорожные вздохи и вскрики, появляются фигуры, застывшие в молитвенных позах, с отсутствующим выражением лица, со взглядом, устремленным в какую-то далекую точку; глаза других лихорадочно блестят, руки в молитвенном восторге разведены в стороны, бледные губы судорожно сжаты. И в этот момент, когда психическое напряжение достигает предела, кажутся доступными самые заветные желания, надежды и несбыточные мечты. Вот бросает костыли и идет много лет прикованная к постели парализованная, там объявляет себя прозревшим слепой и, подхваченные порывом экстатического восторга, чувствуют себя окрепшими больные раком и туберкулезом. «Исцелились!» — ликуют в толпе, и, воодушевленные виденным и слышанным, другие тоже начинают считать себя здоровыми. Вдумываться и доискиваться, верно ли то, что в

этот миг показалось и во что так страстно хочется поверить, никто не хочет. Но *проходит* угар, люди возвращаются к привычному состоянию, и вместе с этим приходит горькое разочарование: нет, не исцелен рак, не исчезли каверны в легких... Все это осталось и требует длительного терпеливого лечения.

И хотя здесь на самом деле по временам бывают случаи быстрого, совершающегося буквально на глазах всей толпы исчезновения тягостных болезненных проявлений, болезненных симптомов, мучавших до этого людей годами и не поддававшихся действию ни лекарств, ни процедур, — они в своей основе не имеют ничего таинственного. Однако их кажущаяся необъяснимость заставляла людей видеть в них чудо, которое, по уверениям служителей религии, совершалось волей богов и прочих сверхъестественных сил (название им находилось в зависимости от формы верований).

Пока истинные, оказавшиеся, разумеется, вполне материальными, естественными, причины этих фактов оста-

52

вались неизвестны, такие случаи были сушим кладом для религии, служа исправной опорой веры в возможность чуда. Они лишь обогащали обширный комплекс средств воздействия на психику людей, который разработали служители религии, чтобы иметь возможность поражать людское воображение чудесами, и не просто чудесами, а самыми нужными, самыми желанными для каждого человека чудесами исцеления.

Ну, а как же сложилась судьба Бернадетты Субиру?

С ней поступили по крылатому выражению Шиллера: «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти!»

Ее чрезмерная вера, ее святая простота и наивность, постоянная экзальтация стали мешать лурдскому духовенству, когда практика чудесных исцелений приобрела характер хорошо налаженного и солидно поставленного многомиллионного бизнеса.

Бернадетта своей непосредственной искренностью обращала на себя слишком большое внимание, отвлекала паломников от проповедей духовенства, и — что, пожалуй, главное — пастыри церковные так невыгодно контрастировали своим расчетливым ремесленным бездушьем с экстазом ее детски чистой веры, что сочли за благо укрыть «святую» от посторонних глаз за толстыми тюремными стенами монастыря. А так как и оттуда эта, по выражению Золя, Жанна Д'Арк XIX века продолжала излучать покоряющее обаяние своих мечтаний о справедливости, доброте и всепрощении и через очарованных ее товарок — монахинь все это доходило до паломников, которые устраивали ей, незримой, манифестации поклонения и обожания, была она волею высших духовных чинов тайно помещена в больницу приюта для бедных. Она и на самом деле становилась все более и более больной. У нее участились — особенно в условиях монастырского затворничества — истерические переживания религиозного характера. Вот по этим-то причинам теперь о ней и постарались забыть, проявив верх жестокости и бессердечия. Когда старший брат затворницы после долгих лет поисков случайно узнал о том, где находится кумир их семьи — божественная Бернадетта, он нашел ее на убогой койке больницы для бедных умирающей от чахотки. Бедняжка была так истощена и измучена, что в свои юные годы выглядела древней старухой.

Вот и вся история крестьянской девочки Бернадетты

53

Субиру. Той наивной простушки, из которой забил экстагический гейзер фанатичной веры, наэлектризовавший огромные сонмы людей, — кристальный гейзер, который духовенство скоро превратило для себя в золотой источник, бьющий уже век для обогащения католического Лурда — этой, как сказал французский писатель Жан Боннефан, «величайшей фабрики шантажей и обмана».

Чин над бесноватым

Начало христианского мифа о чудесных исцелениях следует искать в первую очередь в мифе о самом Христе.

Это там, на раскаленных песках и скалах Аравийского полуострова, почти две тысячи лет назад в поселениях древних иудеев начались «чудесные» исцеления, которыми полны священные писания — евангелия. Позже о «чудесных» исцелениях стали повествовать и многочисленные жития святых — людей, канонизированных христианской церковью за оказанные услуги, по выражению официальной церкви, за особенную праведность и подвижничество их жизни, за умение делать чудеса, среди которых опять-таки одно из первых мест занимает способность производить чудесные исцеления.

Давайте же обратимся к основному первоисточнику —> к книгам Нового завета. Посмотрим, что

там за «чудеса», как их понять в свете современной науки и поддаются ли, они тому анализу подобных явлений, который мы уже с вами делали в предыдущих главах, начиная рассмотрение этого вопроса с истоков человеческой истории.

В Евангелии от Матфея рассказывается о многих случаях «чудесных» исцелений, произведенных Иисусом Христом. Главным образом, это изгнание бесов из одержимых, исцеление параличных, слепых, немых и несколько воскрешений из мертвых.

Вот как описывается изгнание бесов:

28. И когда Он прибыл на другой берег в страну Герге-синскую, Его встретили два бесноватые, вышедшие из гробов, весьма свирепые, так что никто не смел проходить тем путем.

29. И вот, они закричали: что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? Пришел Ты сюда прежде времени мучить нас.

54

30. Вдали же от них паслось большое стадо свиней.

31. И бесы просили Его: если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней.

32. И Он сказал им: идите. И они, вышедши, пошли в стадо свиное. И вот, все стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде.

(Евангелие от Матфея, глава VIII.)

А вот как там же излагается исцеление от слепоты и немoty:

27. Когда Иисус шел оттуда, за Ним следовали двое слепых, и кричали: помилуй нас, Иисус, сын Давидов!

28. Когда же Он пришел в дом, слепые приступили к Нему. И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, господи!

29. Тогда Он коснулся глаз их, и сказал: по вере вашей да будет вам.

30. И открылись глаза их; и Иисус строго сказал им: смотрите, чтобы никто не узнал.

31. А они, вышедши, разгласили о Нем по всей земле той.

32. Когда же те выходили, то привели к Нему человека немного бесноватого.

33. И, когда бес был изгнан, немой стал говорить. И народ, удивляясь, говорил: никогда не бывало такого явления в Израиле.

34. А фарисеи говорили: Он изгоняет бесов силою князя бесовского.

35. И ходил Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие, царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях.

(Евангелие от Матфея, глава IX.)

Особенно интересно для нашей темы исцеление кровоточившей женщины и воскрешение дочери Иаира;

41. И вот, пришел человек, именем Иаир, который был начальником синагоги; и падши к ногам Иисуса, просил Его войти к нему в дом,

42. Потому что у него была одна дочь, лет двенадцати, и та была при смерти. Когда же Он шел, народ теснил Его.

43. И женщина, страдавшая кровотечением двенадцать лет, которая, издержав на врачей все имение, ни

одним не могла быть вылечена,

44. Подойдя сзади, коснулась края одежды Его; и тотчас течение крови у ней остановилось.

45. И сказал Иисус: кто прикоснулся ко Мне? Когда же все отрицались, Петр сказал и бывшие с ним: Наставник! Народ окружает Тебя и теснит; и Ты говоришь: кто прикоснулся ко Мне?

55

46. Но Иисус сказал: прикоснулся ко Мне некто; ибо Я чувствовал силу исшедшую из Меня.

47. Женщина, видя, что она не утаилась, с трепетом подошла, и падши пред Ним, объявила Ему пред всем народом, по какой причине прикоснулась к Нему и как тотчас исцелилась.

48. Он сказал: ей: дерзай, дочь! вера твоя спасла тебя;

иди с миром.

49. Когда Он еще говорил сие, приходит некто из дома

начальника синагоги и говорит Ему: дочь твоя умерла; не утруждай Учителя.

50. Но Иисус, услышав это, сказал ему: не бойся, только веруй и спасена бз'дет.

51. Пришедши же в дом, не позволил войти никому, кроме Петра, Иоанна и Иакова, и отца девицы, и матери.

52. Все плакали и рыдали о ней; но Он сказал: не плачьте; она не умерла, но спит.

53. И смеялись над Ним, зная, что она умерла.

54. Он же, выслав всех вон и взяв ее за руку, возгласил: девица! встань.

55. И возвратился дух ее; она тотчас встала; и Он велел дать ей есть.

56. И удивились родители ее. Он же повелел им не сказывать никому о происшедшем.

(Евангелие от Луки, глава VIII.)

Кажется все настолько очевидным, что едва ли нужны пространные комментарии. «Изгнание бесов» из одержимых, из бесноватых. Как вы помните, с этим мы уже встречались и до христианства. Пусть вас не смущают различия в деталях, во внешнем оформлении этой «процедуры». Суть не в том, кто — первобытный колдун или мифический *Христос* — и как ее проводили, а в том, с каким явлением они имели дело. Природа истерии всегда одна и та же — срыв нервной системы. И если он происходил на религиозной почве, то и проявление истерии и ее восприятие окружающими приобретало соответствующий оттенок. Человек попадал якобы под власть некоей сверхъестественной силы — будь то злой дух или, по христианским представлениям, бес, который проникал в тело и заставлял *его* в судорожных конвульсиях биться оземь. И энергично проводимое внушение, особенно, когда оно повергает беснующегося в состояние гипноза, может оказаться единственно эффективным лечебным средством.

Разве не таково это властно произнесенное слово: «Идите», сказанное Иисусом, за которым, как говорит священное писание, ходят толпы фанатичных поклонни-

56

ков, слава о чудодеяниях, им произведенных, опережает его появление? В Христа верят, люди толкаются, стараясь пробиться к нему, прикоснуться к его одежде. Сам Иисус, как нам показывает евангелический текст, понимает эту самовнушающую силу веры. Он говорит людям, обращающимся к нему за исцелением: «По вере вашей да будет вам».

Самовнушение, самогипноз — секрет известного церковного пророчества: вера горами движет!

А исцеление женщины, больной кровоточивостью, — о чем здесь может идти разговор? Иногда у страдающих истерией под влиянием сильного нервного потрясения возникают стойкие болезненные состояния, как бы воспроизводящие в модели то или иное тяжелое заболевание, например горловые кровотечения туберкулезных больных или язвы при кожных заболеваниях. Такие состояния часто оказываются столь стойкими, что не исчезают даже после длительного лечения чисто лекарственными средствами. Одно-два сильных воздействия на психику подобных больных, несколько внушений в гипнозе — и болезнь внезапно проходит, не оставляя никакого следа.

Такие факты известны истории. Можно назвать несколько случаев, когда у христианских фанатичек, особенно обостренно переживавших в своем воображении крестные муки Иисуса Христа, на руках и ногах образовывались постоянно кровоточащие раны. Причем расположение их точно соответствовало тем местам, в которые, согласно преданию, Христу при его распятии были вбиты гвозди. Это явление, получившее специальное название стигматов, впервые было обнаружено у монахини Катерины Сиенской, впоследствии канонизированной католической церковью и превращенной в святую. В 30-х годах уже нашего века среди населения западных областей Украины пользовалась известностью батрачка села Млины Львовской области Настя Волошин, у которой на руках и ногах были «раны Иисуса Христа». Униатское духовенство во главе с митрополитом Андреем Шептицким широко рекламировало это «чудо». О нем было написано много книг. Настю, явно страдавшую тяжелой формой истерии, что было установлено специальным психиатрическим обследованием, причислили к лику святых.

Но вернемся к евангелическим «чудесным» исцелениям немых. Лечение истерических нарушений зрения, слу-

57

ха и речи путем внушения в гипнозе, как мы еще будем иметь возможность показать подробнее в дальнейшем, занимает заметное место в работе психотерапевта. С этим же мы встречаемся и в Евангелии. Помните, Иисус спросил слепцов: «Верите ли вы, что я могу сделать вам это?» И после ответа «да» он произносит: «Да будет вам по вере вашей» — и тотчас их глаза открылись. Такое же действие внушение произвело и на него. И опять, скажем мы, механизмы истерических нарушений и их устранения настолько очевидно здесь изложены, что лучшего, как говорится, и желать не надо.

Евангелический миф о воскрешении дочери Иаира пользуется особо большой известностью. Он стал сюжетом многих произведений искусства. В частности, ему посвящена известная картина И. Репина «Воскрешение дочери Иаира».

Примечательно в этой легенде то, что даже в самом евангелическом тексте нет и намек на

чудодейственность «воскрешения». Иисус говорит окружающим, что девушка не умерла, она только заснула. Эта мнимая смерть — летаргия, сомнамбулическое состояние, в которое склонны впадать страдающие истерией, — также успешно разрешается под влиянием внушения. И Иисус, как об этом повествует Евангелие, взяв за руку дочь Иаира, восклицает: «Девушка, встань!»

Если в основе этой легенды лежал реальный факт, нет никаких оснований удивляться тому, что подвергнутая прямому внушающему воздействию сомнамбула, принятая за умершую, открыла глаза и встала. Так оно и должно быть. Так оно и бывает, когда у постели подобной больной проводит свое внушение врач-психотерапевт.

Так что наш с вами трезвый взгляд на эти сверхъестественные чудеса исцеления без труда замечает в них все необходимые материальные основы, объясняющие успех психотерапевтического воздействия. Не удивительно, что и в дальнейшем в христианской религии всегда очень большое значение придавалось внушению и самовнушению. Например, совсем недавно православная церковь торжественно отмечала 600-летие со дня смерти фессалонийского архиепископа Григория Паламы — своего наиболее высокопочитаемого святого. В честь Григория Паламы сложены церковные песнопения, прославляющие его имя, как «столпа церкви» и «светильника православия».

58

В чем же видит церковь его главную заслугу?

Судя по жизнеописанию, Палама, с детских лет казавшийся человеком «не от мира сего», был воспитан своими родителями в духе страстной, слепой веры. Он рано принял монашество, жил в монастыре на Афоне, но вскоре ушел в еще более суровый, пещерный скит, где прожил десять лет «в непрестанной молитве, слезах, посте и бдении». Такой образ жизни делает для нас неудивительным следующее за этим сообщение жизнеописателя, что в те годы Палама «сподобился» многих «откровений» и «озарений свыше». В годы подвижничества Палама создал учение об исихии, или «умной» молитве, непрестанное безмолвное повторение которой будто бы открывает путь к слиянию души молящегося с богом в тот миг, когда сподобится он узреть «божественный, свет», который «некогда видели апостолы на горе Фаворе».

Молитва, которую нужно для этого повторять тысячи раз, носит название «молитвы Иисусовой» и состоит всего из нескольких слов: «Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас». Как ни проста и коротка молитва, путь к достижению желанной цели не короток и не прост. Палама считал доступным совершение исихии отнюдь не каждому, а лишь отшельникам, ведущим очень строгую, подвижническую жизнь. Помимо того, чтобы желанное бого-ощущение наступило, «исихасту советуется сидение, сдержанное вдыхание и выдыхание, устремление в одну точку очей».

Мы просим вас, читатели, когда во второй части этой книги вы будете читать главу об йогах и факирах, сопоставить то, что там написано, с этими строчками.

Чтобы нас не обвинили в предвзятости и нарочитости наших доводов, давайте посмотрим, как исихию понимают сами церковные деятели.

Ректор московской духовной академии протоиерей К. Ружицкий в № 12 журнала Московской патриархии за 1959 г. пишет: «Силой такой молитвы тварь может достигнуть желанного единения со своим Творцом. Наилучшим условием спасительной молитвы является безмолвие, а это возможно лишь через *сосредоточение и собирание ума в самом себе* (курсив наш.—Авт.), что доступно лишь анахоретам, исихастам. Надлежит сказать, что св. Григорий Палама сам явился наиболее совершенным выразителем так называемого исихастского аскетизма.

59

Главной целью исихастов являлось достижение мистического единения с Богом и обожение посредством молитвы (особенно молитвы Иисусовой) при помощи благодати. Непрерывно молясь в безмолвии, исихаст достигает высшей степени исихии, которая есть «созерцание».

Мы далеки от мысли предполагать, что протоиерей Ружицкий написал эти строки для того, чтобы помочь нам в нашей задаче доказать ведущую роль внушения, самовнушения и гипноза в религиозном чувстве, в экстазе и в так называемых чудесах. Но если у него, хотя и невольно, так получилось, то что подделаешь! Как известно, факты вещь упрямая, а истина одна на свете. Она может и ректора духовной академии заставить помогать физиологу и психиатру в разоблачении религиозной мистики.

А теперь давайте посмотрим, какое развитие в церковных обрядах получило то изгнание бесов, которым, как мы уже с вами знаем, занимался Иисус Христос.

Познакомимся с тем, что православная церковь называет чином над бесноватым.

В православии издавна существует обычай «врачевать» любые болезни молитвами, которые, по многу раз повторяя, читает над страдающим недугом священник. В церковном требнике имеется богатый набор специальных «врачевальных молитв», каждая из которых имеет свое частное или общее назначение. Есть молитвы, которые так и называются «на всякий вид болезни», но есть и другие молитвы, «помогающие», как считается, от определенных болезней, например «молитва над главою болящему», «молитва над кровию мноюю текущею из носа», «молитва над болезнью рук и ног». В некоторых «святых» видят заступников людских перед богом, поэтому иные молитвы обращены не к Христу, а к святым. Так, от «трясавчиная болезни» (то есть от лихорадки) считается спасительной молитва девяти мученикам — Феогию, Ан-типатру, Филимону и др. Особенно трудно поддающимся исцелению считается «нападение бесовское» — те нервно-психические расстройства, о которых мы уже говорили. Чаще же всего «бесноватыми» называют кликуш, то есть женщин (реже мужчин — их называют миряками), страдающих особой формой истерии.

Болезненные припадки обычно возникают у кликуш на людях, чаще всего в церкви. Было даже подмечено,

60

«Изгнание бесов». Старинная гравюра.

что кликуши особенно почему-то не выносят (то есть думали, что это сидящий в них бес не выносит) пения «Херувимской песни». При первых же звуках этой песни кликуша начинала кричать не своим голосом, биться головой об пол, громко рыдать, богохульствовать, корчиться в судорогах. Глаза ее закатывались под лоб, а лицо становилось мертвенно-бледным или сине-багровым. Ее стараются удержать, но это только усиливает припадок. В «Житии протопопа Аввакума» описывается одна такая кликуша, которая, когда «паде на нее бес, учала собакою лаять, козю блекотать и кукушкой куковать». Иногда во время подобных приступов «беснования» кликуша выкрикивала имя человека, который, по ее мнению, напустил на нее «порчу», нарочно вселив в нее «беса».

Кликушество, очень распространенное среди крестьянок дореволюционной России, порождалось тяжелыми условиями их жизни. Непосильный физический труд, бесправное положение в семье и обществе, частые побои, слишком раннее материнство — все это ослабляло, а нередко и непоправимо калечило нервную систему женщин. Одной из причин, порождавших кликушество, было также широкое распространение глубоко укоренившихся в народном сознании предрассудков и суеверий. Отовсюду слышимые рассказы о бесах, колдунах, ведьмах, леших, «дурном глазе», о существовании людей, которые в любой момент могут напустить «нечистую силу» на не полюбив-

61

шегося им человека, оказывали болезненное воздействие на людей с повышенной впечатлительностью или ослабленной нервной системой. Зная по рассказам, что сидящий в них «бес» не любит ничего святого, а особенно священных книг, креста, церковных песнопений и причастия, кликуши испытывали сильнейшее нервное напряжение (стараясь удержать охватывающий их в это время страх) именно во время церковной службы, и не удивительно, что

тут-то и разыгрывались у них самые тяжелые истерические припадки.

Наиболее действенным средством «лечения» кликуш считалось отчитывание, то есть многочасовое чтение над больной в церкви «бесогонных молитв Василия Великого» и отрывков из евангелия, в частности, тех мест, где повествуется об исцелениях «бесноватых», совершавшихся Иисусом Христом.

В промежутках между этими молитвами священнику полагается осенять «бесноватых» крестом, кадить над ними кадилом.

Все это и составляет «чин над бесноватым».

Если же после всего этого длительного обряда кликуша будет продолжать корчиться, выкликать и богохульствовать (что означает особенное упорство сидящего в ней беса или, может быть, обилие их), надо повторять весь «чин» сначала. Когда доведенная до переутомления, до полнейшего изнеможения больная, наконец, умолкает, покорно снося процедуру целования креста, считается, что обряд помог — бесы покинули свою жертву и она исцелена.

О том, сколь велик для здоровья людей вред всех этих отчитываний и бесогонных молитв, уже в дореволюционное время говорили наши отечественные психиатры. Несмотря на цензурные рогатки, на травлю со стороны церковных и светских властей, они смело подымали голос, преисполненный заботы о благе и просвещении народа.

Друг и соратник основоположника Московской психиатрической школы С. С. Корсакова приват-доцент психиатрической клиники Московского университета А. А. Токарский, роль которого в истории гипнологии велика и почетна (о чем мы расскажем в отдельной главе), в работе, посмертно опубликованной в 1904 году в виде специального приложения к «Журналу невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова» и озаглавленной «От-
62

читывание больных в настоящее время», писал: «Таким образом отчитывание, причиняя бесполезное мучение, увеличивая количество припадков у больных и прямо вызывая их у лиц предрасположенных, в то же время способствует распространению определенной формы припадков, развивая психический контагий и поддерживая в народе существование определенного рода идей, в зависимости от реализации злого духа, доведенной до крайних пределов».

Более определенно эта же мысль изложена в выводах: «1. Существование отчитывания в той форме, как оно практикуется в настоящее время, нежелательно.

2. Оно поддерживает существующие припадки и усиливает их.

3. Оно вызывает путем подражания припадки у лиц предрасположенных, но не имевших их раньше.

4. Оно поддерживает идеи одержимости и в некоторых случаях укрепляет их.

5. Оно причиняет больным бесполезные мучения, находящиеся в связи с идеями одержимости».

Если кому-нибудь приведенные формулировки и покажутся несколько мягкими, то не забывайте — это написано в 1904 году, в то время, когда влияние духовенства на цензуру было очень сильным, и нетрудно представить себе, какого рода вызовом церкви было опубликование столь категорического мнения, осуждающего церковную практику отчитывания больных.

Большое распространение^ имела раньше (а некоторые люди склонны верить в это и теперь) вера в то, что способностью исцелять одарены иконы, особенно так называемые «явленные», и мощи «святых». К ним шли недужные и страждущие со всех концов страны. Ежегодно тысячи паломников направлялись, чаще всего пешком, кто в Киево-Печерскую или Троице-Сергиевскую лавру, кто в Соловецкий монастырь или на остров Валаам, кто в Са-ровскую пустынь. И повсюду в этих слывших «чудотворными» местах происходило нечто подобное тому, с чем мы познакомили вас, рассказав об обстановке исцелений в Лурде. Служились торжественные молебны о ниспослании исцелений, после которых жаждущие «чуда» с горячей верой в «милость божью» прикладывались к раке (место погребения мощей) «угодников», страстно моля их о выздоровлении.

63

«Чудо исцеления» в католическом храме. Из альбома Шарко и Рише «Одержимые демоном в искусстве».

Присмотримся же повнимательнее к обстановке, которая создавалась православной церковью для свершения «чудес».

На самых живописных местах заметные еще издавна высятся здания храмов. Согласно издревле установившейся традиции, им придается своеобразная, удлинненно-округлая форма, как бы напоминающая ладью. Предание говорит, что такая форма была избрана некогда самими «отцами церкви» и избрана не случайно. Она должна навеять верующим мысль о храме, как о корабле, уводящем душу человека от бурь и сует мирских в тихую и прочную гавань веры.

На фоне спокойных и мягких красок русской природы нарядными выглядят купола церквей, сверкающие позолотой. Но увенчивающие купола кресты постоянно напоминают верующему не о праздниках, не о радости жизни, а о страдании, которое всякий истинный христианин должен переносить совершенно безропотно. Он не должен роптать, даже если твердо знает, что его страдание и боль

64

ничем не заслужены. Ведь крест — символ покорности, он — память о том кресте, на котором был распят сын божий Иисус Христос, безвинно, но с абсолютным смирением принявший страдание за грехи человечества.

Далеко на всю округу разносится малиновый перезвон колоколов. Его мелодия и ритм глубоко трогают, тревожа, призывая и успокаивая одновременно. Он красив, и эта красота, как все прекрасное, способна вызвать отзвук в душе каждого, даже вовсе не причастного к религии человека. Но воображению верующих, настроенному во всем видеть «неизреченное величие бога», в этом звоне чудится голос небесного владыки, напоминание о загробной жизни, о нетленности всего небесного и жалкой тщете земного существования.

Верующий входит в храм, и глазам его предстает целый мир предметов и изображений, цель которых еще больше настроить его на размышления о «божественном», изгнав всякую мысль о житейском, которое, по представлению религии, всегда лишь «низменно», «суетно».

Стены и потолки церкви расписаны фресками на библейские и евангельские сюжеты. Горят лампы и свечи, в лучах которых поблескивают золотом и серебром оклады икон.

Как непохоже все это благолепие на привычную обстановку, в которой протекает повседневная жизнь людей, как все это далеко от трудовых будней и тревожащих сердце каждого человека забот и волнений. Здесь каждая деталь продуманно рассчитана на то, чтобы растревожить чувства, поразить воображение, увлечь. Все полно загадочных намеков, манящих и пугающих тайн. Вся обстановка храма внушает верующему: церковь не просто дом, это обитель всемогущего бога, от воли которого зависит и кара и воздаяние. Перед величием небесного владыки жалок *ты* сам, смертный. Покорствуй, молись, лишь в этом твое спасение...

Созданию этого настроения в немалой степени способствует пышность и театральность, с которой совершаются в церкви богослужения. Мелодии песнопений, блеск и торжественность одеяний священников, запах ладана и дым, поднимающийся от курящихся кадил, непонятные слова читаемых на церковнославянском языке псалмов, — все это исподволь, незаметно настраивает

психику веру-

3

65

ющего на нужный лад, усыпляя разум, разжигая воображение, создавая благоприятный фон для восприятия внушения, действуя гипнотизирующим образом.

Казалось бы, механизмы этого воздействия нетрудно распознать в наше время, а потому можно рассчитывать и на то, что это все уже ушло в область прошлого.

Однако и по сие время можно встретить все вышеописанное.

В беседе с нами бывший профессор богословия Ленинградской духовной академии А. А. Осипов сказал: «А ведь и мы в церквях, когда надо силу божью явить, выходит, гипнозом занимаемся. Подведут, бывало, ко мне кликушу — вся она дрожит, бьется, зубами скрипит, богохульничает. А я ее лжицей по лбу стукну да как крикну: «Изыде, окаянный!» — Так она и успокоится. А народ верит — батюшка «нечистого» изгнал. Да ведь и вся слава пресловутого Иоанна Кронштадтского на этом создана была. Ох же и мастер он был на кликуш кричать!»

А. А. Осипов же сообщил нам, что, будучи с 1942 по 1944 год священником пермской Ново-кладбищенской церкви, он неоднократно исполнял над больными и умирающими таинство елеосвящения, или соборования. В этот обряд входит чтение семи евангелий, семи молитв, исполнение семи песнопений. Весь обряд длится два с половиной часа — к концу его больные впадают в состояние полной протрации.

В этой главе мы увидели, как современная официальная церковь использует внушение и гипноз в целях укрепления в людях веры в божественные потусторонние силы.

Не отстают от нее в этом отношении и даже оспаривают пальму первенства различные секты и всякого рода кустарные врачеватели, знахари и гадатели.

„То-то пивушно духовное“

Во главу угла своих верований все секты ставят мистическое стремление любой ценой добиться ощутимого для верующих общения с богом, с духовным началом.

Наиболее ярко это можно проиллюстрировать на сектах хлыстов и пятидесятников, или, как они сами себя называют, христиан евангельской веры.

66

Хлысты отделились от официальной православной церкви в России в конце XVIII века. Они не признают священников, отвергают православные обряды и таинства. Секта делится на отдельные религиозные общины, которые называются «кораблями». Сами себя хлысты именуют «людьми божьими», так как главным в их учении является вера в то, что, если усердно послужить — порадеть богу, можно добиться сошествия «духа святого» с неба на землю, можно в самом себе почувствовать «живого бога».

Молитвенные собрания хлыстов так и называются — радения (то есть служения богу). Происходят они обыкновенно по ночам.

В чем же заключается та служба богу, с помощью которой хлысты стремятся достичь своей главной цели — богоощущения?

Верующие передеваются в специальные длинные белые радельные рубахи. В руки берут полотенца и зеленые ветки. Молитвенное собрание начинается спокойно и чинно с взаимных приветствий, пения песен религиозного содержания, молитв, чтения текстов из священных книг. Затем все встают и медленно в такт пению идут по кругу один за другим. Однако очень скоро медленное хождение переходит в быстрое, шаг — в бег и прыжки, пение и молитвы — в воющие призывы к «духу», крики, взвизги и стоны. Жуткие картины радений с беспощадной художественной правдивостью изображены П. И. Мельнико-вым-Печерским в романе «На горах».

Вот одна из них:

«Живей и живее напев, быстрее и быстрее вертятся в кругах. Не различить лица кружащихся. Радельные рубахи с широкими подолами раздуваются и кажутся белыми колоколами, а над ними веют полотенца и пальмы...

Быстрее и быстрее кружатся. Дикие крики, резкий визг, неистовые вопли и стенания, топот ногами, хлопанье руками, шум подолов радельных рубах, нестройные песни сливаются в один зычный потрясающий рев... Все дрожат, у всех глаза блестят, лица горят, у иных волосы становятся дыбом. То один, то другой восклицает:

— Ай дух! Ай дух! Царь дух! Бог дух!

— Накати! накати! — визгливо вопят другие.

— Ой ева! Ой ега!—хриплыми голосами и задыхаясь, иступленно в диком порыве восклицают третьи.

67

— Благодать! Благодать! — одни с рыданием и стонами, другие с безумным хохотом голосят всю мочь вертящиеся женщины.

Со всех пот льет ручьями, на всех взмокли радельные рубахи, а божьи люди все радуют, лишь изредка отирая лицо полотенцем.

— Это духовная баня. Вот истинная, настоящая баня паки бытия, вот истинное крещение водою и духом, — говорила Дуне Марья Ивановна...» (Дуня — молодая девушка, героиня романа; Марья Ивановна — помещица, вовлекшая ее в секту хлыстов).

Нередко к концу этой «плясовой молитвы» более впечатлительные и нервные впадают в корчи и судороги, все мутится в их глазах, они чувствуют себя как бы не в себе. Тогда-то им и начинают чудиться «небесные голоса» и «призрачные видения». В этом состоянии помраченного сознания они, срываясь с голоса и часто запинаясь, как будто против своей воли (хлысты считают, что делают они это «по наитию свыше, по воле духа святого») произносят полубессознательные слова и фразы, которые молящиеся принимают за «речения» самого бога, «пророчества», за «живое слово» бога. Это дошедшее до крайнего предела безумное умоисступление радеющие не только не стараются ничем успокоить и облегчить, а наоборот, считают проявлением «божественной благодати», называют восторженно «хождением в слове» и, заслышав в общем шуме радения сбивчивую и темную речь того, кто прежде других впал в умственное беспамятство, остальные в восхищении восклицают: «Эка милость благодать, стали духом обладать!» «Дух, святой дух накатил!»—в иступленном самозабвении вопят они.

Неосмысленную речь участницы или участника радения, впавшего в болезненный припадок, хлысты стараются так истолковать, чтобы увидеть в этих словах какое-то «высшее» значение — предсказание судьбы. Весьма нередко случается, что подобные «пророчества» лишь ловко выдаются за внезапное «озарение», а на самом деле они бывают обдуманы и даже зарифмованы заранее. Естественно, что подготовленные и срепетированные «прорицания», звучащие куда более складно и содержательно, принимаются слушателями с благоговейным изумлением и искренней верой.

Давайте опять раскроем книгу Мельникова-Печерского

68

«На горах» и на 460-й странице первого тома прочтем: «Едва переводя дух, раскрыв уста и содрогаясь всем телом, пылающими очами смотрит в иступленье Дуня на Марью Ивановну. Ровно огненный пламень, чудные, полупонятные слова разгорелись в сокровенных тайниках сердЦЦД девушки... Она была близка к восторженному самозабвению, когда достигнутый им человек не сознает, в себе он или вне себя.

— Чего желать? Чего желать? — в иступлении молила Дуня.

■— Воли божьей, чтоб она над тобой совершилась, — торжественно сказала Марья Ивановна.

— Дальше, дальше! — задыхаясь, говорила Дуня.

И в глазах у нее все закружилось.

— И тогда затмится у тебя разум и отнимется память, дыхание прекратится и ты умрешь... Умрешь, но будешь жива... Эта смерть не тебе, а греху, смерть ветхому Адаму, он в тебе умрет. И тут-то невестственным огнем все земное в тебе поглотится, и ты услышишь в самой себе глас божий и, услышавши, оживешь... То и есть таинственное воскресение... И после того таинственного воскресения ты и на земле будешь святою... Тогда уж не *будет* в тебе ни воли твоей, ни разума твоего, ни мыслей твоих, все твое уже попалено и умерло. Будет тогда в тебе и воля, и разум, и мысли все божий... И что ты ни станешь делать — не ты будешь делать, а бог, в тебе живущий...

И не будет тогда над тобой ни начала, ни власти, на закона, ибо праведному закон не лежит...

Как полотно побледнела Дуня, и глаза ее разгорелись... Хотела что-то сказать, но не могла... Задрожала вся и без памяти упала на руки Марьи Ивановны.

— Благ сосуд избранный!—тихо прошептала Марья Ивановна и, бережно положив Дуню на свою постель, низко склонилась над ней и чуть слышно запела каким-то диким и восторженным напевом:

Уж вы птицы, мои птицы Души красные девицы, — Вам от матушки царицы Дорогой убор — гостиниц! Вы во трубушку трубите, Орла-птицу соманите, Светильники зажигайте, Гостя батюшку встречайте,

69

Небесного жениха

И духовного супруга! ¹

Весь день не в себе была Дуня. Не вдруг она оправилась от нашедшего на нее иступленья...»

Вот где механизмы внушения и самовнушения поставлены на службу страшному делу лишения верующего рассудка. Вот где гипноз используется как пособник преступного дела.

Характерно, что и в словах самих хлыстов, в том как они сами величают свои молитвенные собрания, невольно нашло яркое и точное выражение существо воздействия церемонии на психику ее участников. Хлысты зовут радения «пивом духовным» и ласково приговаривают- «то-то пивушко-то: человек плотскими устами не пьет, а пьян живет». Что же, на это ничего не возразишь, что правда — то правда! Можно лишь прибавить, что систематическое участие в радениях так же (если не более) пагубно сказывается на состоянии здоровья, как и отражается на здоровье пьяниц хроническое злоупотребление алко-

Подлинная хлыстовская песня.

Сектанты-пятидесятники на молитвенном собрании. Фото.

лем. И хоть сектанты часто любят говорить о том неиссякаемом здоровье, которым якобы награждается участник духовного общения с богом, о животворном, целительном влиянии их веры на все недуги и болезни, на самом деле у фанатичных приверженцев хлыстовства часто развиваются тяжелейшие болезненные расстройства психики и наступает общее физическое истощение организма.

Мало чем по существу отличаются от хлыстовских радений молитвенные собрания и других сект.

Молитвенные собрания у пятидесятников длятся по 5—6 часов. Молящиеся, стоя на коленях с поднятыми вверх руками, исповедуются в грехах, совершенных за день, просят прощения, просят у бога той или иной милости, трясутся, рыдают, по многу раз повторяют одни и те же слова: «Прими, господи! Прими, прими, прими!», «Дай, господи, дай, дай, дай!» В тесном помещении собираются сразу много людей, занавешенные окна не пропускают свежего воздуха. Верующие задыхаются от жары и духоты. Со всех льет пот, некоторые психически неуравновешенные люди, ослабленные принятыми у пятидесятников длительными постами и бдениями, быстро впадают в

На этом снимке вы видите состояние дикого умоисступления. Воистину страшно пизушко духовное!

71

этой атмосфере в судороги, бьются, не переставая повторять какое-нибудь одно слово. В конце концов произносимые звуки теряют внятность, язык заплетается, туманится сознание, *речь теряет* какое бы то ни было подобие связности. Это вызывает восторг у всех остальных, называется «ангельским наречием» или «говорением на иных языках», а «пророки» и «пророчицы» общины дают бессвязным, не имеющим никакого смысла звукам глубокомысленное толкование.

Все это настолько тесно смыкается с клиникой душевных заболеваний, что у психиатров симптому «говорения на иных языках» имеется специальное наименование — глоссолалия, или психогенная речевая бессвязность.

Очевидно, что от подобного служения богу начинается прямая дорога в психиатрическую больницу. Более того, участие в сектах иногда приводит к необходимости проведения посмертной судебно-психиатрической экспертизы.

Примером может служить судьба сектантки-пятидесятницы Н., 26 лет, покончившей жизнь самоубийством.

До вовлечения в секту она была общительной, веселой, участвовала в художественной самодеятельности, интересовалась художественной литературой и не обнаруживала каких-либо странностей в поведении. После вступления в секту Н. стала замкнутой, перестала участвовать в художественной самодеятельности, ходить в кино. Она часто уезжала на моления, используя для этого все выходные дни и свободные от работы ночи. Возвращаясь оттуда очень усталая и «нервная», плакала, говорила, что ей страшно, но что она не может уйти *от сектантов*. Она стала хуже питаться, так как отдавала все деньги сектантам. Встречаясь с прежними подругами в отсутствие сектантов, которые обычно старались не выпускать ее из своего поля зрения, она живо интересовалась бытом фабрики, спрашивала о самодеятельности, о кинофильмах. Каких-либо болезненных странностей в ее поведении эти подруги — свидетельницы по делу — не замечали. Сектанты же, проживавшие с ней в одном общежитии, постоянно заставляли ее молиться, внушая, что если она «отойдет от бога», то должна будет принести себя в жертву богу. *Часто* по ночам она надевала черные одежды и молилась. Примерно за неделю до самоубийства Н. начала разговаривать «сама с собой», выбегала на снег босиком,

72

жаловалась на головные боли, не здоровалась и не отвечала на вопросы, беспричинно смеялась и плакала, к кому-то обращаясь, кого-то отталкивая от себя. Поведение ее при этом отличалось очень большой выразительностью. Когда ее соседка по комнате пыталась к ней приблизиться, Н. встала во весь рост на кровати и с изменившимся лицом, со страшными глазами, протягивая руки вверх, повторяла: «Бог! Бог!». В течение последних двух дней сна почти все время молилась, говорила только о боге, иногда смотрела в одну точку. Вечером она ушла из общежития и покончила жизнь самоубийством, положила голову под колеса электропоезда.

Экспертная комиссия пришла к заключению, что Н. до вступления в секту психическим заболеванием не страдала. На это указывает ее успешная работа, круг интересов и личностные особенности в тот период времени. После вступления ее в секту под влиянием религиозных обрядов, в которых она принимала участие, и описанных выше постоянных внушающих воздействий на нее сектантов переживала состояние сильного нервного напряжения, приведшее к психическому заболеванию в форме истерического психоза и самоубийству.

Да, воистину страшно пивушко-то духовное...

Воистину человек плотскими устами не пьет, а пьян живет, и можно добавить — в угаре пьяного безумия умирает!

Сила взаимного внушения в сектах так велика, что время от времени оно приводило к вспышкам эпидемий религиозного фанатизма. Тогда уже приходилось говорить о массовых психозах. Такими, например, были психические эпидемии, о которых сообщали в конце прошлого — начале настоящего века на страницах медицинских журналов известные русские психиатры П. Якоби и В. И. Яко-венко. Некий Потапкин, один из главарей секты хлыстов, стал проповедовать, будто человек может призвать в себя святого духа, который, войдя в него, управляет потом им, как машиною, уничтожая всякую волю. Такой человек, по учению Потапкина, перестает быть ответственным за свои поступки, да и поступки его, даже самые постыдные, порочные с точки зрения мирской нравственности, — святы и беспорочны, ибо совершаются самим святым ду-хојп!

Отсюда путем ряда искусственных переходов утверждалась идея о мерзости супружеской любви и свято-

73

сти «духовной», возникающей на основе религиозного братства, непременно включающего половой акт («Христова любовь»), что якобы дарует силу, здоровье и освобождает от болезней.

Нетрудно догадаться, к каким безобразиям и прямым преступлениям привело такое, с позволения сказать, учение, когда одурманенные своим наставником люди стали претворять в жизнь его проповеди. Дела сразу приняли уголовный оборот, и одуроченные люди вскоре оказались на скамье подсудимых. А сколько пострадало невинных жертв!

Дела сектантов говорят сами за себя, и едва ли на них нужно дальше останавливаться.

Нас с вами интересовала во всем этом только та сторона, которая помогала увидеть, в какой мере здесь играют роль внушение и гипноз. И мы увидели, что играют непосредственную и очень существенную роль.

Теперь немного поговорим о самозванных врачевателях, знахарях-колдунах.

С детства, из разговоров старших или из книг, впервые узнаем мы такие слова, как заговор крови и ран, различных болезней.

Помните старика-мельника из «Князя Серебряного» А. К. Толстого — мастера заговаривать кровь?

Сколько таких седых как лунь стариков, образы которых запечатлены на полотнах Васнецова и Нестерова, шептали:

«Шикалу-Ликалу, слетелися вороны на богатый пир! Повернулося колесо, повернулося! Что было высоко, то стало низко. Шагадам, Шагадам, Кулла, Кулла!»

Или такое четверостишие из арсенала знахарки-враче-вательницы:

Шла бабушка из-за моря. Несла кузовок здоровья Тому, сему понемножку, А тие — весь кузовок.

Или заговор, так сказать, при определенных показаниях — не вообще от болезней, а только от боли живота или головы:

«На море на окяине, на острове Буяне, лежит бел го-рюч-камень. На бел горяч-камне лежит с черну борону руно, у руна борзый волк, у борза волка серый заяц, у

74

серого зайца серая утка, у серой утки чемерины яйца, в чемерином яйце — чемерина смерть. Летел ворон через море, летел да упал, из русаго, из (здесь называется имя больного. — *Авт.*), из черев, чемер пропал. От черного глазу, от худого глазу».

Заговор этот обязательно читался три раза.

Вот теперь и представьте себе: в лесу полночь, и, как сказал поэт, из-за туч луна катится, монотонно журчит ручей, падающий на мельничье колесо, и нашептывает под эти звуки знахарь свои монотонные, непонятные заклинанья...

Ну разве не разовьется тут у слушающего с верой и трепетом душевным простодушного человека дремотное гипнотическое состояние, в котором в сознание будут прорываться лишь внушающие приказы колдуна?

А раз так, то не удивительно, что и кровотечение иногда остановится и рана может быстрее затянуться.

Все это те приемы, с которыми мы уже встречались и у первобытного костра, и у шалаша австралийского мага, и в жарко натопленной яранге шамана.

Ничего тут удивительного, ничего чудесного нет. А когда при дальнейшем чтении этой книги вы познакомитесь с физиологическими механизмами действия слова, условиями возникновения гипноза и особенностями работы мозга и всего организма в нем, вам и совсем ничему не останется удивляться. Одно попросим: вспомните тогда про колдунов, врачевателей, шаманов, знахарей. Или еще лучше: ознакомившись с научным объяснением механизмов гипноза и внушения, не поленитесь вновь пробежать глазами эти страницы.

Мы хотим вам рассказать еще о спиритизме и спиритах. Можете смело отнести все, что вы о них сейчас узнаете, и ко всякого рода иным, но, несомненно, подобным им гадалкам, предсказателям и мастерам чудотворения.

Родиной спиритизма считают Америку. В декабре 1847 года семейство Фокс, проживавшее в городке Хай-десвилл (штата Нью-Йорк), пригласило к себе соседей, чтобы сделать их свидетелями странных явлений, с некоторого времени начавших происходить в их доме. В сумерках и ночью кто-то невидимый передвигал мебель, раздавались шумы, незримые руки касались тела; в ответ на стук, производимый юными девицами Фокс, кто-то стучал не то за

стеной, не то здесь же в комнате. Вскоре се-

75

мейство придумало вступить в беседу с загадочным виновником всех этих беспорядков на условном языке стуков разной громкости и частоты. И тогда «оно» сообщило, что является духом — по-английски spirit (спирит), откуда и пошло название — «спиритизм». Слухи о происходящих в даме Фоксов разговорах с самими духами быстро побежали по городку, нашлось много новых любителей вступить в подобные же собеседования с потусторонними существами. Скоро увлечение охватило все Соединенные Штаты.

Заметили, что духи благосклонны не ко всем одинаково, а являются охотнее тогда, когда среди присутствующих на сеансе есть хотя бы один человек, особенно восторженно настроенный, впечатлительный, слепо верящий в предстоящее появление «гостя из иного мира» и жадно ждущий этого. Чтобы сеанс получился удачным, старались всегда пригласить такого посредника. Его называли медиумом.

Для вызывания духов была придумана целая система проведения подобных сеансов. Спириты собирались по несколько человек (было замечено, что, если число участников мало, духи не приходят), по вечерам, усаживались за специальные столы (круглые, легкие, на трех ножках) и, положив каждый обе руки на стол, образовывали сцепленными пальцами рук так называемую цепь. Спустя некоторое время стол начинал стучать ножками, вращаться. Условным стуком спрашивали духов, явились ли они, и если они отвечали утвердительно, им задавали (тоже стуками) разные вопросы, на что и получали ответы. Вызывать можно было кого угодно, чаще всего вызывали духов умерших знаменитых исторических личностей, нередко также духов своих покойных родственников и знакомых. Казалось, все они только и ждали этого приглашения и с удовольствием являлись, чтобы удовлетворить любопытство собравшихся на сеанс.

В 60-е годы спиритизм проник в Европу и начал охватывать одну за другой ее страны, наподобие повальной эпидемии. В 80-е годы это увлечение достигло России. Повсюду возникали спиритические кружки, целые общества, печатались русские и переводились иностранные труды по спиритизму. За взрослыми потянулись дети, и дело доходило до того, что даже гимназисты 4—5-х классов тоже устраивали спиритические сеансы.

76

Быть медиумом стало прибыльным занятием, медиумов приглашали в богатые дома, возмещая «труды» сс-лидной оплатой. Спиритизм, а с ним и «умение» медиумов прогрессировали с невероятной быстротой. Скоро уже перестали удовлетворяться «духовыстукиванием», так называемым типтологическим спиритизмом, а старались вступить с духами в письменное общение — графологический спиритизм. Соответственно появились медиумы — специалисты писать под диктовку духов. Потом духи стали сообщать о своем появлении голосом, который хотя и не был похож на голос медиума, но звучал из его уст. Вскоре искусство медиумов выросло настолько, что они уже заставляли духов показываться присутствующим на сеансе, правда, часто лишь в виде некоторого неопределенного облачка. И, наконец, высшей ступенью спиритизма явилась возможность добиваться «материализации» пришельцев из загробного царства, когда духи не только показывались, но их было можно потрогать и даже сфотографировать. Фотографироваться с духами своих умерших родственников стало модным, и некоторые фотографы специализировались именно в такого рода снимках.

Многочисленные разоблачения медиумов в мошеннических проделках, в применении чисто фокуснических приемов, а также несколько состоявшихся в разных странах судов над уличенными в обмане фотографами не могли приостановить увлечения.

Не могли, потому что, с одной стороны, повсюду, во всех странах, были круги, которым массовое распространение очередного мистического суеверия было выгодно, и они разжигали интерес к нему искусственно, а с другой стороны, потому что некоторые явления, имевшие место во время спиритических сеансов, подтверждались непредубежденными людьми, хотя они не могли найти им вразумительного объяснения.

Физическое общество при Петербургском университете создало специальную комиссию для исследования и объяснения явлений спиритизма, которая в марте 1876 года представила отчет о проделанной ею работе. Отчет был подписан вдохновителем и руководителем этой работы Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Главный вывод комиссии гласил*. «Спиритические явления происходят от бессознательных движений и сознательного обмана, а спиритическое учение есть суеверие».

77

За счет бессознательных движений, совершаемых участниками сеанса, комиссия отнесла вращение, скольжение и постукивание ножек стола. Страстное ожидание «чудес» спиритического общения заставляет вначале одного, самого впечатлительного, участника сеанса, бессознательно овершать пальцами рук движения, толкающие и приподнимающие стол, приводящие его во вращение, другие присоединяются к этому, считая, что они лишь не препятствуют возникшему движению. Так совершается этот бессознательный самообман. Многие другие явления, как-то: видение неопределенных образов, слышание шумов и т. п., — могут быть чисто иллюзорными и иметь своей естественной причиной явления гипноза, внушения, взаимовнушения и подражания.

Интересен тот факт, что увлечения спиритизмом не избежали и некоторые известные в своей области ученые, такие, как зоолог Альфред Уоллес (одновременно с Чарльзом Дарвином выдвинувший идею о естественном отборе как двигателе исторического развития животного и растительного мира) и физик Уильям Крукс. Блестящий анализ, почему все это могло произойти, дал Фридрих Энгельс в статье «Естествознание в мире духов», главный вывод которой сводился к тому, что увлечение мистицизмом, постигшее этих «плоских эмпириков», явилось заслуженным наказанием за презрение к теоретическому мышлению, к диалектике.

Нам кажется, что мы имеем право на этом кончить первую часть книги. В ней мы стремились показать, что во все времена и у всех народов в основе широко распространенного и на разные лады преподносимого мифа о чудесных исцелениях, наряду с нарочитым вымыслом и подготовленным обманом, можно встретиться с фактами известных сдвигов в психических переживаниях людей, которые приводили иногда к выздоровлению тех, кто страдал от болезненных проявлений истеро-невротической природы.

ГИПНОЗ В РОЛИ ВОЛШЕБНИКА

„Погрузи его в сон твоей рукой...“

У Валерия Брюсова есть строки:

...там, где озеро Мериды, В царстве пламенного Ра, Ты давно меня любила, Как Озириса Изиды, Друг, царица и сестра! И клонила пирамида Тень на наши вечера.

То, о чем мы вам сейчас расскажем, произошло именно там, в царстве пламенного Ра, у подножья великих пирамид, несколько тысяч лет назад.

Но не об экзотической любви Изиды к Озирису мы будем говорить. Речь пойдет о борьбе за власть и влияние, которую вели между собой жрецы, и как они, на время прекратив свою постоянную грызню, объединялись против народа, стремившегося освободиться от своих угнетателей.

...Небольшой челнок тихо, раздвигая высокие камыши, скользит по реке. В нем три человека: атлетического сложения гре-бец; высокий, худой старик с заостренны-

79

ми чертами лица и большим носом, напоминающим клюв хищной птицы, и подросток, порывистый, щупленький мальчик лет тринадцати с живыми черными глазами. Лодка причалила к небольшой пристани, представляющей собой одновременно последнюю ступеньку каменной лестницы, ведущей в зеленые заросли низкого, но очень густого кустарника. Чувствуется, что и сама пристань, и лестница сооружены так, чтобы они как можно меньше были заметны. Гребец первым выскакивает из лодки. По тому, как почтительно подает он руку высокому старику и помогает ему ступить на твердую землю, сразу видно, кто раб и кто господин. Мальчику никто не помогает. Проворно он выскакивает сам. По лестнице они идут гуськом: впереди повелитель, за ним мальчик, замыкает шествие раб. Лестница приводит к входу, тщательно замаскированному кустарником, сквозь который уверенно, как человек, много раз проделавший это, идет высокий старик. Пропустив людей, вновь смыкается кустарник. Низкая дверь закрывает вход, прорубленный в скале, — вход в храм-тайник, в святилище бога мудрости, знания и письма ибисоголового Тота по прозвищу Носатый¹.

Старика почтительно встретили жрецы — так в древнем Египте обычно встречали только верховного жреца. Высокий старик им и был. Его имя Унуэмдиамон. Отдав мальчика слуге для попечения и охраны, Унуэмдиамон проходит с остальными жрецами в небольшой круглый зал с низко нависшим потолком. Эти внутренние покои святилища, в котором любят собираться жрецы, расположены глубоко под скалой.

Здесь, вдали от всего живого, совершенно недоступные самому пронизательному человеческому глазу и уху, обсуждают первосвященники мудрого бога свои дела. Здесь происходит подготовка разного рода чудес, которые так поражают потом воображение толпы. На стене храма-подземелья множество иероглифических надписей и рисунков, рассказывающих о поучениях и откровениях

Тота. А эти поучения и откровения в большинстве своем не что иное, как свод тех практических знаний, которыми располагали жрецы этого храма. Известно, что жрецы древнего Егип-

¹ Тот изображался древними египтянами в виде человека с головой ибиса, птицы, считавшейся посвященной этому богу. Подобные храмы-тайники сохранились до наших дней как археологические памятники древнего Египта.

80

та были образованными для своего времени людьми, но они не стремились да и не хотели сделать знания достоянием народа. Напротив, они их использовали часто во вред народу — для поддержания суеверий, своего религиозного владычества, для укрепления своей власти. Издавна существовала вражда между служителями Тота и жрецами бога солнца — Амона-Ра за власть и силу, за почет, за влияние на государственные дела. В далекие времена, в дни царствования фараона Менеса, сила была на стороне служителей Носатого. В его святилища стекались тогда самые богатые дары и жертвования. Сотни тысяч рабов, много пахотных земель, десятки храмов, святилищ принадлежали служителям бога мудрости. Сами бессмертные владыки всего живого, заместники богов на земле —г; фараоны во всем советовались со жрецами Носатого. Величественные обряды совершались в капищах ибисоголового бога. Чудеса повергали в оцепенение несметные толпы верующих. Слава бога и его жрецов не имела себе, равной на земле.

Но вот с некоторых пор оскудели сокровищницы бога мудрости. Унуэмдиамон видел в этом происки врагов и завистников. Да и сами жрецы тому помогли, замкнувшись в глубинах тайников, потеряв живую связь с тем, что делается на земле. Из затхлых недр их подземелий трудно было верно определить, что нужно сделать, чтобы, опять захватить в свои руки власть и силу. Тогда-то Унуэмдиамон, верховный жрец Носатого, вышел из древнейшего храма Тота в Шмуне и пошел по Стране Большого Хапи¹.

От селения к селению, от города к городу продвигался Унуэмдиамон под видом паломника. Он смешивался с толпами народа, слушал, что говорят вокруг, выспрашивал, наблюдал. Всюду — в бедной лачуге крестьянина, на базарной площади, в жилищах ремесленников — одно и то же: неспокоен народ, бурлит в нем недовольство. То там, то здесь появляются смелые люди — они зовут на борьбу за лучшую жизнь. Унуэмдиамон увидел в этом бурлении народа угрозу своим жреческим привилегиям, и в нем пробуждалась ненависть к «бунтовщикам». Как! Покушаться на незыблемые основы власти «сына солнца»? Потрясать устои, заложенные предками, перечить воле

Так древние египтяне называли свою страну. Хапи — река Нил.

81

богов? «Всегда мир был разделен на сильных и слабых, на бедных и богатых, на властителей и их слуг. Так было и так будет! Чернь подняла голову — этого нельзя допустить». Но у верховного жреца бога мудрости было два врага — чернь и каста жрецов бога Солнца. Надо придумать нечто такое, чтобы и чернь загнать назад в стойло и выводить оттуда под бичами надсмотрщиков на работу для процветания избранных и взять верх над чванливыми и заносчивыми жрецами бога Солнца, — заставить их признать верховную власть Тота и его жрецов.

Нужно чудо. И в голове Унуэмдиамона созрел план.

Несколько лет назад в тайниках храма Тота в Шмуне он нашел описание священной процедуры «погружения в сон своей рукой». Изглоданный временем папирус повествовал, что уже несколько веков назад жрецы Носатого владели тайной беседы с богом через приведенных в сон людей. Они владели тайной воскрешения мертвых и умением исцелять от болезней.

Унуэмдиамон принялся изучать папирус. Вот что он в нем прочитал: «Принеси опрятную и начищенную лампу, наполни ее лучшим, ароматным маслом и повесь ее на клин из куска лаврового дерева на стене, расположенной с утренней стороны. Затем поставь перед ней мальчика. Погрузи его в сон своей рукой и зажги лампу. Произнеси над ним слова заклинаний до семи раз. Снова разбуди его и спроси так: «Что видел ты?» Ответит он: «Да! Я видел богов вокруг лампы». Тогда будут говорить они ему все, о чем их будут спрашивать» \

Папирус подробно рассказал Унуэмдиамону о том, как погружать в сон и что для этого нужно. Для чародейства, оказывается, нужно: «Волшебная чаша и новая лампа из металла, в которой должно быть масло и новый фитиль, дальше два новых ящика, которые служат стульями, и наконец чистый, невинный мальчик». Все металлические предметы должны быть новые, блестящие, и мальчик должен смотреть, превозмогая резь в глазах, на этот блеск, и тогда можно погрузить его в сон своей рукой...

Так Унуэмдиамон постиг секрет предков. Он купил у голодного крестьянина, которому нечем кормить свою семью, тринадцатилетнего сына и начал упражняться в искусстве погружать в сон. Достиг того, что мальчик по

Подлинный текст древнеегипетского папируса.

82

первому его слову впадает в священный сон, видит бога, говорит с ним. По приказу Унуэмдиамона, он падает бездыханным, как труп, и никто, даже самые искусные, не могут обнаружить в нем признаков жизни, но одно прикосновение руки жреца — и к мертвенно-бледному лбу ребенка приливает кровь, на его щеках начинает играть румянец, и он встает смеющийся и полный жизни, как бутон распускающегося лотоса!

В большой тайне держал Унуэмдиамон свои упражнения с мальчиком. Теперь он решил: настало время действовать. Вот зачем он сегодня явился в этот храм-тайник.

— Я вернулся в храм Носатого бога, — сказал он жрецам, — чтобы поведать вам, что пришел решающий день. Завтра с восходом солнца, с началом нового дня наступит великий праздник Воскресения Озириса. Огромные толпы людей соберутся у храма Амона-Ра, Амона-Озириса — бога Солнца. Но что смогут показать народу заплывшие жиром, кичливые и глупые служители верховного владыки страны? Опять они выловят в Ниле и торжественно понесут в храм завернутую в многочисленные пелены размалеванную деревянную куклу, которую с деланным почтением начнут освобождать от этих одежд и, бросая их на жертвенный огонь, будут нудно напевать гимны о новом рождении Озириса. Кого это удивит? Народ уже видел все это столько раз. А я чувствую приближение взрыва. Толчком может послужить любой повод. Народу главное собраться вместе, и тогда все станет оружием: камни и палки, кулаки и зубы... Только бог Тот и явленное им великое чудо способны вновь вернуть толпе рабскую покорность.

Жрецы Великого Владыки града восьми, почтенного Ибиса, будьте готовы к чуду! Тот явит свое величие!..

На следующий день началось праздничное торжество в храме бога Солнца. Высокая колоннада гипостильного зала заканчивается лестницей, спускающейся от храма к Нилу, и на этой лестнице, а затем и на всем пространстве берега великой реки, пока может охватить глаз, несметные толпы народа. Люди возбуждены, громко разговаривают. Возбуждение вызвано не столько праздником, сколько большой бедой, — на страну обрушилась засуха, начался голод, в то время как богачи и жрецы прячут хлеб...

81

Верховный жрец Амона-Ра в пышном облачении, окруженный десятками младших жрецов и помощников, воздевает кверху руки. На алтаре перед ним распеленатая деревянная кукла Озириса, только что выловленная из Нила.

Жрец торжественно произносит слова молитвы:

Слава тебе, Озирис,

Владыка вечности, царь богов!

Многоименный,

Дивный образами.

Тайный обрядами в храмах,

Это — дивный духом, первый в Бусирисе,

Великий пищей в Летополе,

Владыка похвал в номе Бусириса,

Обладатель яств в Гелиополе,

Владыка поминаний в Месте двух истин...

Но — неслышанное святотатство — он не может дальше продолжать: богохульная толпа неистово кричит, поднимаясь по лестницам храма.

— Воскреси живого Озириса, жрец! Пусть Великий накормит нас, прольет живительные воды Хапи на наши поля, даст хлеба и риса из закровов, куда богачи спрятали его от нас. Мы не верим деревянной кукле — она не накормит нас. Озириса... Если ты великий ясновидец, яви нам живого Озириса!

И тогда из-за колонны выступает Унуэмдиамон — на руках его мертвый мальчик.

Одет Унуэмдиамон подчеркнуто просто. Движения решительны. Громким голосом обращается он к народу:

— Остановитесь! Жрецы Амона-Ра потеряли милость своего бога. Они не могут воскресить Озириса. Это сделаю я, слуга бога премудрости и речи, владыки Шмуна Великого Тота. Я

воскрешу умершего Озириса, и он даст вам изобилие. Я сделаю больше, я освобожу вас от боли и недугов, верну вам здоровье и силу. Я, верховный жрец Носатого, сделаю это!

Он подходит к первому ряду толпы и на руки высокого мужчины бросает безжизненное тело ребенка.

— Великий Озирис мертв, мертв, мертв... Люди склоняются к мертвому ребенку. —■ Да, он мертв, горе нам, бог мертв!

Тогда Унуэмдиамон прикасается ко лбу бездыханного тела. Протяжно и торжественно звучат его слова:

84

— Жизнь возвращается к тебе, Озирис, велением твоего брата по загробному царству — велением Тота! Встань молодой и веселый, смеющийся и вечный! Встань!

Вскрикивает в набожном испуге женщина, за ней другая. Задрожали руки у землепашца, держащего тело мальчика. На землистом лице ребенка показался первый румянец. Он разрастается, усиливается — вот щеки его пылают, кровь прилила к белым губам, рот приоткрылся в улыбке, дрогнули длинные черные ресницы и открылись глаза.

Едва замер крик восторженного удивления, как Уну-эмдиамон возгласил:

— Вы, увидевшие воскрешение бога, слушайте! Он будет говорить. Все смотрите сюда на этот щит! Бог придет, бог явится вам. Явится в пламени жертвенного огня, явится под звуки пения жрецов... Пойте жрецы, славьте бога!

— Люди! Забудьте все, не думайте ни о чем, смотрите на щит, только на щит, только на щит, в лицо бога Тота, Тота, Тота...

И люди смотрят, смотрят до боли и рези в глазах на сверкающий медный щит. И им начинает казаться, как он поднимается все выше и выше к самому потолку храма, затем еще выше — он уходит в небо, растворяется там, а вместо исчезнувшего щита к ним спускается странное и манящее существо с мудрой головой ибиса, такое, каким его изображают каменные изваяния в храмах.

Теперь они уже ничего не видят, кроме этого божества, и ничего не слышат, кроме голоса Унуэмдиамона.

— Здоровье дарует вам Тот, силой он наполняет ваши члены — молитесь ему, благодарите его! Унуэмдиамон подходит к толпе.

— Кто болен, кто жаждет помощи — смилостивившийся бог даст ее!

Жрец проходит среди охваченных экстазом людей и выводит за руку женщину.

— Отвечай богу, он говорит с тобой!

Женщина дико вскрикивает и испуганно бормочет: «Вижу, вижу, вижу!», и по всей толпе проносится раскатистый вопль: «Видим! Видим!.. Слава великому Тоту, слава его мастерам!»

Ну вот, мы и рассказали, может быть, об одном из наиболее ранних использований гипноза в таком массовом

85

масштабе. У нас есть документальные основания представить себе именно такую или схожую с ней картину.

Знакомство древних египтян с гипнозом не может подлежать сомнению. Немецкий этнограф Швейнфурт нашел в Верхнем Египте наскальный барельеф, относящийся к третьему тысячелетию до нашей эры, на котором изображена процедура гипнотизации или, как более принято говорить, чарования змеи. Есть и другие прямые и косвенные свидетельства, на основании которых можно сделать те же выводы. Так, например, Диодор Сикулус рассказывает: «Египтяне верили, что Изис нашла много лекарственных средств и очень опытна в искусстве врачевания и теперь, даже когда она стала бессмертной, наибольшая радость для нее делать людей здоровыми, молящим об этом она открывает лечебные средства во сне, ясно показывая нуждающимся свою волю. Доказательством этого для них служат не мифы, как у греков, а факты, лежащие перед глазами... Многие больные, *от которых* врачи отказались бы, как от неизлечимых, были спасены Изис и многие *потерявшие зрение или возможность пользования другими чувствами и членами, снова полностью получили то, что потеряли* (курсив наш.—Авт.), когда прибегли к этой богине».

По утверждению римского историка Страбона, исцеления у египтян происходили в храме Сераписа. «В это верили повсюду уважаемые люди и *спали там для себя или для других* (курсив наш.—Авт.).

Из того места Ветхого завета, где сообщается о состязании в чародействе между Моисеем и Аароном, с одной стороны, и египетскими жрецами — с другой, становится ясным, что последним

было известно искусство внушения обмана чувств, например превращение палок в змей.

В одном из древних исторических сочинений «О Изиде и Озирисе», авторство которого приписывают Плутарху, сообщается, что египтяне верили, будто дети могут предсказывать будущее, и прислушивались к их голосам, как к словам оракула, когда они играли в храме и говорили что-либо во время игры.

Можно еще приводить доказательства, но нужно ли? Разве этого не достаточно, чтобы убедиться, что египетские жрецы знали гипноз и умело им пользовались. Мы уже говорили, что в древнем Египте знания были привилегией жрецов. Суровая кара ждала каждого, дерзнув*

86

шего проникнуть в их секреты. Они, например, объявили запретными многие лечебные приемы и лекарственные средства народной медицины, включив их, однако, в свой арсенал чудодейственного врачевания. Они придавали лечению форму религиозного обряда, в котором трудно было отличить рациональные моменты от декоративных.

Ореол сверхъестественности окружал приемы жрецов и магов: составные части припарок, прикладываемых к больному месту, имеют якобы божественное происхождение, а повязка, накладываемая на рану, — это узел, которым бог связал своего брата; слова, которые произносит маг, чтобы спасти больного, — это слова, которые произносят боги для собственного спасения.

«Чудотворной» силе слов-заклинаний придавалось особенно большое значение. В Египте были врачи, специализировавшиеся в области лечения заболеваний определенных органов или частей тела, однако и они не обходились без заклинаний.

Одним из древнейших источников о способах врачевания в древнем Египте является папирус Эберса (по имени египтолога, нашедшего и описавшего его), относящийся к XVI веку до нашей эры. В нем содержится описание около 900 прописей целебных зелий и снадобий, советов по врачеванию самых различных заболеваний и ран. Характерно начало папируса, которое звучит буквально так: «Слова, которые следует произносить четко и повторять часто, как только возможно, прикладывая лекарство к больным членам для того, чтобы уничтожить породившие их страдания: «Изис, освободившая Озириса, избавившая Гора от злонамеренных деяний его брата Сета, убившего своего отца Озириса. О, Изис! Великая богиня заклинаний, освободи и меня от всего злого, от боли и злоумышленных действий, освободи меня от бога и богинь страдания, от смерти, от того, что проникло в меня. Освободи меня, избавь меня, как твой сын Гор был освобожден и избавлен тобой... О, великий Озирис! Заступись за меня! И немедля, скорее избавь меня от всего злого, от всего плохого и враждебного! От бога страдания, от богинь страдания и даже от самой смерти!»

Во всем тексте папируса настойчиво проводится мысль о необходимости сопровождать дачу и принятие каждого лечебного средства обращением к богам и духам. Например, указывается, что вышеприведенное заклинание нуж-

87

ль произносить при пользовании наружными средствами — накладывании повязок и мазей.

Перед описанием лечебных средств, принимаемых внутрь (питье, порошки), приводится другое заклинание: «Помоги! Иди и изгони то, что находится в моем сердце и моих членах! Заклинания благотворны в сопровождении лекарств и лекарства благотворны в сопровождении заклинаний...»

Кажется, яснее трудно сказать!

А теперь, дорогие читатели, давайте посмотрим, какой прием встретил гипноз в другой великой стране древнего и нынешнего мира — в Индии.

Санмохан-Астра — священное оружие потомков Бхараты

Что Индия — страна чудес, это все мы знаем с детства. А одно упоминание об индусских факирах и йогах сразу настраивает нас на восприятие самых невероятных и уму не постижимых вещей. Но то, что и факиры и йоги обязаны своим искусством чудотворения в основном гипнозу, об этом знают немногие.

...1837 год. Жители города Лахора и окрестных селений пришли посмотреть на пробуждение от шестинедельного сна йога Хариды. Да, да, не удивляйтесь — именно шестинедельного! Магараджа Рунджит Синг и англичанин сэр Клод Уайд тоже не верили в возможность подобного. По их инициативе и поставлен этот эксперимент, о результатах которого Клод Уайд сообщил своему другу, манчестерскому хирургу Джеймсу Брэду. Но о Джеймсе Брэде нам еще предстоит говорить, а сейчас станем свидетелями необычной истории.

Харида спал в небольшом специально построенном для этого сооружении. Его тщательно

охраняли — караул сменялся каждые два часа.

На процедуру пробуждения прибыл магараджа в сопровождении гостей, среди которых был и Клод Уайд.

Сперва магараджа вместе с Клодом Уайдом удостоверился в целостности своей личной печати, которой была запечатана дверь. Когда дверь открыли, взору присутствующих предстал вертикально стоящий закрытый деревянный ящик 4 английских футов длины и 3 ширины, запертый замком и запечатанный той же печатью. Вскрыли

88

и ящик; там — в наглухо зашитом полотняном мешке, в неудобной, скрюченной позе — был человек. Прежде чем вынуть его из ящика, по сигналу магараджи был дан пушечный залп, который послужил сигналом народу о том, что пробуждение начинается.

Слуга вынул йога прямо в мешке из ящика и, прислонив спиной к крышке, полил горячей водой. Затем йога вынули из мешка и внимательно осмотрели. Первой бросилась в глаза плесень, которой был покрыт мешок. Руки же и ноги йога были морщинистые, на ощупь — ооченелые, голова лежала на плече, как у мертвеца. В свите магараджи был врач — он взял руку йога, ища пульс, — пульс не прощупывался, но голова казалась теплее остальных частей тела. Слуга опять полил тело факира горячей водой, а двое других принялись растирать его руки и ноги. На темя йога клали горячее пшеничное тесто, толщиной в палец, и, когда оно остывало, заменяли новой порцией. Удалив из ушей и ноздрей спящего вату и воск, с большим усилием открыли ему рот: вначале слуга раздвинул левой рукой челюсти, а правой вытянул язык и долго держал его в таком положении, чтобы открыть доступ воздуха в легкие. Только после всех этих процедур Харида чуть заметно вздохнул. Медленно приоткрылся один глаз, затем другой. Жизнь возвращалась к йогу. Все это было столь необычно, так ошутим контраст между тем состоянием, в котором он был недавно, и тем, какое являл собой в настоящий момент, что только одно сопоставление приходило на ум: смерть и жизнь.

Медленно, как бы преодолевая неимоверную тяжесть, все еще давящую на него и сковывающую, Харида произнес первые слова, обращенные к магарадже: «Ну, теперь ты веришь мне?»

Да, теперь уже нельзя было не верить. 40 дней сделали свое дело, и магарадже с его свитой и английскому офицеру Клоду Уайду ничего не оставалось, как признать победу йога.

Мы заимствовали это факт из книги известного швейцарского этнографа О. Штолля «Гипноз и внушение в психологии народов» (1904 г.). У нас нет оснований не доверять сообщению Штолля: вполне возможно, что он описал случай такого длительного и глубокого гипноза, который можно считать произвольно вызванной летаргией, приближающейся к анабиозу.

89

Рассмотрим последовательно, как происходила процедура погружения йога в «священный» сон, и тогда, как нам думается, роль гипноза обозначится сама собой.

За неделю до погружения в сон йог употребляет только молочную пищу. Затем в день засыпания тщательно промывает себе кишечник и с помощью длинной полотняной ленты, которую он несколько раз заглатывает и быстро вытягивает, очищает желудок. После этого ароматическими травами с воском закупоривает себе все отверстия, через которые в него могли бы попасть какие-нибудь твари.

В собраниях религиозных гимнов древней Индии — Ведах, созданных в эпоху разложения родового строя и образования жреческой касты брахманов, содержатся первые указания на формирование мистического мировоззрения, получившего в дальнейшем название системы йогов. Эта система предполагает, что в состоянии высшего сосредоточения душа теряет свою связь с бременным телом и вступает в единение с невидимыми силами, стоящими над природой и властвующими над ней.

Составитель одной из частей Яджурведы, называемой Катха-упанишада, воспевае йогу как единственный путь, который ведет к познанию первоосновы бытия, этой нематериальной субстанции, которую он именуе Брахманом:

Если прекращаются

пять знаний ' вместе с мыслью,

Если бездействует рассудок,

То это, говорят, высшее состояние.

Это, полагают, ест йога,

Это — сильное обуздывание чувств,

И человек становится сосредоточенным,

Ибо йога — это начало и конец.

Это сосредоточение мысли, самопогружение в себя, в свой мир при максимальном отрыве от впечатлений окружающего мира, составляет краеугольный камень теории и практики йоги.

Известный современный индийский философ Дебипра-сад Чаттопадхья в труде «Локаята Даршана» пишет, что «практика йоги, изложенная в «Йога сутре», представляет собой искусство сосредоточения, осуществления субъектом изменений в своем состоянии и полный уход сознания внутрь себя».

¹ Имеются в виду чувства.

90

Но для того чтобы овладеть этим высшим искусством, требовалось предварительно овладеть умением проделывать целый ряд подготовительных упражнений и тела и души, йог должен научиться в совершенстве владеть собой, всеми своими чувствами; под этим разумеется умение не поддаваться ни гневу, ни жалости, ни горю, ни радости...

Основным условием, позволяющим достигнуть такого состояния, считалось умение контролировать свое дыхание. Подобный произвольный контроль над дыханием способствует будто бы дальнейшему духовному совершенствованию и открывает путь к продлению жизни.

Нам трудно поставить эти явления в прямую связь: как так, задержка дыхания — и продление жизни? Скорее, наоборот! Но основателям системы йогов эта связь казалась сама собой разумеющейся, ведь они отождествляли дыхание с понятием о душе, о жизненной силе — «пране», некой надматериальной сущности, одухотворяющей и оживляющей тела людей, животных и даже растения. Пока в теле присутствует прана, оно живет, уходит прана — умирает. Дыхательные упражнения йоги называют «пранайама», что означает искусство сохранять жизненную силу.

У древнего комментатора Вед — Сушруты приводятся точные цифры величины выдоха при различных видах деятельности человека. Так, столб выдыхаемого воздуха при еде равен 20 пальцам, во сне — 16, при ходьбе — 24. Идеалом, к которому должен стремиться йог, считалось умение превозмочь необходимость выдоха в течение часа!

Характерно, что, уделяя столько внимания дыханию, трактаты о системе йогов совершенно не упоминают о легких и их деятельности. Слово «кломан» (по-санскритски — легкие) в этих текстах отсутствует. Пишется, что вдох распространяется от черепа до кончика ступней. Следовательно, дыхание понимается здесь не как физиологическая функция легких, а как синоним деятельности основного жизненного начала души. Также полностью игнорируются функции мозга. Психика и эмоции связываются с сердцем. Сушрута пишет, что сердце подобно цветку лотоса: когда он распускается — человек бодрствует, когда закрывается — спит.

Особенно большое место в системе подготовки йогов отведено своеобразной гимнастике — выполнению самых

91

разнообразных, подчас весьма причудливых упражнений и неожиданных поз («асан»), способствующих будто бы погружению йога в состояние отрешенности от всего окружающего. Нужно научиться сохранять эти позы подолгу, застывать в одном и том же положении часами, чтобы ничто не препятствовало отдаться главному, к чему стремится йог, — размышлению о высшем существе и сосредоточению на нем одном всех мыслей и стремлений.

Наконец, после мучительных и долгих физических и моральных самоограничений, оцепенев в причудливой позе, старательно удерживая дыхание и пристально устремив взор в одну точку (иногда это жаровня, на которой горит ладан), йог начинает произносить односложные слова: Баам, Гаам, Заам, Джаам, Яаам, Наам... Сотни, тысячи раз надо произносить эти мистические слова, чтобы погрузиться в вожделенное состояние полной отчужденности от окружающего, ожидая «слияния» своей души с таинственными, стоящими под миром силами, прийти туда, куда никто не ходит, увидеть и услышать то, что не открыто глазам простых смертных, недоступно ушам непосвященных.

Анализ вышеизложенных особенностей сна йогов открывает в них много общего с гипнозом и связанными с ним явлениями. Можно сказать больше. Современная, павловская физиология нарочитую мистичность приемов вызывания сна йогов объясняет исключительно, как условия, способствующие вызыванию гипнотического состояния.

В начале XVIII века странствующие индийские факиры стали демонстрировать явления сна йогов в Европе, поражая зрителей своеобразием этого состояния. В нем их тело начинало обнаруживать удивительные, совершенно необычные свойства: они теряли всякую чувствительность к боли от

порезов, ожогов, уколов; могли очень долго оставаться без пищи и питья, пульс и дыхание становились почти неуловимыми. Они как бы умирали, а затем вновь оживали. Разумеется, все эти чудеса не могли не производить огромного впечатления на каждого, кому их удавалось видеть. Поистине, думали окружающие, это бесчувственное, не подающее никаких признаков жизни тело покинуто душой.

Система йоги вошла в состав и более поздних религий Индии. Так, например, в буддизме существует учение о

92

нирване, или состоянии высшего блаженства, высшего спокойствия, в котором душа, освободившись от пут земных, сливается с неземным, с Вседушой. В качестве одного из путей достижения нирваны буддисты признают древнюю практику йоги.

Что касается прямых указаний на гипноз, то и с ними можно встретиться в древнеиндийской литературе.

Так, в эпосе «Махабхарата, или Сказание о великой битве потомков Бхараты», относящемся к X—VIII векам до нашей эры, имеется следующий пример вызывания гипнотического состояния. Желая вызвать его у другого человека садится напротив и, пристально уставясь взглядом в его глаза, старается внушить ему какое-нибудь определенное желание или мысль.

Но особенно интересным кажется содержащееся там же описание священного оружия, называемого по-санскритски Санмохан-Астра. Свойство этого оружия в том, что оно поражает врагов, погружая их в сонное оцепенение.

Наверное, многие из вас, читатели, видели кинокартину «Садко». Вспомните сказочную птицу с ликом девы. Вспомните ее проникающий в душу чарующий голос: «Спите... Спите... Спите!» Вспомните, как под влиянием этого голоса ложатся на землю ряды воинов и коней, запряженных в колесницы, и засыпают. Как подкошенные, падают на землю гигантские слоны, сраженные сном, вместе с находящимися на них погонщиками и седоками.

Нечто подобное по воздействию на все живое и представляет собой фантастическое оружие Санмохан-Астра, воспетое в четвертой песне «Махабхараты».

Йоги не являются единственными в Индии обладателями «высокого искусства общения с потусторонним миром». Здесь таких специалистов много во всех племенах и кастах. Таковы, например, маги южноиндийского племени бодо — мастера «пророчеств». Их способ очень похож на ту практику «призывания духов», с которой мы встречались с вами у шаманов, а также у колдунов-врачевателей Австралии. Вначале они долго кружатся в неистовой пляске, сопровождаемой оглушительными звуками музыкальных инструментов и подбадривающими напевами всех присутствующих. Постепенно доходят до состояния такого умоисступления, при котором человек может вообразить себя кем угодно — хоть богом, хоть дьяволом!

93.

Брахманы южного Малабара — мастера «вселять», а затем снова «изгонять» злых духов. Побывавший там в начале XVIII века путешественник писал, что в день религиозного праздника, посвященного богу погоды и урожая, брахманы выводили из храма девушек, которых выставляли на показ толпе, стоящей на площади перед храмом. Красивые лица девушек были совершенно спокойны, движения медлительны и плавны, изящные линии богато украшенной одежды подчеркивали привлекательность их общего облика. Но вот брахманы начинали читать священные заклинания, а девушки при этом двигались в замедленном танце в такт тихо и размеренно звучащей музыки. Постепенно ритм мелодии и пляски убыстрялся, движения девушек становились все более порывистыми.

Взволнованная зрелищем толпа реагировала на происходящее перед ее глазами сочувственными восклицаниями. Довольно скоро пляска достигала бешеного темпа, глаза девушек начинали дико вращаться, одежда приходила в полный беспорядок, на губах их выступала пена, руки сводило судорогой и наконец, изгибаясь всем телом, они падали в глубоком сне. Их тотчас же относили в глубь храма, там они очень скоро приходили в себя, и их выводили вновь, чтобы показать такими же спокойными и прекрасными, какими они были до того, как в них «вселились» призванные заклинаниями «духи». В их освобождении от духов верующие видели знак благорасположения божества, в честь которого был устроен этот обряд, и верили, что умиловивленный бог умножит плоды и утучнит стада.

Путешественник, очевидец этого обряда, был врачом и не без основания высказал в своих заметках предположение, что, прежде чем вывести девушек из храма в первый раз, брахманы давали им какое-то дурманящее снадобье, а во второй раз, для того чтобы быстрее привести их в

чувство, поили нейтрализующими, успокаивающими средствами.

Вера в могущественную чудотворную силу заклинаний в Индии очень велика. «Раны на шее исчезните. Это 55 или 67 или 99 страданий, которые исчезают все!» — раскачиваясь в такт речитативу заклинаний из тайной книги брахманов «Атхарваведы», неустанно повторяет заклинатель. Он сжигает при этом на огне строго определенное ритуалом количество листьев какого-нибудь растения,

94

предлагая страждущему вдыхать дым, с которым должна войти в больного благодатная сила растения. Сок, вытекающий из листьев, прикладывают к больному месту. Заклинание будто бы окажет свою спасительную силу, если произнести его 70 раз.

Сохраняя многовековую традицию подобными «чудодейственными» процедурами, неуклонно сопровождающимся заклинаниями, «лечат» больных и сейчас во многих местах Индии. Ведь страна эта лишь недавно проснулась от многовекового сна, который умышленно поддерживали колонизаторы. Здесь живет множество разных по своему культурному развитию племен и народностей. Число неграмотных и темных людей очень еще велико, а число врачей и больниц пока мало. Поэтому не удивительно, что и поныне раздается здесь смиренная мольба страждущего, взывающего к непостижимому и властному виновнику его страдания: «Освободи меня, сила зла; молю тебя, несчастная жертва твоей злобы! Дай мне избежать твоей власти и стать снова счастливым...» Лишенный реальной помощи, человек страстно ищет опоры в чуде. А вместе с тем эта вера во всевластие потусторонних сил лишает его уверенности в себе самом, принижая чувство собственного человеческого достоинства.

Не сосчитать святилищ, которые воздвиг индийский народ своим богам. В одном только Бенаресе полторы тысячи храмов, ступени которых спускаются прямо к водам великого Ганга. Сложная архитектура этих великолепных сооружений, невиданное, переливающее через край обилие живописных и скульптурных деталей вызывает восхищение.

Но вместо того чтобы испытывать при виде этих чудес искусства законное чувство гордости творческим величием своих соотечественников, входящие в храм верующие исполняются мистическим трепетом перед мнимым величием и мудростью богов. Все в устройстве этих храмов продумано и рассчитано на то, чтобы вызвать у вступающего под их своды именно этот смиряющий разум человека страх. В центре святилища высится бронзовая статуя танцующего Шивы — разрушителя вселенной. Его голова, руки, ноги и грудь богато украшены жемчугом и драгоценными камнями. Отсветы пламени ритуальных светильников вырывают из царящего здесь таинственного полумрака загадочное выражение глаз гневного божества.

95

В воздухе струится дым и кружащий голову запах благовонных курений. Как будто с самого неба льются тонкие переливы храмовых колокольчиков. Звучат священные гимны, и непроницаемой загадочностью полны сосредоточенные лица брахманов, совершающих сложный священный ритуал. И невольно, подчиняясь всей этой гипнотизирующей обстановке, молящийся чувствует в себе какие-то особые, неземные ощущения. Они уводят его в мир галлюцинаторных миражей — в мир сказки, где выдуманные боги становятся реальностью и где его детская вера получает, как ему кажется, свое незыблемое подтверждение.

Да, изощренно используемый брахманами и йогами гипноз в немалой степени способствовал тому, что Индию и до сих пор называют страной чудес. Но надо прямо сказать, что гипноз, играя в течение тысячелетий роль практического воплощения философско-религиозного мировоззрения, призывающего искать счастье жизни и ее высший смысл в отрыве от реальной действительности и в самопогружении, немало мешал пробуждению активных сил народа, мешал борьбе с колонизаторами.

Если говорить об использовании гипноза в религиозных целях, для одурманивания людей, для порабощения их, для связывания жизненной инициативы, то более яркого примера, чем судьба гипноза в Индии, не найти. Действительно, служа мистическим догматам индуизма, он, как сказочное оружие Санмохан-Астра, погружал и в прямом и в переносном смысле людей в тяжелый сон, во время которого еще туже стягивали на них путы их враги.

И не случайно английские колонизаторы любили называть Индию страной сна, страной гипноза. Им, полтора столетия, подобно паукам, высасывавшим все жизненные соки из этой страны, щедро одаренной природными богатствами, было очень выгодно иметь дело с людьми, погруженными в сон.

Но великий, талантливый индийский народ порвал цепи колониализма и двинулся по пути

прогресса навстречу своему будущему.

НАУКА ИЗУЧАЕТ ГИПНОЗ

„Неподдающийся Познанию магнетический флюид — бесполезен”

С именем Франца Антона Месмера около двух столетий было связано учение о загадочной и удивительной силе, якобы таящейся во вселенной. Сила эта — магнетический флюид. Названный латинским словом fluidas — текущий, он, по представлению Месмера, в виде особой жидкости разлит в окружающем нас мире. Его нельзя обнаружить, измерить, взвесить, ощутить. Флюид пронизывает всю вселенную. Именно он обеспечивает сверхъестественное влияние планет друг на друга и на судьбы людей. Он двигатель взаимного притяжения и отталкивания. Незримо присутствуя своим нематериальным излучением, флюид создает таинственные нюансы человеческих взаимоотношений. Им объясняются не подчиняемые рассудку и логике призрачные предчувствия и потусторонние ощущения. Он управляет предзнаменованиями и интуицией. Он лежит в основе капризных законов симпатии и антипатии.

Не следует полагать, что учение о магнетизме создано Месмером. Уже за несколько веков до него средневековые схо-

97

ласты уделяли большое внимание «таинственной», на их взгляд, силе, которая властно притягивает кусок железа к магниту. Об этом пишутся напыщенные трактаты. Их авторы — философы, богословы, врачи. Но с удивительным постоянством во всех этих сочинениях при объяснении магнетизма привлекаются потусторонние, загадочные, сверхъестественные силы. Магнетизм не мыслят себе без чего-то непостижимого, чудесного, боговдохновенного.

Временами представители религии обрушиваются на магнетизм и отнимают его у божественного провидения, но это, конечно, не для того чтобы его материализовать. Отнятый у бога, он отдается дьяволу. Его сила объявляется адской, его могущество объясняют колдовством. От этой смены декораций взгляд на магнетизм не меняется, он все тот же потусторонний и сверхъестественный, непостижимый и загадочный! Он основа чудес божественных или чертовских, — разве это не одно и то же и тут есть какая-нибудь разница?

Нет, разницы нет. Это две стороны одной медали. Кто верит в бога, не может обойтись без дьявола, и наоборот.

Вот магнетизмом заинтересовался Фауст XVI века — знаменитый алхимик, врач и естествоиспытатель, не чуждый магии и чернокнижия, Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст Парацельс Гогенгейм.

Что если использовать таинственную силу магнита для лечения? Пусть он притягивает к себе болезнь, как кусок железа, и тем освобождает от нее немощное тело!

И Парацельс лечит магнитами. С равным старанием прикладывает он их к грудным младенцам, задыхающимся от дифтерии, и к агонирующим старцам, перенесшим кровоизлияние в мозг. Магниты помогают плохо. Но в обширной практике Парацельса встречаются и такие случаи, когда наложение магнита прекращает корчи и судороги, возвращает дар речи онемевшим, поднимает на ноги параличных. Таких случаев, правда, немного, и происходят они, как правило, с очень нервными субъектами, чаще женщинами, экзальтированными и впечатлительными, что для позднего западноевропейского средневековья было явлением обычным и распространенным.

Феодальный разбой и бесконечные войны, внезапные набеги, голод от частых неурожаев, идущие от святой церкви и светской власти, непрерывные угрозы всяческих — физических и нравственных — кар за непослуша-

98

ние и вольнодумство, полная беззащитность человека, зловещий отблеск пламени непотухающих костров, на которых заживо горели ни в чем не повинные жертвы церковного произвола, особенно много женщин, которых церковь по многовековой традиции считала существом низшим, греховным — «исчадием ада», вот под каким тяжким прессом жили в те времена люди. Понятно, что все это не могло не отразиться на психике и сознании людей. Не случайно тогда были распространены заболевания истерией, истерические психозы, кончавшиеся нередко параличами.

И если вы помните, о чем мы рассказывали на предыдущих страницах нашей книги, вы, несомненно, уже догадываетесь, в чем суть тех исцелений, которые удавались знаменитому средневековому алхимику. Пусть их не так много, но молва о них бежит от села к селу, от города к городу, пересекает границы государств. Факты обрастают фантастическими подробностями,

приукрашиваются самым беззащитным образом и от этого становятся еще заманчивее, еще привлекательнее. Они попадали на благодатную почву: сознание средневекового человека было отравлено мракобесием, наступавшим на него со всех сторон. В стенах школы и церкви, с полотен картин и со страниц книг в сознание людей вселялась вера в чудеса. Чудеса святые, богоданные, чудеса кощунственные, дьявольские. И люди верили в то, в чем нет никакого смысла. «Credo quia absurdum!» («Верю, ибо абсурдно!»)—эта фраза, произнесенная на заре христианства исступленным фанатиком Тертуллианом, надолго определила характер мировоззрения христианского мира.

Итак, слава Парацельса, как целителя с помощью магнетической силы, растет и ширится. И только преждевременная смерть целителя обрывает ее торжественное шествие. Умер он кстати, хотя и в расцвете сил: отцы церкви уже начали поговаривать, что настала пора серьезнее заняться этим так называемым врачом. Уж очень стал чахнуть в угоду дьяволу дым его алхимической печи... Что до его медицинских занятий, то тут не только благочестивым христианам, но и, кажется, самим еретикам ясно, что все его снадобья и мази, настойки и отвары изготовлены на дьявольской кухне. А вот и последние фокусы философствующего колдуна — лечение магнитами, этим орудием бесовского притяжения. Он говорит, что вытяги-

99

вает своими подковами болезни из людей. Но это явная чушь! Любому известно, что болезни — божья кара. Бог насылает их за грехи, и лишь в его всемогущей воле простить виновного и взять у него болезнь, исцелить его. Нет, колдун Парацельс не болезни вытягивает из людей, а их души в угоду своему хозяину дьяволу, чтобы расплатиться за полученное от него могущество. Вытягивает душу человеческую, этот величайший дар божий, и отдает ее дьяволу, чтобы тот вдосталь мог наглумиться над создателем и его совершеннейшим творением!

Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст Парацельс! Изведать бы тебе всеочищающего огонька аутодафе, замешкайся ты еще годик-другой на этой брэнной земле! Не забыли бы о тебе отцы инквизиторы. Никуда бы ты от них не спрятался...

После смерти Парацельса о магнетизме понемногу стали забывать. Этому немало способствовала инквизиция, предавшая троекратно проклятию безбожный магне-

100

Парацельс (1493—1541).

тизм и тех, кто им лечит и лечится. Магнетизм опять ушел в сферу, далекую от земных реальных дел, — в астрологию и астрономию. Опять о нем спорили между собой лишь ученые-философы. И вновь реяли магнетические волны в далеком мировом пространстве, застревали между хвостами комет, носились от одной планеты к другой, и не стало им никакого дела до брэнной земли, до мыкающих на ней людишек с их вечными горестями и страданиями, с их неизлечимыми недугами и болезнями!

Именно с таким магнетизмом — магнетизмом астрономическим — и познакомился впервые

венский врач Франц Антон Месмер. В 1766 году он представляет к защите на степень доктора медицины свою диссертацию, озаглавленную «De planetarum influxu» — «О влиянии планет». Вот здесь-то и дал Месмер полную свободу астрологическим представлениям средневековья. В строгом соответствии с мистикой того времени излагает он учение о влиянии планет и даже далеких созвездий на человека. И будто бы природа этого влияния есть не что иное, как своеобразное магнетическое всемирное тяготение.

Образованнейший человек своего времени и один из богатейших людей Вены, музыкант — меценат, музицирующий с Леопольдом Моцартом-отцом и его гениальным сыном маленьким Вольфгангом Амадеем, удивляющий их своей искусной игрой на стеклянной гармонике, Месмер в боковом кармане своего франтоватого бархатного камзола носит диплом доктора медицины, подписанный знаменитейшим медиком того времени, придворным врачом Ван-Свитеном, и еще два докторских диплома — права и философии. Изредка, в свободное от занятий науками и любительских концертов время, он практикует как врач.

Случай сделал Месмера свидетелем удачного излечения магнитом одной больной. В роли целителя выступил не медик, но это не смутило Месмера, и он решил тоже попробовать этот способ врачевания. Как и Парацельс, он без особого разбора прикладывает магниты к самым различным людям, к самым различным больным. Женщины и мужчины, старые и молодые, дети и подростки. Жертвы тяжких недугов и слегка недомогающие — все становятся объектами его лечения. Одновременно объектами наблюдения и опыта. В точности повторяется то, что за два столетия до него наблюдал Парацельс. Из 15—20 человек двум-трем становится лучше; один-два совсем поправля-

101

ются. Снова люди говорят и разносят молву только об исцелениях, и скоро дом Месмера стали осаждать большие толпы страждущих и верящих в его могущество людей.

В разгар успеха Месмер подмечает один странный факт, с несомненным постоянством повторяющийся при практиковании его метода на самых различных больных. Факт загадочный и, кажется, опровергающий все собственные магнетические теории Месмера. У некоторых больных облегчение и выздоровление наступает совершенно независимо от прикосновений целебных магнитов. Больных так много, что Месмер просто не успевает прогуливаться своими чудодейственными подковами по лицам, рукам и ногам всех к нему обращающихся. Но у части людей еще до начала лечения, только при одном виде чудесного целителя, при самой краткой, отрывочной беседе с ним или просто от сознания, что они у него в доме, что им удалось попасть в сферу хотя бы и самого отдаленного внимания этого «волшебного доктора», наступает заметное улучшение.

Вот группа оглохших и потерявших голос женщин. Они объединились по признаку однородности их страдания. В основе его — внезапный испуг, страх за свою жизнь, за жизнь близких. И достаточно им было вчера увидеть Месмера и протянуть к нему в суеверном экстазе с безграничной верой и мольбой свои руки, как сегодня у двух полностью восстановился слух и появился голос, а у трех других столь заметное улучшение, что окончательного выздоровления несомненно можно ждать в самом скором будущем.

Больные не озадачены тем, что к ним не прикладывался спасительный магнит. Больные верят в Месмера, верят во все, что его окружает: в его дом, в его личные вещи, камзол, башмаки. Верят в том числе и в его магниты, когда они у него в руках. Но они не выделяют особенно эти пресловутые магниты. Им в конце концов все равно — прикоснуться к магнитам или, если до них трудно дотянуться из-за обступивших кругом людей, то прикоснуться к золотым пряжкам модных башмаков целителя. Больные уже давно интуитивно для себя отметили, что помогает все с Месмером связанное, все от него исходящее.

Оказывается серьезно озадаченным сам Месмер.

102

Не сам же он в конце концов выдумал эту целебную силу магнитов! Он взял ее у предшествующих высоких авторитетов. У известных врачей, у самого Парацельса. Это они со страниц своих трактатов поведали миру об успехах магнетического лечения, подробно рассказали, при каких болезнях и как надо прикладывать целебные магниты. Мало того, дали точное описание, какой формы следует изготавливать эти магниты, чтобы они точно соответствовали контурам больных органов. Кажется, ясно: все в магнитах и все от магнитов. А теперь ему, Францу Антону Месмеру, дано убедиться, что магниты для магнетического лечения вовсе не нужны. Эффект достигается и без них...

Что за чепуха, что за парадокс! Есть от чего растеряться. Он чувствует, что тут не обойтись без новой теории, без своей, так сказать, научной гипотезы.

Месмер мог бы сделать большое открытие, почти на целое столетие приблизить научную эру психотерапии. И надо ему было всего-навсего отбросить своего ложного кумира — магнетический флюид и, поставив весь вопрос с головы на ноги, сказать, что все дело здесь именно в той вере в целительную силу магнита и в самого себя, которую он внушает своим пациентам.

Итак, вместо того чтобы объяснить все происходящее очевидным фактом внушения и самовнушения, Месмер пускается в создание надуманных теоретических построений.

Да, приходится признать, магнит ни при чем. Исцеление может происходить без него. Магнит отпадает. Зато флюид — этот непостижимейший, чудодейственный и бо-жественнейший флюид — остается. Мало того, он возрастает в своем значении, становится всеобъемлющим. Приобретает такие одухотворенные качества, которые раньше и заподозрить у него никто не мог. В сфере его влияния, его проникновения теперь уже не только одни мертвые планеты и земные магниты. Он оказывается той одухотворяющей силой, которая пронизывает все живые тела, все организмы земли, сообщая им жизненный дух, высшую энтелехию бытия.

Так происходит перерождение безжизненного флюида средневековых схоластов в животный магнетизм, обязанный своим созданием всецело венскому врачу Францу Антону Месмеру.

103

Магнетический флюид оживает. Он составляет теперь основу всего жизненного начала во вселенной. Он пульсирует и бьется в каждой живой клетке. Он приходит из бесконечных глубин мироздания, для того чтобы, передаваясь от человека к человеку, наполнять его дыханием мировой жизненной силы, той силы, которая одна обеспечивает во вселенной и разум, и чувства, и жизнеспособность.

Никому не дано объяснить происхождение и понять высшие законы, которыми управляется эта сила. Здесь, видимо, уже сфера, недоступная примитивным методам человеческого исследования, построенным на использовании органов чувств. Поэтому ощущение, измерение, взвешивание здесь бессильны. Остается одна вера. Месмер не говорит прямо о божественном происхождении своего жизненного флюида, но только такой вывод напрашивается сам собой. Сам же автор гипотезы о животном магнетизме не очень старается найти пути к экспериментальному доказательству существования своего флюида. Он больше заинтересован в практическом приложении его к делу.

Он наделяет флюид мощными целительными свойствами. Передача его от одного лица другому, насыщение им ставится в прямую зависимость с процедурой лечения. Обогатиться жизненным флюидом, набрать его как можно больше, заимствовать его от другого здорового человека отныне и составляет смысл и содержание лечения. Но всякий ли здоровый способен сообщить больному путем своего прикосновения, путем передачи своего флюида выздоровление? Нет, совершенно очевидно, далеко не всякий. Точнее сказать никто не может этого сделать, кроме каких-то особенно одаренных, прямо скажем, избранных душ. И в первом ряду таких избранных, на голову выше всех других, стоит сам он, изобретатель флюидической теории животного магнетизма, знаменитый целитель и чудодейственный помощник страждущих — Франц Антон Месмер! Ему первому из людей дано подарить человечеству ключ к этой тайне. Подарить исцеление от страшных болезней, облагодетельствовать их. Отныне Месмер пророк и чудотворец. В нем одном, как наиболее достойном представителе человечества, сконцентрировалась потусторонняя сверхъестественная, непостижимая простым смертным и не осязаемая никем сила, которой он по своему

104

Франц Антон Месмер (1734—1813).

желанию и прихоти может оделять несчастных страдальцев.

И хотя у него не хватает теперь рук и времени прикоснуться ко всем желающим и страждущим, он находит выход из положения. На помощь опять приходят теоретические хитросплетения. Флюид — магнетическая жидкость, а жидкость, как известно, обладает способностью к истечению, к перетеканию из одного сосуда в другой. Стоит соединить полный сосуд с пустым, и будет происходить обогащение пустого сосуда, его наполнение спасительным флюидом. А потом пусть к этому сосуду прикасаются жаждущие месмеровской целебной силы. Берите! Месмеру не жалко. Его запасы неистощимы. Вместо отданного флюида он мгновенно, даже незаметно для самого себя наберет из вселенной столько новой живительной силы, что ее некуда будет девать.

Месмер стал подобен богу. Вот он в расшитом золотом и серебром лиловом камзоле с многочисленными брилли-

105

антовыми перстнями на выхоленных руках, в сопровождении почтительно следующей толпы учеников и помощников входит в зал, где установлен «намагнетизированный» его прикосновениями бак. За металлические стержни этого бака судорожно уцепились десятки людей. Фанатическая вера и жажда вобрать в себя как можно больше спасительного флюида светится в их глазах.

За бархатной занавеской, отделяющей комнату магнетизации от других помещений, раздается нежная мелодия. Это заиграла стеклянная лютня — специальное изобретение Месмера, предназначенная для усиления экстаза лечащихся.

Следуя строгой инструкции помощников Месмера, больные, сцепившись руками, образуют живую цепь вокруг бака. По телу их пробегает трепетная дрожь. Вот одна из женщин внезапно вскрикнула — она почувствовала, что как бы электрический разряд пробил ее. Флюид проникает в нее, какое счастье!

И раздирающий душу вопль фанатичной веры врывается в убаюкивающую мелодию. Одна женщина падает на пол: разыгрался сильнейший истерический припадок. Он заражает других, и уже несколько человек извиваются в корчах. «Кризис наступил», — торжественно произносит Месмер. Это знак, чтобы специальные служители подхватили бьющихся и отнесли их в зал кризисов, где им свободно дают сотрясаться в самых неистовых истерических судорогах.

Согласно учению Месмера, после такой разрядки наступит освобождение от болезни. Флюид, проникший в тело пациента, вытеснит ее и исцелит больного. И вот у него теперь не один, а несколько магнетических баков. Кроме того, специально для бедных у ворот своего нового дома в Париже он «намагнетизировал» развесистое дерево. Под ним, если хорошо потесниться, одновременно располагается до сотни человек!

Слава Месмера все растет, пропорционально ей растет и его могущество и его богатство. Теперь уже Франц Антон Месмер желанный гость в самых высоких дворянских домах. Его с охотой

принимают титулованные особы — бывает он и при дворе самого «христианнейшего» короля Франции Людовика XVI. В пылу нашего рассказа мы забыли предупредить читателя, что уже с 1778 года Месмер, тяготясь неприязненным отношением, которое стали

106

высказывать ему коллеги в австрийской столице, переехал в Париж. В эти годы Париж перерос значение столицы Франции — он стал столицей всей Европы, а вместе с ней и всего просвещенного мира. От него Месмер жаждет признания. Он хочет, чтобы французская академия возложила на его голову венки победителя и приобщила к сонму своих бессмертных избранников. Месмер пускает в ход все свои огромные связи. Королева Мария-Антуаннета, эта большая любительница всего загадочного и сверхъестественного, оказывает давление на короля, король — на академию — и вот научный Олимп принужден заняться животным магнетизмом и его создателем Францом Антоном Месмером.

Это знаменательное решение обязывает нас дать хотя бы вкратце характеристику той исторической обстановки, в которой происходили эти события.

Вторая половина XVIII века. Канун революции во Франции. Предчувствие революции охватывает различные классы общества. Французские просветители подготавливают умы к революции. Они глубоко верят в безграничные возможности человеческого разума, в способность и право людей создать разумный общественный строй.

Природа и общество объяснимы, в них, вопреки утверждениям католической церкви, нет ничего таинственного, сверхъестественного, потустороннего.

Каким же должен был предстать в глазах просветителей и рационалистов «магнетический флюид» — невесомый, невидимый, неосязаемый, не поддающийся измерению и взвешиванию? В 1784 году несколько ученых комиссий при участии крупнейших научных авторитетов того времени — Лавуазье, Франклина, Жюсье, Байли, высказались против существования животного магнетизма. 11 августа этого же года последовал окончательный приговор, составленный объединенной комиссией парижского медицинского факультета и академии наук. Приговор гласил:

«После того как члены комиссии признали, что флюид жизненного магнетизма не познается ни одним из наших чувств и не произвел никакого воздействия ни на них самих, ни на больных, которых они при помощи его испытали, после того, как они установили, что касания и поглаживания лишь в редких случаях вызывали благотвор-

107

ное изменение в организме и имели своим постоянным следствием опасные потрясения в области воображения, после того, как они, с другой стороны, доказали, что воображение без магнетизма может вызывать судороги, а магнетизм без воображения ничего не в состоянии вызвать, они единогласно постановили, что ничто не доказывает существования магнетически-жизненного флюида и что, таким образом, этот не поддающийся познанию флюид бесполезен, что разительное его действие, наблюдавшееся при публичных сеансах, должно быть частично объяснено прикосновениями, вызываемым этими прикосновениями воображением и тем автоматическим воображением, которое, против нашей воли, побуждает нас переживать явления, действующие на наши чувства. Вместе с тем комиссия обязывает присовокупить, что эти прикосновения, эти непрестанно повторяющиеся призывы к проявлению кризиса могут быть вредными и что зрелище таких кризисов опасно в силу вложенного в нас природою стремления к подражанию, а потому всякое длительное лечение на глазах у других может иметь вредное последствие».

Этот уничтожающий отзыв, кроме того, сопровождался секретным донесением на имя короля, в котором в неясных выражениях намекалось на опасность для общественной нравственности увлечения животным магнетизмом.

Так бескомпромиссно и категорически высказалась французская академия наук против того, что через сто лет, в 1882 году, она же признает на основании работ знаменитого невропатолога Шарко.

Быстро пробежит время, и через полтора столетия в чеканных построениях павловской теории, в железной логике открытых ею законов высшей нервной деятельности найдут свое объяснение случаи исцеления у месмеровских магнетических баков.

Но обо всем этом наш рассказ еще впереди, а теперь в заключение несколько слов о судьбе животного магнетизма и его создателя.

Да здравствует разум и долой животный магнетизм! Таково было отношение к нему просветителей и рационалистов. Казалось бы, магнетизм обречен.

Но именно в это время можно наблюдать как раз самую яркую для той эпохи вспышку увлечения

животным магнетизмом в высших сферах французского общества
108

ства. В королевских покоях, во дворцах аристократов, в салонах знатных дам все чаще с благоговением произносится имя Месмера. Английский историк Томас Карлейль в нашумевшей в свое время книге «Французская революция», описывая нравы аристократов накануне революции, так рассказывает о том поистине «магнетическом» влиянии, которое оказывал Месмер на французских аристократов: «В длинном одеянии он прохаживается, ловя повсюду восхищенные взоры... льется нежная музыка... Вокруг его магнетической мистерии... сидит бездыханный круг красоты и обожания, каждая — живое круговращение потоков страсти... О, женщины... велика ваша непостоянная вера».

Под влиянием Месмера придворные дамы испытывают непреодолимое влечение к тайным, оккультным наукам, к белой и черной магии. Блестящий авантюрист и шарлатан граф Калиостро (под каковым псевдонимом выступал отнюдь не знатный проходимец — доктор Бальзамо) предсказывает судьбу и наделяет своих пациентов волшебными микстурами и бальзамами, говоря об Иисусе Христе и Магомете, как о своих личных знакомых. И таких «чудодеев» было много.

Увлечение определенных кругов общества мистикой в век разума объяснялось страхом перед грядущим социальным переворотом, ощущением собственного бессилия, неспособности реально изменить ход событий, потребностью утешиться и, отчасти, тайной надеждой: если уж нельзя остановить неумолимое развитие событий с помощью средств, доступных человеческому разуму, может быть, существуют потусторонние силы, способные прийти на помощь? Может быть, можно призвать духов, обладающих всемогуществом и потому способных остановить, обуздать бурю народной стихии? И может быть, удастся обратиться в свою веру тысячи и тысячи тех, кто упоен верой в безграничную силу разума. Может быть, удастся доказать им, что они ослеплены, что разум бессильен, что улучшить мир невозможно, поэтому все должно оставаться таким, каким было от века...

Прошло немного времени, освежающая гроза революции пронеслась над Францией. Феодальный строй рухнул. Великие «маги» не спасли аристократов, многие из которых вслед за королем сложили голову под ножом гилотины. Месмер не мог найти себе применения в рево-

люционной Франции и эмигрировал в Швейцарию, где в забвении и безвестности умер в 1815 году, достигнув глубокой старости.

Но семена, посеянные Месмером, дали всходы. Его горячий поклонник и последователь магнетизера-любителя граф Максим де Пюисегюр, занимаясь из филантропических побуждений магнетическим лечением вассальных крестьян в своем родовом имении Бюзанси, совершенно неожиданно для себя на пастухе Викторе открыл явление искусственного сомнамбулизма, которое в дальнейшем станет одним из краеугольных камней в учении о гипнозе.

Однажды, начав магнетизацию Виктора и ожидая в соответствии с учением Месмера получить у него состояние кризиса с конвульсиями, Пюисегюр заметил, что парень заснул. Он хочет его разбудить и не может. Тогда он ему приказывает встать — тот встает, приказывает идти — идет, говорить — тот говорит, и все это с закрытыми глазами, в очевидном сне. Картина точь в точь такая, какая бывает у лунатиков или сомнамбулов во время их ночных прогулок, но здесь это возникло днем и не случайно, а как результат воздействия магнетическими пассажами. Конечно, Пюисегюр тогда не мог знать, что здесь все дело не в этих, как он выражался «магнетических пассажах», а во внушении, но факт налицо: во время лечения было достигнуто сомнамбулическое состояние гипноза. Пюисегюр в дальнейшем много экспериментировал и даже написал книгу «Поиски, опыты и физиологические наблюдения над человеком в состоянии "естественного сомнамбулизма и сомнамбулизма, вызванного магнетизацией», вышедшую в свет в 1811 году.

Так, блуждая в потемках ложных представлений, сам не ведая о том, Месмер вслепую натолкнулся на факт психического лечения. Судьбой было уготовано ему стать предтечей гипнологии и научной психотерапии. До конца своей долгой жизни оставался он фанатично преданным приверженцем своего, как правильно сказали академики, несуществующего флюида, но если он ошибся, непоколебимо веря в его реальность, то и они ошиблись, не поняв существа большого открытия, которое было сделано Месмером, — открытия факта психического лечения.

Но понятно, что мы не можем связать с именем Месмера начало научного периода в изучении гипноза, внуше-

110

ния и психотерапии. Он в лучшем случае был интуитивным предтечей.

Научная эра гипнологии и гипнотерапии началась с исследований и работ английского хирурга Джеймса Брэда.

„Гипноз — это сон“

Хирург Джеймс Брэд постоянно жил и практиковал в крупном промышленном городе Англии Манчестере, который к началу XIX века стал крупным центром политической и научной жизни.

Отгремели грозы французской революции и революционных войн, потрясших всю Европу. Но утвердилось ли после этого подлинное царство разума? Разве не стала еще более глубокой пропасть между нищетой и богатством? Разве обещанные свободы не оказались свободой умирать с голоду?

В Европе после завершения наполеоновских войн торжествуют реакционные политические режимы. Оплотом реакции выступает Священный Союз, объединение европейских монархий, одержавших победу над революционной Францией. Но победители не чувствуют себя спокойно. Европа похожа на огнедышащий вулкан, который уснул лишь на время. Страх за себя, страх перед будущим, перед массами заставляет тех, кто мечтает остановить ход истории, вновь искать спасения в мракобесии и мистике.

В это время на гребне очередной волны влечения к мистике вновь появляется тяга к месмеризму. Казалось, «само провидение» послало этим темным силам «животный магнетизм» и, как отмечает Ф. Энгельс, церковь сразу увидела в нем желанное средство воочию доказать истинность религиозных догм и ложность материалистических взглядов социалистов-утопистов. Некоторые рьяные сторонники католицизма на первых порах увлечения «магнетизмом» даже прямо советуют взять его на вооружение церкви в расчете на то, что этот волшеб-р ли ключ к чудесам поможет ей вернуть былое могущество. Может быть, именно из этих соображений в 20-х годах XIX века в Берлине кандидатам богословия читали специальный курс лекций по «животному магнетизму». Как грибы после дождя, повсюду вырастают магнетические общества, пишутся и публикуются головокружи-

111

Джеймс Брэд (1795—1860).

тельные «научные» трактаты, здесь и там появляются новоиспеченные носители волшебной магнетической силы.

Чем только они не удивляют публику. Тут и окоченение мышц всего тела у замagnetизированных субъектов, и полное подчинение их «железной» воле- магнетизера, маг-нетизация на расстоянии, чудеса перевоплощения и предсказания судьбы...

Одни демонстрируют могущество своих магнетических чар с подмостков сцены, другие домогаются славы магических исцелителей, третьи не без успеха совмещают одно с другим.

Некоторые ограничивают сферу своей деятельности масштабами одной страны, иные не ступают дальше собственной провинции, более удачливые и дерзкие гастролируют по всему Европейскому континенту, находятся и такие смельчаки, кто в поисках успеха пересекают не только Ламанш, но и Атлантический океан.

Свидетелем выступлений одного из месмеристов — некоего Спенсера Холля, прямым образом поощряемого в

112

своей деятельности церковниками, был молодой Фридрих Энгельс. Вот что он писал в статье «Естествознание в мире духов»: «...я тоже зимою 1843—1844 годов видел в Манчестере этого господина Спенсера Холля. Это был самый обыкновенный шарлатан, объезжавший, с благословения нескольких попов, провинцию и проделывавший над одной молодой девицей магнетическо-френологические опыты, имевшие целью доказать бытие божие, бессмертие души и ложность проповедовавшегося тогда оуэннистами во всех больших городах материализма...»

Случилось так, что именно в Манчестере месмеризму и был нанесен сокрушительный удар. Но сила этого удара сказалась не сразу.

Холль, о котором пишет Ф. Энгельс, был не первым месмеристом, жаждавшим удивить своей «магнетической» силой публику этого бурно растущего промышленного города. За два года до Холля здесь успел побывать разъезжавший по всей Европе известный французский магнетизер Шарль Лафонтен — внук знаменитого баснописца. На его-то выступления и пришел как-то посмотреть Джеймс Брэд. Пришел со специальным, как он сам пишет об этом, заранее обдуманном намерением разоблачить мошеннические проделки месмериста.

Брэд занялся этим вопросом, когда ему было 46 лет. За его плечами солидный стаж хирурга, пользующегося большим уважением и среди своих пациентов, и среди коллег по профессии. Он не просто рядовой хороший врач, всецело ушедший в повседневную лечебную практику. Нет, он постоянно стремится осмыслить, обобщить результаты своего врачебного опыта. Он любит свое дело, думает, ищет. Неоднократно печатает в крупнейших медицинских журналах Англии, в том числе и в изданиях Королевского общества, научные статьи: в одной описывает интересную операцию по восстановлению тяжело поврежденного пальца, в другой предлагает эффективный способ устранения искривлений позвоночника и т. д.

Трезвый и вдумчивый, Брэд привык к тому, что только ясное знание реальных причин какого-либо явления дает возможность прочно держать в руках следствия. Он много читает и о магнетизме и не может примириться с тем, что эти господа — месмеристы будто бы по собственному произволу могут творить совершенно необыкновенные вещи с помощью каких-то темных, никому не понят-

113

ных, чуть ли не потусторонних сил. Тут либо искусно замаскированный подлог, либо притворство. С представления, которое 13 ноября 1841 года давал магнетизер Лафонтен, Брэд уходит еще более утвердившийся в своем мнении. Между тем нам будет небезынтересно узнать мнение других людей, присутствовавших на этом представлении.

Вот что писал об этом сеансе Лафонтена репортер «Манчестер гардиан» (17 ноября 1841 года): «Сэр Хиггинс, хорошо известный местный житель, предложил себя для магнетизации. Лафонтен начал магнетизацию в 10 час. 15 мин. В 10 час. 24 мин. глаза сэра Хиггинса закрылись. На шум в зале он открыл их, но с трудом. Через десять с половиной минут после начала магнетизации глаза закрылись снова и через несколько пассивных движений сон был полный. Сэр Лафонтен фиксировал ноги поочередно в горизонтальном положении, затем правую руку по прямой линии несколько выше ручки кресла. В этом нелепом и утомительном положении сэр Хиггинс сидел с закрытыми глазами, с лицом несколько более бледным, чем обычно, но с выражением глубокого сна.

Эффект, который это произвело на аудиторию, до этого глубоко скептическую (о чем можно судить по вслух высказывавшимся впечатлениям), был полностью противоположен произведенному на сэра Хиггинса. Написанное на лицах зрителей жадное любопытство, вытянутые вперед тела и шеи, прикованные к магнетизируемому взгляду, глубокое молчание — полностью изменили вид собрания, до того недоверчивого и шумного. Нечувствительность была установлена уколами булавки, выстрелом из пистолета у самых ушей магнетизируемого, поднесенным к его носу нашатырным спиртом.

Сэр Лафонтен мгновенно разбудил его, как будто взмахом волшебной палочки. Сэр Хиггинс открыл глаза, но свет ламп и бурные аплодисменты оказали действие шока на его, еще оставшуюся под магнетическим влиянием нервную систему, и у него получился легкий нервный припадок, который сэр Лафонтен сейчас же успокоил».

Как видно, аудитория была совершенно покорена виденным, уверовала в «магнетическую» силу Лафонтена. Но Брэд, как мы уже говорили, лишь еще больше укрепился в своем скептицизме. Через шесть дней, желая сделать как можно более очевидным в глазах всех скрыва-

114

ющийся здесь обман, он снова посещает сеанс магнетизма.

Но на этот раз он подмечает один поразительный факт. Факт многое говорит только ему, Брэду, тогда как все остальные зрители почти не замечают его. А заключается он в следующем: замagnetизированный, невзирая на все прилагаемые им усилия, не в состоянии поднять веки закрытых глаз. Не в состоянии чисто физически, просто не может этого сделать, — вот что видит Брэд. Кому, кому, а Брэду, как говорят, и карты в руки. Он, так много понаторевший в глазных операциях, хорошо умеет разбираться во всех тонкостях, в самомалейших черточках движений век.

Брэд на следующий же день снова, уже в третий раз, посещает магнетический сеанс, придирчиво, внимательно присматриваясь именно к этому факту. Его вчерашнее наблюдение подтверждается, все говорит о том, что явление это вполне реально, в нем нет притворства, нет подлога. Но в истолковании причин, вызывающих это явление, Брэд с месмеристами не согласен еще более категорически, чем прежде, ибо у него тут же во время представления возникает предположение о действительных, естественных причинах этого явления. Надо уточнить его, самому проверить. И не откладывая дела в долгий ящик, поделившись и посоветовавшись со своими друзьями, он уже через два дня приступает к опытам.

Обстановка их буднична, а форма проведения до чрезвычайности проста. Серию опытов Брэд начал вечером, у себя дома, в присутствии семьи и двух друзей.

«Я попросил сэра Уолкера сесть, — описывает Брэд свой самый первый эксперимент, — фиксировать взор на горлышке бутылки из-под вина, которую я несколько приподнял над ним, чтобы вызвать значительное утомление глаз и век. Через 3 минуты его веки сомкнулись, слеза скатилась по щеке, голова склонилась, лицо слегка напряглось, он вздохнул и тут же глубоко заснул; дыхание¹ замедлилось, углубилось, стало шумным; по рукам и плечам пробежали небольшие судороги. Через 4 минуты я его разбудил, боясь опасных последствий...»

Таким же незатейливым способом, педантично требуя лишь, чтобы испытуемые сосредоточивали на указанном им предмете не только свой взор, но и мысли, Брэд в этот и последующие дни усыпляет почти без исключения

115

I

всех, кто соглашается предоставить себя в его распоряжение. Вначале это только друзья, знакомые, родные, слуги. Затем круг испытуемых быстро расширяется, Брэд выступает с докладами о своих опытах на конференциях врачей и просто перед широко интересующейся этими вопросами аудиторией в самом Манчестере, а также в Рочде-ле, в Ливерпуле, в Эдинбурге и в Лондоне. Доклады неизменно сопровождаются демонстрациями успешного усыпления десятков посторонних, случайных людей, среди которых взрослые, подростки и даже дети.

И все-таки Брэд не называет этот сон магнетическим, как именуют это состояние месмеристы. Брэд говорит, что вызывает с помощью своего метода особый, нервный сон, и действительно подчеркивает, что причины этого сна лежат не в личности того, кто усыпляет, а в самом пациенте, в своеобразном состоянии его нервной системы. Оно возникает закономерно в результате утомления сосредоточенного взора и внимания, полного расслабления мышц, находящегося в покое тела пациента и непроизвольно наступающей при этом задержки дыхания. Недаром Брэд неизменно, педантично настаивает на необходимости фиксировать взор и внимание больного на предмете, который он сам старается поместить «в наиболее благоприятной, — как он выражается, — позиции». Благоприятной — для чего? Для того чтобы вернее и лучше сконцентрировать внимание и быстрее утомить взор, а тем самым, согласно его теории, вызывать искусственный нервный сон. Вскоре Брэд находит для этого сна название, которое прочно укрепилось и в науке, и в повседневном языке, — гипноз (что, собственно, по-гречески и означает — сон). Приоритет Брэда в этом столь очевиден, что в науку вошли, как синонимы, слова — гипнотизм и брэдизм.

Ну, а чем же отличаются от метода усыпления, предложенного Брэдом, действия магнетизеров?

Решительно ничем, говорит Брэд. Хотя, впрочем, одно существенное отличие есть: магнетизеры достигают успеха лишь от случая к случаю, как будто нечаянно; очень и очень часто магнетизация, даже и достаточно долгая, утомительная, оказывается безуспешной. А самому Брэду усыпления удаются почти без осечки. Он четко и лаконично объясняет, почему это так происходит. И у месмеристов, и у него самого причина искусственного сна одна — концентрация внимания и утомление взора. Но если

116

в методе Брэда все подчинено тому, чтобы как можно быстрее и вернее утомить взор и внимание

пациента, при манипуляциях месмеристов внимание магнетизируемого часто рассеивается, взор утомляется значительно медленнее (утомляющим фактором при этом являются однообразные движения — пассы магнетизера, за которыми то с большим, то с меньшим напряжением следит пациент). Поэтому магнетизация часто и не удается.

•Естественно, что такое объяснение причин магнетического сна не оставляло никакого места ни для универсального «магнетического флюида», якобы истекающего из рук и глаз магнетизера, ни для влияния его воли, ни для других каких бы то ни было мистических выдумок.

В ходе опытов Брэда выяснилось также, что не только способ вызывания сна, но и сон, сам гипноз, удивительно похож на сон «магнетический». Оказалось, что в гипнозе происходит много тех необыкновенных явлений, которые поражали публику на сеансах месмеристов: конечности пациентов застывают в приданных им самых нелепых положениях, пациенты не могут по своей воле разомкнуть смежившиеся веки, загипнотизированным можно внушать различные фантастические образы, которые они воспринимают в момент сна как самую бесспорную реальность.

Правда, оговаривается пунктуальный Брэд, некоторые различия между гипнотическим сном и месмеризмом есть.

«Магнетизеры положительно заверяют, что могут совершать такие эффекты, которые я, — чистосердечно сознается Брэд, — никогда не смог достичь моим методом, как я ни старался». А в подстрочной сноске к этому месту текста его книги сказано следующее: «Эффекты, на которые я намекаю, например, таковы — узнавать время на часах, которые держат за головой или помещают на эпигастральную впадину; читать заклеенные письма или закрытые книги; узнавать, что происходит за километры, угадывать суть болезни и указывать лечение, не имея медицинских познаний; магнетизировать субъектов на расстоянии многих километров при условии, что субъект не знает о действиях, которые намечают делать».

А далее Брэд очень тактично и вежливо пишет, что сам он считает «неприличным и несправедливым» отрицать эти «эффекты» на одном только том основании, что ему они не удаются. Однако недоверие его к подлинности

117

всех этих с подчеркнутой деловитостью перечисленных в подстрочном примечании «эффектов» трудно не заметить и не понять. Брэд не пытается вдаваться в подробности того, что из перечисленного относится к фокусам и проделкам, что к реальным и пока еще не объясненным научно фактам. Однако он высказывает столь твердое убеждение последовательного сторонника естественнонаучного взгляда на природу, что нетрудно уловить изрядную долю скепсиса ко всем этим «чудесам», приписываемым мес-меристами своей личной «магнетической» силе.

Всю свою дальнейшую жизнь Брэд посвящает изучению гипноза. Он сделал в этой области больше, чем кто-либо другой из исследователей прошлого века. Многие из того, что было установлено и подробно описано им лично, потом переоткрывалось вторично из-за незнакомства с трудами Брэда. Но об этом мы еще будем иметь случай поговорить в дальнейшем. А сейчас коротко о том, что же узнал о гипнозе Брэд.

Прежде всего ему удалось подметить, что чувствительность, восприимчивость людей к гипнотизации неодинакова: одни погружаются в глубокий гипноз, у других удается вызвать лишь весьма поверхностный гипнотический сон.

Задумываясь о причинах этого явления, Брэд сравнивает его с разной глубиной действия, которое оказывают на разных больных наркотики, лекарства, вино.

Ему бросается в глаза и то, что глубина гипноза часто меняется в течение одного и того же гипнотического сеанса. Вначале сон, вызванный у больного, может быть очень слаб, поверхностен, а затем становится все интенсивнее с ярко выраженными признаками гипнотического состояния. У загипнотизированного изменяется дыхание, деятельность органов чувств, характер кровообращения. Эти изменения очень подвижны, а подчас и взаимоисключающи. Например, в один и тот же момент у загипнотизированного может наблюдаться полная нечувствительность к болевым раздражениям кожи и повышенная восприимчивость к звуку и свету. А через короткое время во время того же самого гипнотического сеанса тот же человек, как ужаленный, вздрагивает и отдергивает руку при малейшем к ней прикосновении, не реагируя, однако, ни на яркий свет, ни на сильный шум. В чем причина такой подвижности ощущений загипнотизированного? Брэд не

118

знает, не догадывается даже, но он их зорко подмечает и точнейшим образом описывает.

Феноменальная наблюдательность Брэда, обширность подмеченных им особенностей гипноза, начиная от главных его признаков и кончая мельчайшими, но весьма типическими деталями, — не может не вызывать восхищения у каждого, кто знакомится с его трудами. Последующие исследования полностью подтвердили правильность большинства его наблюдений. Правда, Брэд не избежал и ошибок. Так, например, он увлекся модной в его время френологией, что в переводе на русский означает — учение о черепахах. Автором этого «учения» был австрийский врач Франц Иозеф Галль, утверждавший, что по форме и величине выпуклостей черепа можно судить о характере и способностях человека. Брэд пробовал применить в своих гипнотических опытах «данные» этой псевдонауки, и на первых порах ему показалось, что он нашел им подтверждение. К чести Брэда, он потом убедился в своем заблуждении.

Попытка применить гипнотический сон для лечения больных сразу же показалась Брэду настолько плодотворной, что он приступил к немедленному изучению возможностей этого способа. Вскоре он убедился в большой эффективности гипноза как метода лечения прежде всего различных нервных заболеваний — особенно истерических расстройств в виде параличей, судорожных припадков, тиков и др. По описаниям, которые приводит Брэд в своей «Нейрогипнологии», можно во всех подробностях проследить ход лечебной работы Брэда. Здесь же он предпринимает попытку теоретически обосновать свои практические результаты. И чем больше применяет Брэд гипноз в лечебных целях, тем больше крепнет в нем мысль об огромной пользе этого метода.

Все это было ново, интересно, ценно... Но все же самой главной, непреходящей заслугой Брэда перед наукой я^ лютея не эти детали и подробности, а тот факт, что он был первым, кто взглянул на гипноз как на явление земное, материальное, вызываемое естественными, физиологическими причинами.

Брэд спешит познакомить с открытой им истиной своих братьев по профессии (и всех желающих. Уже с начала февраля 1842 года (вспомним, что заниматься гипнозом Брэд начал всего лишь за несколько месяцев до это-

119

го, в ноябре 1841 года) он выступает с докладами о своих опытах во многих городах Англии. Он горячо надеется, что его личные усилия помогут избавить умы соотечественников от заблуждения. Но как метко сказал М. Ю. Лермонтов: «...воевать с людскими предрассудками труднее, чем тигров и медведей поражать». Первое, на что наткнулся Брэд, — это отрицательное отношение со стороны его коллег врачей. Еще недавно окруженный в своей среде всеобщим уважением и почетом, Брэд становится после сделанного им открытия объектом презрения для одних, кто прямо ставит его на одну доску с разоблаченными ими же месмеристами, и недоумения — для других: зачем, дескать, известному уже в медицине специалисту лезть в такое темное, далекое от науки дело...

Напрасно Брэд в предисловии к своей книге с открытой душой обращается к коллегам, призывая их к объективному суждению:

«Я предлагаю теперь мои результаты публике и мои выводы критике своих братьев, если мне позволено высказать мои предварительные пожелания этим последним, я желал бы, чтобы они подошли к испытанию этого предмета со всей искренностью, с твердым желанием прийти к истине. Я был, как и они, скептиком, я могу поэтому понять сдержанность других, я присоединяюсь в этом смысле к Триверанусу, знаменитому ботанику, когда он говорит, касаясь месмеризма (я цитирую по памяти): «Я видел много вещей, в которые я бы не поверил, если бы вы мне о них сказали; я не могу поэтому с полным правом ни надеяться, ни желать, чтобы вы поверили в те, о которых я вам говорю».

Большинство его коллег пренебрегло не только этой возможностью (исследовать явления самому), но и доказательствами, щедро предоставленными Брэдом. Совсем немногие смело и твердо поддержали Брэда. И среди них известный английский хирург и психолог профессор Герберт Майо, который на конференции врачей в Лондоне, где 1 марта 1862 года выступил Брэд, заявил, что метод Брэда «лучший, самый быстрый и самый верный для получения сна», для погружения нервной системы в новое искусственное состояние, которое можно с пользой применять для лечения.

Сильный удар Брэду и его открытию нанесли всегдашние яростные враги науки — клерикалы. Напали не в лоб,

120

а из-за угла. Они не вступали с ним в честный спор, не опровергали его доводов, не выставляли своих. Они коварно воспользовались против Брэда своим старым, но — увы! — все еще не

ржавеющим оружием зависти и злобы— клеветой. Известный в Англии проповедник, ливерпульский священник Мак Нейл с высоты своей церковной кафедры предъявил Брэду низкое обвинение в подкупе лиц, на которых он проводил свои опыты. В воскресной проповеди 10 апреля 1842 года Мак Нейл, мешая в одну кучу врача-исследователя Брэда и магнетизера Ла-фонтена, усматривая в действиях и того и другого кощунственную претензию осуществлять необычайные сверхъестественные эффекты земными средствами, в ярости назвал их обоих «агентами сатаны», а используемые ими методы «дьявольскими...» Более того, он, священник, уличал Брэда не в чем ином, как в пренебрежении к «научному установлению законов» природы!

Брэд вынужден был ответить гневным памфлетом, опубликованным в ответ на печатное обнародование проповеди Мак Нейла. «Пока дело ограничивалось устными выступлениями, — пишет в этом памфлете Брэд, — я мог отвечать на них также устно».

Это и было сделано Брэдом в очередной лекции в Ливерпуле 21 апреля того же года, то есть спустя 11 дней после проповеди Мак Нейла. Брэд, будучи сам честным человеком, подумал, что Мак Нейл был не совсем в курсе его работ. Поэтому он послал Мак Нейлу пригласительный входной билет на лекцию и большое письмо, где рассказал подробно о результатах своих опытов по раскрытию истинной природы так называемых месмерических явлений, а также вырезку из журнала, в котором был опубликован пространный отчет о предыдущей лекции, на которой Брэд, как обычно, демонстрировал на совершенно посторонних людях, слушателях, свой способ вызывания гипнотического сна. Но Мак Нейл на эту лекцию Брэда не явился, фактическими доказательствами добросовестности его научных исканий пренебрег и опубликовал текст проповеди, сохранив в ней все свои прежние утверждения: «Мы слышим об этих экспериментах, но мы ничего не слышим о научном установлении законов, на которых они основаны».

Приведя доводы, неопровержимо разоблачающие Мак Нейла, Брэд обращается к клеветнику на него священ-

121

нику со следующими словами: «Имеется ли здесь, после всего сказанного какое-либо доказательство того, что вы были побуждаемы соображениями честности, правды и справедливости, предпринимая подобную атаку против меня, человека, который никогда не причинял вам зла? Поэтому я беру на себя смелость спросить, не сильно ли отдает ваше собственное поведение в данном случае влиянием «агентов сатаны?»

Брэд не оставил камня на камне от порочащих его честное имя врача и ученого измышлений клерикала. Большую же часть памфлета он посвятил защите естественнонаучного взгляда на гипноз, разоблачению мистических взглядов месмеристов, пропаганде лечебных возможностей гипнотического сна.

Чем дальше и глубже знакомится Брэд с гипнозом, тем больше убеждается он в том, какое острое оружие против мистики обретает наука в намеченном им материалистическом понимании этого явления. И он сам первый не дает этому оружию ни пылиться, ни тупеть. Снова и снова с неугасимым пылом борца за разум Брэд обращает это оружие и против старых, но все еще живых и против самоновейших мистических измышлений.

Он публикует специальную работу, посвященную разоблачению так называемых тайн магии и колдовства, где обстоятельно анализирует «чудеса» индийских факиров и йогов, показывая естественные причины некоторых необычных достигаемых ими явлений, кажущихся непонятными и поэтому воспринимаемых большинством людей как нечто сверхъестественное.

В 1852 году в работе «Магия, колдовство, животный магнетизм, гипнотизм и электробиология» Брэд пишет:

«Факиры и йоги вызывают у самих себя экстатический транс около 2400 лет в религиозных целях с помощью приема, совершенно аналогичного тому, который я рекомендовал своим пациентам для их самогипнотизации, это так называемая продолжительная фиксация кончика носа или другой части тела, или просто воображаемого предмета, в сочетании с сильным сосредоточением внимания и при задержке или замедлении дыхания». Брэд пишет, что до публикации своих первых трудов по изучению гипноза он ничего об этих способах самогипнотизации, употребляемых факирами, не знал, а когда наткнулся случайно на книгу, в которой об этом рассказывалось, то

122

был рад, увидев в процедурах факиров и достигаемых ими результатах, конечно, не чудо, не ключ к тайнам потустороннего мира, а лишнее подтверждение правильности своих представлений о естественных причинах явлений, кажущихся необычными.

Брэд прекрасно оценил эту важную сторону сделанного им открытия. Он понял, что предложенное

им естественное понимание гипноза поможет разоблачению многих насчитывающих тысячелетнюю давность суеверий, а также тех, что возникали на его глазах. В частности, Брэд одним из первых подверг критике с научных позиций только что начавший при нем входить в моду спиритизм.

Даже в самом горячем пылу борьбы с мистикой Брэд не оставляет главного дела своей жизни — глубокого исследования гипноза, изучения заключающихся в нем возможностей. В опубликованной в 1855 году научно-медицинской статье «Соображения о природе и лечении некоторых форм параличей» он обобщает свой личный опыт успешного снятия параличей функционального происхождения с помощью гипноза. Брэд — убежденный сторонник бывшей в его время уже не новой точки зрения, что мысль и чувство постоянно влияют на тело. Существует немало заболеваний (в том числе и так называемые функциональные параличи), причиной которых могут быть испуг и внезапное тяжелое известие, длительное переживание и горькая тоска и т. п. В лечении таких заболеваний, считает Брэд, большую роль, роль целебного успокоительного средства, может сыграть гипнотический сон.

Но, оказывается, в гипнозе заключена и еще одна вначале мало оцененная Брэдом возможность: загипнотизированного можно лечить словом, внушая ему мысль о возможном и быстром выздоровлении. Вот один из случаев. Усыпив гипнотическим сном больную женщину, ослепшую в результате испуга вначале на один, а спустя некоторое время и на второй глаз, Брэд уверяет ее, что болезнь излечима, хотя и не так скоро, как это хотелось бы. С удивлением видит Брэд, что улучшение наступило уже после первого сеанса. Воодушевленный, он настойчиво продолжает лечение, каждый раз внушая больной, что настанет день, когда зрение возвратится к ней полностью. Таких примеров набирается в его лечебной практике все больше. Но как можно объяснить результаты

123

этого лечения? Почему влияние слова на больного, погру-, женного в гипнотический сон, становится таким сильным? Почему таким способом удается иногда исцелять даже тяжелейшие, казавшиеся безнадежными заболевания? За счет каких именно физиологических процессов, совершающихся в организме загипнотизированного, это происходит? Об этом Брэду, как и о многих других интимных механизмах гипноза, остается только догадываться. И он выдвигает в качестве объяснения гипотезу о моноидеизме (от греческих слов: «монос» — один, «идея» — представление), или о состоянии охваченности одной единственной мыслью. Это состояние, как думает Брэд, возникает у загипнотизированного в результате сосредоточения взора и ума на одном предмете. Вероятно, предполагает он, этому способствует то, что в гипнозе происходит невольная задержка дыхания и замедление сердцебиений, благодаря чему меняется состав крови, а измененный состав крови, в свою очередь, как-то влияет на состояние мозга.

Итак, предположения громоздятся на предположения, описания на описания... Однако надо сказать, что Брэд сам отлично отдавал себе отчет в том, как недостаточны эти чисто словесные, умозрительные объяснения. После всех попыток понять самому и разъяснить другим глубинную механику гипноза, Брэд откровенно признается: «Впрочем относительно ближайшей причины гипнотических явлений наилучший план при настоящем состоянии знаний, по моему мнению, тот, чтобы собирать дальнейшие факты и оценивать их для лечения больных, теоретические рассуждения же отложить до будущего, когда у нас будет большой запас фактов, из которых можно делать выводы».

Как мы увидим дальше, дело оказалось гораздо сложнее, чем надеялся Брэд. Одно только увеличение числа фактов смогло дать некоторое для понимания сущности гипноза. Факты копились горами, причем один интереснее другого, а суть дела оставалась неясна.

Кипучая, неутомимая деятельность Брэда при его жизни не принесла существенно ощутимых плодов. Его серьезнейшие научные труды прошли тогда почти незамеченными не только в Европе, но даже и в самой Англии, где они обратили на себя внимание только немногих дальновидных ученых. Лишь почти к самому концу жизни Брэда атмосфера отчужденности и скептицизма, которой он

124

был окружен, несколько изменилась. Началом послужили лекции известного английского физиолога профессора Карпентера, в которых он с большим уважением отозвался о работах Брэда. За пределами Англии первую попытку привлечь внимание к возможностям гипноза предпринял еще при жизни Брэда профессор медицинского факультета в Бордо Азам. Нимало не смутившись теми насмешками, которые, разумеется, не замедлили на него сейчас же после этого посыпаться,

Азам попробовал сам заняться гипнотическими опытами. Вскоре он поделился полученными успешными результатами со знаменитым французским антропологом и хирургом Полем Брока. Брок в свою очередь поставил об этом в известность французскую академию.

Обрадованный тем, что рожденное им детище — учение о гипнозе стало, наконец, предметом серьезного внимания, Брэд направил Азаму манускрипт, в котором обобщил важнейшие результаты всех своих работ. Одновременно с этим Брэд направил во французскую академию свой главный научный труд «Нейрогипнологию», хлопоча об издании его во Франции. Однако в те годы этому не довелось осуществиться. И ряд французских исследователей того времени, с энтузиазмом взявшихся за изучение гипноза, оказался не в курсе всего уже сделанного Брэдом; многое, что они открыли, было переоткрытием того, что уже было до них найдено и описано. Джемсу Брэду не довелось стать свидетелем первых твердых шагов своего детища.

25 марта 1860 года Брэд умер. В этом же году во Франции выходит несколько книг, в которых рассказывается, правда, только в самых общих чертах, о его открытии, его методе вызывания искусственного сна и применения его в лечебных целях.

„Гипноз — это внушенный сон“

„Гипноз — разновидность истерии, он опасен!“

„Гипноза нет, есть только внушение“

После смерти Брэда центр изучения гипноза переместился во Францию.

Первым продолжателем дела английского хирурга стал врач-практик из французского города Нанси Амвросий

125

Август Льебо. Льебо всем сердцем предан медицине, он горячо любит свое дело. Большинство его пациентов простой трудовой люд — виноградари, сапожники, портные, подмастерья, их жены и ребятишки всех возрастов. Да и сам Льебо, сын крестьянина, ничуть не *уступает* в трудолюбии своим пациентам. Двери его приемной открыты всегда и для всех. К нему обращаются со всевозможными недугами, начиная от острой зубной боли и кончая тяжелейшими расстройствами психики. Льебо никак не может пожаловаться на ограниченность круга своих врачебных наблюдений. Наблюдая и сравнивая, стараясь всем, что только в его силах, помогать больным, усердно ища каких-то новых средств там, где, казалось, исчеркано все, Льебо давно уже подметил, что нередко таким могучим средством оказывается самое простое и доступное — доброе слово врача. Суметь найти подход к больному, утешить его и ободрить, вселить надежду — это уже много. А часто это прямой путь к выздоровлению. Его богатый практический опыт показывает, насколько тесна связь между психикой и здоровьем. Как часто приходится ему видеть, что тяжелые нервные переживания, горе и печаль бывают причинами тягостных заболеваний, которые могут затронуть любые органы и части тела, и наоборот, радость и подъем духа сами по себе ставят больных на ноги или облегчают лечение.

В 1860 году ему в руки попадает книга, в которой рассказывается об открытом английским врачом Брэдом новом способе лечения больных. Льебо пытается испробовать, насколько полезен и успешен этот путь. И вот, испытав несколько вариантов способа усыплять больных, Льебо, наконец, останавливается на следующем: он предлагает усыплять больного неторопливо, тихим голосом, внушая ему представления, связанные у каждого человека с засыпанием. Наблюдая за глубиной наступающего при этом гипнотического сна, Льебо разделяет его на несколько степеней и тщательно описывает характерные признаки каждой из них. Годами, день за днем он усовершенствует до деталей этот метод, разрабатывая технику проведения лечебного внушения, приемы осторожного пробуждения, выведения больного из состояния гипноза. Он отмечает в своих записях все удачи и неудачи, обдумывает их, стараясь избежать срывов.

Его популярность среди больных растет. Число при-

126

бегнувших к его помощи за 25 лет, с 1860 по 1885 год, достигло 7500, причем многим из них было проведено по несколько десятков сеансов (эти цифры приводит Льебо в своей «Исповеди врача-гипнотизера», опубликованной в 4-м и 5-м номерах французского журнала «Обозрение гипнотизма» за 1886 год).

Авторитет Льебо среди больных так велик, что ему удаются, подчас без особых усилий, излечения, которые, будучи совершены в обстановке церкви или храма, непременно были бы приписаны чуду.

Вот тому наглядный пример. Во время очередного обхода больных Льебо увидел молодого виноградаря, скорчившегося от боли в пояснице. «Ах, доктор, если бы вы хоть ненадолго

прикоснулись своей рукой к больному месту, я уверен, мне *стало* бы лучше», — попросил крестьянин. И действительно, после непродолжительной беседы с врачом он почувствовал себя достаточно хорошо. Это было для Льебо подтверждением целебной силы внушения, соединенного с самовнушением, роль которого сыграла в данном случае непоколебимая вера больного в возможности врача.

В 1866 году Льебо подытоживает результаты первых пяти лет своих наблюдений в книге «Сон и подобные ему состояния, рассматриваемые прежде всего с точки зрения влияния разума на тело». Подобно Брэду, он горячо отстаивает естественнонаучный взгляд на гипноз. Нет магнетического флюида, нет и особой силы, истекающей из пальцев магнетизеров. Но существует всеобщее свойство людей поддаваться внушению. Поэтому концентрация мыслей на идее о сне при \ { одновременном утомлении зрения, сосредоточенного на од- \ | ной точке, вызывает у гипнотизируемого состояние неподвижности тела, притупление чувств. Гипнотизируемый как бы отрывается от всего окружающего. Гипнотический сон, говорит Льебо, есть внушенный сон. Течение самостоятельных мыслей у усыпленного приостанавливается, и он целиком отдается впечатлениям, получаемым от того, кто вызвал у него искусственными приемами этот сон. Например, гипнотизер поднял руку загипнотизированного и задержал ее в этом положении. Это действие, хотя и не сопровождаемое внушением, сделанное совершенно молча, все-таки входит в сознание загипнотизированного, внушает ему мысль, что так он и должен держать руку. По-
127

этому, когда врач отпускает руку усыпленного, тот долго продолжает держать ее в приданном ей положении. Так объясняет Льебо катаlepsию, или восковидную гибкость тела загипнотизированного. Эту особенность гипноза отмечал Брэд, и он тоже объяснял ее внушением.

Льебо считает, что искусственно вызванный сон ничем не отличается от естественного, обычного сна: и тот и другой возникают вследствие концентрации мыслей на идее о сне. Только в обычном сне спящий человек, изолируясь от внешнего мира, остается наедине с самим собой. Его сновидения самопроизвольны, то есть внушены им самим. Спящий же гипнотическим сном сохраняет контакт с тем, кто его усыпил, поэтому последний и может по своей воле внушать ему сны, мнимые образы, мысли, действия.

По мнению Льебо, очень просто можно объяснить и такую удивительную особенность гипноза: глубоко загипнотизированный, будучи пробужден, не помнит, что он сам делал во время гипноза, что ему внушал гипнотизер, хотя часто исполняет, даже и после пробуждения, то, что было внушено ему, когда он еще спал. Вероятно, нервная энергия, сосредоточенная во время гипноза в мозгу, при пробуждении вновь рассеивается по всему организму и в самом мозгу ее мало. Ее просто не хватает, развивает далее свое рассуждение Льебо, чтобы пробудившийся после гипнотизации человек мог восстановить в своей памяти то, что он несколько минут назад так ясно сознавал.

Но все эти теоретические проблемы и предположения для Льебо не составляют главного. Ему больше всего хочется доказать пользу лечебного внушения больному, погруженному в гипноз.

Чтобы убедить в этом врачей, он насыщает свою книгу огромным числом примеров успешного использования внушения в гипнозе для лечения самых разнообразных заболеваний.

Медицинский мир, как и можно было ожидать (читатель, вероятно, еще не забыл участь Брэда), встречает труд Льебо монолитной стеной молчаливого и холодного недоверия. Его факты и теории кажутся по меньшей мере странными. Но преданный своему делу и твердо убежденный в своей правоте, Льебо продолжает упорно и горячо отстаивать свои идеи. И, наконец, наступает день, когда в монолите пробивается первая брешь. Главный терапевт

128

медицинского факультета в Нанси доктор Дюмон решает попробовать применить словесное внушение в искусственно вызванном сне для лечения больных в психиатрическом приюте Маревиль.

Льебо охотно делится с ним своим опытом. Постановкой лечебно-экспериментальной работы в приюте заинтересовался профессор терапевтической клиники того же факультета Анри Бернгейм. 10 мая 1882 года по просьбе Бернгейма доктор Дюмон на очередном заседании медицинского общества Нанси демонстрирует на четырех больных некоторые явления гипноза и внушения. Члены общества живо интересуются этим. Сам Бернгейм применяет этот метод в своей клинике, а после первых успехов он настолько широко внедряет его в практику, что лечение болезней внушением становится в этой клинике обычным явлением: врачи используют его на

равных правах с другими лечебными методами.

В числе энтузиастов гипноза профессор медицинского факультета физиолог Бонн. Он запускает в ход «тяжелую артиллерию» — всю аппаратуру и приборы своей лаборатории, чтобы объективно, точно и беспристрастно регистрировать изучаемые явления. С помощью существующего в физиологии прибора для записи пульса, так называемого сфигмографа Маррея, Бонн * удается представить бесспорное, документальное доказательство того, что внушением в гипнозе можно по желанию учащать или замедлять частоту биения сердца загипнотизированного. Таких объективных доказательств возможности влияния внушением на целый ряд функций организма (потоотделение, выделение слез, молока и т. п.) в его книге «Гипнотизм. Исследования физиологические и психологические» (1885 год) приводится немало. В 1888 году она была издана в России.

Как и все другие исследователи, занимавшиеся гипнозом с позиций подлинной науки, Бонн видел, какое большое значение имеет работа в этой области для борьбы с мистикой. Он заканчивает свою книгу горячим призывом: «Нужно, чтобы вопрос о гипнотизме вышел из области чудесного и вошел в научную область; нужно, чтобы магнетизеры и беснующиеся уступили место врачам и физиологам; этот вопрос должен изучаться в клиниках и лабораториях, со всеми вспомогательными сред-

5

129

ствами, которыми мы теперь обладаем, со всеми тонкими приемами экспериментального метода».

Дюмон, Бернгейм, Бонн и еще ряд нансийских ученых присоединяются к той точке зрения на гипноз, которую высказал в своих трудах Льебо, дополняя ее новыми наблюдениями и фактами, углубляя ее дальнейшими истолкованиями. Так формируется взгляд на гипноз и внушение, который получил позднее название нансийской школы, или школы Бернгейма.

В это же самое время, независимо от увлеченных нансйцев, не менее интересные работы в области гипноза начинают проводиться в центральном парижском психиатрическом госпитале Сальпетриер. Здесь ее возглавляет Жан Мартен Шарко, знаменитый невропатолог, слава которого давно уже перешагнула пределы его родины. Слушать лекции Шарко съезжались врачи и студенты из многих стран мира.

Поводом для изучения гипноза послужило то, что Шарко была поручена проверка возможностей лечения болезней металлами, которое давно уже предлагал некий Бюрк. Как раз в этот момент сам Шарко был всецело погружен в поиски решения загадки истерии — нервного заболевания, веками ставившего втупик врачей невероятной причудливостью и пестротой своих симптомов, казалось, не укладывающихся ни в какие закономерности как по форме, так и по силе проявлений. Естественно, что Шарко попробовал применить предложенный ему будто бы весьма эффективный способ для лечения.

Результаты не заставили себя ждать. Удача за удачей! Одно только прикосновение к больным органам медной палочкой Бюрка — и куда только деваются боли и корчи! Заинтригованный Шарко обращается к истории вопроса. На свет извлекаются давным-давно забытые версии об успешном лечении магнитами. Шарко поручает своим ассистентам испробовать и этот способ. И снова все обстоит как нельзя лучше — истерикам помогают и магниты! Мало того. При помощи магнитов ассистенты Шарко проделывают форменные чудеса. Да и как иначе можно назвать явления так называемого трансферта!

Что такое трансферт? Заключается он вот в чем. Двух больных, страдающих истерией, сажают спиной друг к другу. Положим, у одного контрактура — сведение левой кисти (контрактура — очень часто встречающийся симп-

130

том у больных истерией). К этой кисти на некоторое время прикладывают магнит, а потом переносят его на здоровую руку второго больного. В результате получается, что у первого больного контрактура исчезает, а у второго появляется. В чем же тут дело?

В Париже гастролирует магнетизер — некий Донато. Шарко побывал на его сеансе и, конечно, остался весьма далек от того, чтобы поверить в «личный магнетизм» Донато. Но вместе с тем как истинно большой ученый он был также далек от того, чтобы с высокомерным презрением попросту отвернуться от замеченных им здесь интересных, хотя все еще малопонятных явлений. Шарко знакомится с трудами, рассказывающими о работах Брэ-да, и решает сам вплотную заняться этими вопросами.

С 1878 года в Сальпетриере начинается серьезное исследование гипноза — и в клинических

наблюдениях на больных и в специальных экспериментах. О ходе этой работы Шарко регулярно рассказывает в своих блестящих и по форме и по содержанию лекциях, которые привлекают теперь не только врачей и студентов, но и самую широкую публику. Тут же в залах Сальпетриера открыто демонстрируются производимые исследования.

Вот в зал вводится больная истерией, с которой один из ассистентов начинает неторопливую беседу. Внезапно раздается громкий пронзительный звук установленного здесь гигантского камертона. И глазам присутствующих предстает удивительное зрелище большого гипноза. Больная, пораженная резким звуком, окаменеет. Ее колют булавкой, она не чувствует. Ее руку поднимают вверх — и она застывает надолго в этом неудобном положении. Еще интереснее то, что стоит придать телу, рукам, голове больной позу, характерную для какого-нибудь переживания, и печать этого чувства ярчайшим образом выразится в ее мимике. Больной закладывают руки за голову, одновременно отгибая назад затылок, как часто делают люди в припадке отчаяния, и на лице ее рисуется выражение жестокого, неутешного горя. Если руки больной складывают в молитвенную позу, она набожно поднимает к небу глаза и становится на колени. Этот комплекс внешних проявлений гипноза получил в Сальпетриере название стадии каталепсии.

Шарко выделил в гипнозе еще две стадии, каждая с характерным набором симптомов. С помощью довольно

Жан Мартен Шарко (1825—1893).

простых приемов легко переводили одну стадию в другую. Так, больную, находящуюся в каталепсии, сажали в кресло и осторожным движением опускали ее веки — возникала стадия летаргии. В этой стадии исчезает не только восприимчивость к боли, но и к звуковым, световым и другим даже более сильным раздражениям. Способность сохранять подолгу принятую позу уступает полной расслабленности, вялости мышц. Вместе с тем они приобретают чрезвычайно повышенную возбудимость. Стоит слегка ущипнуть или просто потереть локтевой нерв, как все мышцы, к которым он имеет отношение, резко сокращаются — в результате пальцы и кисти рук загипнотизированной сводит судорога.

Третья, самая глубокая, стадия гипноза получила название стадии сомнамбулизма. Иногда она возникает у больных сразу, при первом же сильном звуке камертона или вспышке чрезвычайно яркого света (применялись также сильные удары тамтама, гонга и т. п.), иногда же в нее переводят больную, только что бывшую в стадии летаргии или каталепсии.

132

Больного, находящегося в стадии сомнамбулизма, не так легко заставить поменять позу — мышцы оказывают сильное сопротивление. Но зато он сам автоматически повторяет все движения, которые производит стоящий перед ним врач. Если он делает вид, что качает ребенка, то больной тотчас повторяет это вслед и не останавливается, когда врач отходит в сторону. Сомнамбулы остаются глухи к стрельбе из револьвера, даже тогда, когда выстрел производится у самого уха; они не слышат вопросов, громко задаваемых посторонними, но чутки даже к шепоту ассистента, проводящего исследование.

Больным, находящимся в стадии сомнамбулизма, можно внушать различные мнимые образы, то

есть заставляя видеть то, чего на самом деле нет. При этом все поведение загипнотизированных ясно свидетельствует о том, что они на самом деле живо и остро воспринимают внушенные им картины. Достаточно сказать больному, что он гуляет в зоологическом саду, как он начинает оживленно прохаживаться по залу, вглядываться в будто бы летающих в больших клетках птиц, ползающих змей и отдыхающих тигров; он настойчиво просит воображаемого попугая назвать свое имя и вдруг начинает громко хохотать над ужимками мнящихся ему мартышек.

Если сомнамбуле говорят: «Не чувствуете ли вы, какая нынче холодная погода, да и снег идет, не правда ли?» — она начинает зябко ежиться, дрожит, стряхивает невидимые снежинки с платья, а на руках у нее четко выступает «гусиная кожа».

В заключение опыта больную будят, слегка подув ей в лицо. Оказывается, ничего происходившего с ней во время сеанса она не помнит, просто «она спала». При настойчивых наводящих вопросах больные иногда припоминают, что видели «сон», будто они гуляли в зоологическом саду или бродили по улице в морозный зимний день.

Шарко всячески поощрял применение в этих экспериментах физиологических методов исследования — запись движений мышц с помощью специальных приборов, регистрацию пульса, дыхания и т. п.

Шарко был твердо убежден, что психологические особенности гипноза, такие, например, как повышенная восприимчивость испытуемых к внушению (вплоть до возможности внушения им галлюцинаторных образов), пред-

133

ставляют собой нечто вторичное, производное. Главные же, определяющие, черты гипноза он видел в происходящих в этом состоянии физиологических сдвигах — изменениях восприимчивости органов чувств, возбудимости нервов и мышц и т. п. Оказалось, что подобные же изменения этих функций имеют место и у больных истерией. И у них, вне всякого искусственного погружения в гипноз, наблюдаются такие симптомы, как сведение мышц, каталептическая гибкость суставов, полная бесчувственность некоторых участков кожи к болевым раздражениям. Он считал, что настоящий, большой гипноз (то есть гипноз с теми тремя стадиями, которые были описаны выше) может быть вызван лишь у некоторых людей — истериков, а у остальных удастся получить — в лучшем случае — очень слабо выраженное гипнотическое состояние, либо оно вовсе не получается.

То, что такой крупный научный авторитет, как Шарко, занялся глубоким изучением гипноза, привлекло к этому вопросу внимание многих видных ученых Парижа — невропатолога Поля Рише, психиатра Пьера Жане, невропатолога Жиль де ля Турет, долгое время работавшего вместе с Шарко невропатолога Ж. Бабинского, директора психофизиологической лаборатории Сорбонны Альфреда Бине, невролога Шарля Фере и др. Они вели свои исследования в том же русле, что и Шарко, разделяя в общем предложенную им точку зрения, которая получила название Парижской, или Сальпетриерской школы.

Эта точка зрения была противоположна мнению о гипнозе, которое сформировалось в это время у ученых Нан-си. И вскоре между этими школами завязался спор.

Число исследований в области гипноза, проводившихся в эти годы не только во Франции, но и в ряде других стран Европы, в том числе и в России, становится настолько велико, что начинают выходить специальные периодические печатные издания, посвященные этому вопросу. Жаркое пламя дискуссии между двумя школами, двумя противоборствующими взглядами на гипноз — ученых Парижа и Нанси — разгорается в 80—90-х годах на страницах книг и периодических изданий, на общих съездах врачей и специальных конгрессах гипнологов и психологов. В орбиту этого спора втягиваются все новые и новые участники: врачи и физиологи, психологи и философы, писатели и художники.

134

Вначале трудно было сказать, на чьей стороне окажется перевес. Но в 1889 году на первом международном конгрессе физиологической психологии в Париже становится очевидным, что большинство исследователей склоняются к взглядам нансийцев.

Полемика между школами велась в острых, темпераментных тонах. Чтобы дать читателю представление об остроте этой дискуссии и вместе с тем о существовании расхождений, мы приведем выдержку из предисловия Берн-гейма ко второму изданию его труда «О внушении и его применении для терапии». Возражая Шарко, глава нансийцев восклицает: «Нет! Гипнотический сон не болезненный сон! Нет! Гипнотическое состояние не невроз, подобный истерии. Конечно, у загипнотизированного можно вызвать истерические проявления, можно развить у него настоящий

гипнотический невроз, который будет повторяться в искусственно вызванном сне. Но эти проявления не обязаны своим происхождением гипнозу, они обусловлены внушением со стороны оператора или иногда самовнушением лица, особенно чувствительного... Мнимые физические проявления гипноза не что иное, как феномены психические; каталепсия, трансферт, контрактуры и т. п. являются результатами внушения. Установить, что подавляющее большинство людей внушаемо, значит исключить идею невроза... Сам сон есть результат внушения. Я утверждаю: никто не может быть усыплен против своей воли... Идея производит гипноз; психическое влияние, а не влияние физическое или флюидическое определяет это состояние».

Бернгейм считает, что Шарко, приписывая лечебные свойства металлам и магнитам, глубоко ошибается. На самом деле там действовало самовнушение — вера больных в целебность этих средств. Благо и объекты были в этом отношении очень благодатные: ведь если внушаемость, как установили нансийцы, всеобщее свойство людей, то истерикам это свойство присуще в повышенной степени.

С такой же пылкой убежденностью отрицает Бернгейм наличие трех знаменитых фаз гипноза по Шарко. Фазы эти — явление кажущееся, искусственное; они — результат того же внушения.

Напоминая о роли внушения, Бернгейм был, безусловно, прав. Но, предостерегая других, он чрезмерно увлекся, впал в преувеличение. Например, он считал, что все

135

физические раздражители, применявшиеся в клинике Шарко, тоже действуют не прямым образом, не сами по себе, а лишь как своеобразные проводники идеи о сне, то есть тоже как внушение. Эта ошибка Бернгейма была еще более усугублена им в его последних работах, когда он стал отрицать даже и сам гипноз, как особенное состояние нервной системы, и заявлял, что все наблюдающиеся в нем эффекты можно объяснить действием внушения, последнее же он сводил к самовнушению.

Эта точка зрения Бернгейма впоследствии справедливо критиковалась даже и теми, кто был в целом его сторонником.

Однако, невзирая на некоторые ошибочные положения, школа Бернгейма постепенно завоевывала все большее и большее признание среди врачей и ученых: она последовательно отстаивала положение о большой лечебной эффективности гипноза и внушения, разрабатывала практику применения этих явлений в медицине. В большой пользе этого метода, в действенной помощи его в борьбе со многими заболеваниями убеждаются все больше и больше врачей, испробовавших его в своей лечебной работе. Мысль Шарко о том, что гипноз может быть полезен лишь в отдельных, исключительных случаях, тогда как в подавляющем большинстве он окажет вредное, ослабляющее воздействие на нервную систему больного, была большинством врачей и исследователей отвергнута, признака несостоятельной.

Надо сказать, что все эти бурные споры — считать ли определяющими признаками гипноза физиологические или психологические проявления, лечить ли этим методом все расстройства нервного происхождения или только больных истерией, широко или узко понимать внушение — не мешали всем защитникам естественнонаучного понимания гипноза выступать единым фронтом против общего, злейшего врага науки — мистики. Ведь по сравнению с той коренной противоположностью взглядов, которая разделяет науку и мистику, разногласия школ Парижа и Нан-си были не более чем частные, неизбежные в творческих поисках расхождения.

И Льебо, и Бернгейм, и Шарко, и Рише совершенно единодушны в том, что результаты их наблюдений и экспериментов — непобедимое оружие в борьбе с мистическими представлениями.

136

Податливость к внушению, как качество, присущее всем людям, и разогретое искусственными приемами воображение, — вот истинные причины тех явлений, которые извечно казались чудесными, заявляет в своей книге «Внушение и его применение в терапии» Бернгейм. Именно эти причины лежат в основе целительного действия амулетов и талисманов, металлов и магнитов, заклинаний египетских, индийских и халдейских жрецов, религиозных церемоний и церковных реликвий, «чудодеяний» христианских святых. Бернгейм подробно анализирует несколько описанных в литературе случаев будто бы чудесных исцелений в Лурде и доказывает, что действительным их творцом были не божественные силы, а могучее действие на организм психических факторов, и в первую очередь экзальтированное верой воображение.

Не скрывая своей гордости научными завоеваниями, Бернгейм в другой своей книге пишет: «Современному периоду было предназначено полностью осветить, определить и четко уяснить научную доктрину внушения, благодаря которой навсегда рассеялись химеры и суеверия, которые до наших дней ослепляли бедное человечество».

В декабре 1892 года одновременно в Париже и Лондоне в журналах «Новое обозрение» и «Ежемесячное обозрение» появляется замечательная статья Шарко «Вера, которая лечит» (можно перевести также словами «Целительная вера»), в которой он четко, с последовательных научных позиций и вместе с тем очень популярно высказывает свое мнение о причинах исцелений, тысячелетиями числившихся чудесными, в которых всегда виделось людям наглядное доказательство существования бога и его милосердия. «Необыкновенные по своему внешнему виду излечения, производимые «целительной верой», которые обычно в терапии называют чудом, представляют собой, и это можно показать в большинстве случаев, естественные явления, которые бывали во все времена, в гуще цивилизации и самых разнообразных религий, в самом различном виде, даже и сейчас их наблюдают на всех широтах».

Огромный опыт Шарко-ученого, впервые решившего загадку истерии, давал ему возможность с полным правом и знанием дела указать не только главную причину выздоровлений, считавшихся прежде непонятными, сверхъестественными, но и точно определить границы

137

действий этой причины. Шарко пишет: «Для «целительной веры» необходимы свои объекты и свои болезни, а именно такие, которые поддаются тем влияниям, какие оказывает на *тело* разум. Истерики обладают нервной структурой, благоприятной для «лечения верой», так как они прежде всего внушаемы, будет ли это внушение произведено извне или будет связано с тем, что они носят в самих себе элементы мощного самовнушения. У этих индивидов, мужчин и женщин, действие разума на тело достаточно эффективно для того, чтобы излечить те болезни, которые незнание еще так недавно, не распознав их истинную природу, объявляло неизлечимыми».

Сильнейшим ударом по мистике были изданные Шарко в соавторстве с Полем Рише два тома художественных иллюстраций. Один из них назван «Одержимые демоном в искусстве» и содержит картины исцеления Христом и святыми «бессодержимых», а также изображения святых в экстазе, другой — «Уродства и болезни в искусстве», в котором большое место отведено сценам исцеления паралитиков и слепых. Здесь представлены репродукции со старинных, относящихся к V веку нашей эры, табличек из слоновой кости, с рисунков на дереве, украшающих стены древних монастырей, воспроизведения фрагментов средневековых фресок, гравюр, картин Рубенса, Рафаэля, Пусена. С ними сопоставлены изображения многообразных проявлений истерических припадков на материале больных Сальпетриера, мастерски зарисованные самим Полем Рише. Все это сделано настолько убедительно и обстоятельно, что выводы напрашиваются сами собой.

Рука об руку как непримиримые воинствующие защитники естественнонаучного мировоззрения выступали на борьбу с мистикой в те годы не только представители школ Парижа и Нанси, но все передовые исследователи гипноза разных стран Европы. Остро осознаваемая необходимость дать решительный отпор очередной мутной волне мистицизма, которая начала заливать Европу еще в начале 70-х годов XIX века, а к 80-м годам приняла поистине угрожающие размеры, была одной из главных причин, приковавших внимание ученых того периода к явлениям гипноза.

Эта эпидемия мистицизма, как и предыдущие ее вспышки (о которых нам уже приходилось упоминать в ходе нашего изложения) во второй половине XVIII и в

138

начале XIX века, была также порождена конкретной исторической обстановкой. Только на этот раз это уже была не феодальная и не буржуазно-помещичья контрреволюция, а зарождающаяся империалистическая реакция.

К этому времени капитализм перестал быть прогрессивным строем, резко выступили его пороки и язвы, выросло и окрепло рабочее движение. В страхе перед его успехами правящие классы вновь обращаются к старому-способу спасения — религии и мистике. Мистические настроения проникают в искусство, философию, науку. В Америке и Англии даже создается особое общество для так называемых психических исследований, поставившее целью соединить несоединимое — науку и мистику.

Вновь, как во времена Месмера и Калиостро, сначала высшие классы общества, а за ними некоторые близкие им по духу слои интеллигенции и легковверная масса мешанства, всегда старающегося ни в чем не быть «хуже людей» (под которыми они разумеют лишь «сильных мира»), начинают увлекаться разнообразнейшими формами мистики, среди которых мы опять обнаруживаем все ту же «древнюю восточную магию», хиромантию, астрологию. Повальный характер принимает увлечение спиритизмом. И вновь, как некогда, по всей Европе прокатывается молва о магнетизерах, среди которых особенно шумный успех сопутствует некоему Донато и Ганзену. Конечно, ни о работах Брэда, ни о книгах Льебо, в которых содержатся убедительные

аргументы против «всемогущества магнетизма», широкой публике ничего не известно. А в то же время необыкновенные явления, демонстрирующиеся повсюду — в театральных залах и фешенебельных клубах, на сценах кафе и в салонах избранного общества неутомимыми и самонадеянными странствующими магнетизерами, снова дают обильный посев суеверий и предрассудков, будоража людское воображение.

Передовые ученые не могли мириться с оживлением темных, обветшавших суеверий и твердой рукой срывали покров мистики с чудес магнетизма. Именно такое стремление дать немедленный отпор очередной форме возрождающихся суеверий было прямой причиной, побудившей выдающегося немецкого ученого, профессора физиологии и гистологии Бреславльского университета Рудольфа Гейденгайна самому заняться изучением гипноза.

Он воспроизводит в своих опытах целый ряд необыч-

139

ных эффектов, демонстрирующихся с эстрад в качестве чудес, доказывает их повторяемость и предлагает свое естественнонаучное объяснение. Гейденгайн как бы предвосхитил *то* понимание гипноза, которое позднее было дано Иваном Петровичем Павловым и его учениками. Гейденгайн предложил построенное на аналогиях с уже имеющимися в физиологии нервной системы данными представление о том, что «сущность гипноза составляет подавление деятельности нервных ячеек коркового слоя большого мозга». Но это была тогда лишь догадка, которую он не мог ничем доказать.

К этому времени в гипнологию лозманами новых дорог приходят наши отечественные, русские исследователи. Воспитанные на передовых материалистических идеях революционных демократов 60—70-х годов, ученики и последователи отца русской физиологии всемирно признанного ученого Ивана Михайловича Сеченова, наши физиологи и врачи не только критически переосмыслили утвердившиеся взгляды на гипноз, но и пошли в своих исканиях дальше.

В 60-х годах прошлого века И. М. Сеченов, как представитель точного естествознания (к тому времени физиология уже завоевала право называть себя точной наукой), выступил с развернутой критикой психологии, то есть той отрасли знания, задачей которой должно было быть установление законов психики. Он задался вопросом, почему психология, одна из самых старых наук (ведь над причинами, движущими мыслями, чувствами и поступками людей, задумывались мудрецы самой далекой древности), и в его время остается неустановившейся, непочатой, по его удивительно точному выражению, наукой. Она все еще неизмеримо далека от определения основных законов психики. Среди психологов нет единства ни по одному занимающему их вопросу. Она не дает никакого руководства для практики жизни здорового человека и не объясняет законы болезненных психических нарушений. Сеченов точно указывает причину такого отставания психологии. Все дело в том, что она использует неточный, субъективный, пристрастный метод подхода к изучаемым ею явлениям.

Тот способ изучения психики, которым пользовалось человечество от Аристотеля до Канта, говорит Сеченов, — метод самонаблюдения и наблюдения над другими

140

людьми, метод анализа собственных поступков и переживаний и догадок о мотивах поступков, мыслях и чувствах других людей, — негоден. Он мало дал, он недостаточен, он ведет к ошибкам, ибо не может быть свободен от сугубо личных, предвзятых суждений, преувеличений, преуменьшений и прочих роковых неточностей.

Сеченов не ограничивается только критикой существующих методов исследования, но открывает для психологии плодотворный путь к будущим достижениям. Он предлагает изучать психику человека, сопоставляя ее, с одной стороны, с более простыми психическими явлениями, каковыми могут служить психические явления у животных, и, с другой стороны, сравнивая явления человеческой психики с достаточно точно изученными явлениями, происходящими в низших отделах нервной системы.

Эти мысли Сеченова оказали громадное влияние на мировоззрение целого поколения отечественных естествоиспытателей.

Со стремлением по-новому — беспристрастно и точно — изучить психику и обращают некоторые физиологи и врачи в нашей стране свое внимание на гипнотические явления. Гипноз привлекает их как исключительное состояние, сочетающее в себе целый ряд необычных психических и физиологических проявлений.

Глубокое понимание законов природы, атеистическое мировоззрение и горячая приверженность

свежей научной мысли позволили им переместить центр изучения гипноза в Россию.

„Вы ошибаетесь, уважаемые профессора Шарно и Бернгейм“

1878 год. На заседании Харьковского медицинского общества молодой врач Василий Яковлевич Данилевский делает свое первое официальное сообщение о результатах наблюдений над гипнозом у лягушки.

Семья Данилевских поистине могла служить примером щедрого созвездия самородков, которыми издревле славится наш народ. Тех самородков, заглушить буйную силу которых была не в состоянии даже мрачная обстановка в дореволюционной России. Они рождались великой силой своего горения — своего энтузиазма.

141

В. Я. Данилевский (1852-1939).

Отец, Яков Петрович Данилевский, был человек неиссякаемой энергии и многостороннего творческого ума. Скромный харьковский часовых дел мастер, он конструировал различные замысловатые механизмы. Так, известна его оригинальная конструкция снегоочистителя, похороненная в бюрократических канцеляриях ведомства путей сообщения. В Орловской губернии организатор добровольной экспедиции Я. П. Данилевский находит залежи железной руды. В крошечной домашней лаборатории он неутомимо занимается фотографией, химией, минералогией.

Естественно, что воспитанные под влиянием такого отца, все семеро его детей (четыре сына и три дочери) с ранних лет проявляют интерес и склонность к умственным занятиям. По условиям царского времени, высшее образование могли получить только представители мужской линии. Все четверо братьев Данилевских, преодолев немало трудностей и лишений, стали врачами.

Трое из

142

них, Александр, Василий и Константин, впоследствии стали крупными учеными, получившими широкое признание за рубежом.

Старший брат, Александр Яковлевич, посвятил - себя разработке проблем биологической химии и так много сделал в этом направлении, что его называют основоположником русской биохимии. А. Я. Данилевский изучал природу белков и ферментов.

Интересы К. Я. Данилевского были исключительно многообразны. И всюду, где бы ни задерживалась его пытливая мысль и умелые руки, оставались заметные следы его одаренности. Врач-физиотерапевт и электрофизиолог, он одновременно серьезно занимался рядом технических проблем, таких, например, как конструкция летательных аппаратов или пропитывание кож металлами. В нем, быть может, больше, чем в других братьях, проявилась наследственная черта отца изобретателя-самоучки — не проходить мимо любого интересного явления, стараться осмыслить его и внести свою лепту, будь то близкое ему естествознание или даже такая далеко стоящая область, как техника.

Василий Яковлевич, посвятивший свою жизнь служению, как он говорил, «одной из основных

наук медицинского курса — физиологии», унаследовал от отца несокрушимую способность добиваться намеченной цели. Многообразен был круг его физиологических интересов. Но проблема, которая его захватила еще на студенческой скамье, — проблема физиологической природы гипноза занимала его всю творческую жизнь. Уже почти на склоне лет — в 1924 году — ученый подвел итоги своих многолетних изысканий и 'размышлений по этому вопросу в монографии «Гипнотизм».

Начал же В. Я. Данилевский заниматься гипнозом значительно раньше своего первого публичного выступления по этому вопросу — в 1874 году, студентом Харьковского университета. Данилевский познакомил членов медицинского общества с историей вопроса, сообщив, что первым описал гипноз у животных в 1646 году профессор и иезуит Афанасий Кирхер, назвавший это явление *expe-rimentum mirabilis*, что в переводе с латыни на русский язык означает «чудесный опыт». Кирхер укладывал на бок курицу и удерживал ее в этом положении, пока она не успокоится. Затем проводил мелом черту у самой го-

143

ловы курицы и переставал ее удерживать. Но курица еще долго продолжала, не шевелясь, лежать в неестественной для нее позе, даже и тогда, когда ее начинали потихоньку пинать. По мнению Кирхера, курица принимает проведенную мелом черту за удерживающую ее веревку и, понимая бесполезность сопротивления, не пытается встать.

Позднее подробным исследованием гипноза у животных занялся чешский физиолог И. Н. Чермак. В 1872 году он сообщил о своих опытах по гипнотизации кур, уток, гусей, раков и мелких певчих птичек. Оказалось, что веревка тут вовсе ни при чем. Чермак вызывал гипноз у птиц, насильно удерживая в непривычных позах; других животных он принуждал, не отрываясь, смотреть на блестящие предметы. У всех загипнотизированных животных исчезала чувствительность к щипкам и уколам; они переставали обращать внимание на свет и шум, а также приобретали способность подолгу сохранять приданные их лапкам и крыльшкам неудобные положения. Последнее явление очень напоминало каталепсию—ту самую восковидную гибкость суставов и мышц, которая так удивляла зрителей на сеансах магнетизеров и которую наблюдали все исследователи гипноза у человека.

Вслед за Чермаком те же явления у животных изучал немецкий физиолог В. Прейер. Внезапно, быстро схватывая морских свинок, кроликов и других животных, а затем насильно удерживая их, он вызывал у них расслабление мышц всего тела и снижение чувствительности, подобное тому, которое наблюдал Чермак. Но Прейер называл это состояние не гипнозом, а каталепсией и считал, что главной причиной ее бывает страх, испуг, ужас животного перед внезапно напавшей на него непреодолимой силой.

Данилевский действовал иначе. Он спокойно клал лягушку на спину и осторожно удерживал ее некоторое время в такой позе. Оказалось, что если после этого ее отпустить, то она будет сохранять самую неловкую для себя позу, например такую, которую Данилевский называл «позой турка» — лягушка сидит на скрещенных задних лапках, слегка прислонившись спинкой к какой-нибудь подпорке. Ее можно щипать пинцетом — она не шелохнется. Ей можно закрыть обе ноздри смоченной бумажкой — и она не будет сбрасывать ее лапкой, как это обычно очень ловко и быстро делают лягушки в нормаль-

144

ном состоянии. Загипнотизированная лягушка задыхается, как настоящий астматик, глаза ее вылезают из орбит от удушья — и все-таки никаких попыток сбросить мешающую ей дышать бумажку она не делает. И лишь после того, как через некоторое время животное выйдет из гипнотического состояния и примет обычную позу, оно снимет наконец закрывающую ноздри бумажку.

Новым и интересным в опытах Данилевского было то, что ему удалось установить прямую связь между большими полушариями головного мозга и гипнотическим состоянием. Удаляя у лягушек большие полушария, он убедился, что вызывать гипноз у таких лягушек значительно труднее и дольше, чем у обычных. Да и само гипнотическое состояние у оперированных животных отличается рядом особенностей — например, в нем не так сильно снижается чувствительность кожи. Если ущипнуть лишнюю больших полушарий мозга загипнотизированную лягушку, то она ответит на раздражение движениями лапок.

Поэтому Данилевский предположил, что снижение чувствительности и отсутствие произвольных движений, столь характерные для гипноза, вызваны воздействием больших полушарий и именно воздействиями угнетающего характера.

В своем сообщении о гипнозе Данилевский высказал мысль, что эти факты «позволяют с филогенетической точки зрения признать связь гипнотизма человека с *experimentum mirabilis* животных».

В окончательно оформленном виде идея Данилевского о родстве гипноза у животных и человека прозвучала в его докладе на IV съезде общества русских врачей в 1891 году. Доклад так и назывался: «Единство гипнотизма у человека и животных». Он был направлен своим острием против мистицизма, резко вспыхнувшего в те годы в России. Данилевский прямо заявил, что поднимаемые на щит современными ему искателями «откровений» в мире духов средневековый мистик Яков Бем и духовидцы XVIII века Сведенборг и Карданус по своим воззрениям недалеко ушли вперед от дикарей, верящих в возможность путешествия души в страну невидимых *сущестя* и видящих в известных приемах волшебный ключ в эту страну. Опираясь на научно установленные факты, Данилевский доказывал, что все восторженные состояния и экс-тазы колдунов и духовидцев, а также трансы спиритиче-

145

ских медиумов — не что иное, как разнообразные формы гипноза. В заключение, к вящему посрамлению мистиков, он убедительно обосновывал данными собственных исследований идею общности гипноза у человека и животных, идею их единства — как по вызывающим гипноз причинам, так и по форме проявления этого состояния.

Он рассказывал о гипнотизации речных раков и морских крабов, жаб и головастиков, всевозможнейших рыб (между прочим, оказалось, что легче всего загипнотизировать... вьюна), тритонов и змей, ящериц и черепах, крокодилов и птиц, среди которых особенно легко поддавались гипнозу совсем маленькие птенчики. Данилевскому удавалось вызывать продолжавшийся более шести минут гипноз у птенца сизоворонки всего лишь нескольких дней от роду. Данилевский с сожалением признался, что у кошек и собак ему получить гипноз не удалось, хотя других млекопитающих животных — кроликов, морских свинок он гипнотизировал с успехом. Зато он имел удовольствие сообщить об удачных опытах по гипнотизации таких совсем уж экзотических объектов, как омары и лангусты, каракатицы и осьминоги, камбалы и электрические скаты. Эти эксперименты были проведены В. Я. Данилевским на зоологической станции в Роскове (Бретань) во время одной из его заграничных командировок.

Фактически все это великолепное изобилие успешно поддававшихся гипнотизации объектов — представителей самых разнообразных ветвей животного царства — было убедительнейшим опровержением ошибочного взгляда на гипноз, высказанного в те годы главой школы Нанси Бернгеймом, который, как читатель помнит, утверждал, что «гипноза нет, есть только внушение». Но внушение как воздействие словом возможно только у человека. Данилевский неопровержимо доказал, что состояние гипноза может быть вызвано у самых различных животных и что явления, наблюдающиеся у них, глубоко сходны с симптомами гипноза человека. Свою победу Данилевский закрепил выступлением на родине Бернгейма, когда с трибуны международного конгресса физиологической психологии в Париже в августе 1889 г. прозвучал на весь мир его доклад о гипнозе у животных.

Надо сказать, что В. Я. Данилевского интересовал не столько сам гипноз, сколько законы психики, законы деятельности высших отделов мозга, которые, как это уда-

146

лось установить ему самому и как об этом догадывались и другие исследователи, играют ведущую роль в явлениях гипноза. Но может показаться странным, почему, имея в виду психику человека, Данилевский избрал объектом своих исследований животных? Ведь это же длинный, обходный путь. Выбор такого именно пути объясняется глубоким влиянием, которое оказал и на В. Я. Данилевского и на многих других естествоиспытателей отец русской физиологии Иван Михайлович Сеченов.

В. Я. Данилевский избрал один из способов познания психических явлений, предложенных Сеченовым, а именно способ сопоставления явлений, имеющих место у животных (они, конечно, и проще и доступнее для изучения), со сложными явлениями, наблюдающимися у человека. Избранный им способ помог ему лучше, чем многим исследовавшим те же явления до него, понять некоторые стороны гипноза у человека.

Однако глубокого проникновения в сущность гипноза ему достичь не удалось. В этом вопросе он остался в плену субъективистско-психологических представлений, недостатки которых он сам так хорошо сознавал. Но преодолеть их на деле оказалось не так-то просто.

Данилевский, говоря о природе гипноза у человека, сводит ее к параличу воли и самостоятельного

мышления, а причиной, вызывающей гипноз, считает психическое принуждение. Точно так же он объясняет параличом воли и гипноз у животных, а причиной паралича он считает насилие, только уже не психическое, а физическое. Все остальные симптомы гипноза — снижение чувствительности, отсутствие произвольных движений и т. п., по его мнению, — лишь следствия паралича воли.

Разумеется, это представление о гипнозе было очень далеко от действительного понимания явления. Это были объяснения, которые сами нуждались в объяснениях. Ведь слова «воля», «самостоятельное мышление», «принуждение» не давали никакого представления о сущности, о физиологическом фундаменте явлений, которые хотел Данилевский при их помощи объяснить. Здесь получился у него порочный, не имеющий ни начала, ни конца круг, когда одно непонятное явление «объясняют» другим, не менее непонятным. Такой круг всегда возникает, когда речь идет о чисто словесных объяснениях. Данилевскому из этого круга вырваться не удалось.

147

На том же IV съезде русских врачей в Москве, где выступал В. Я. Данилевский, доклад «О терапевтическом применении гипнотизма» прочитал друг и соратник выдающегося психиатра С. С. Корсакова Ардальон Ардальонович Токарский.

Это был поистине удивительный человек. Бесконечно скромный, снисходительный к промахам и ошибкам других и беспощадно требовательный и строгий к себе.

Русская психиатрия конца XIX века воспитала многих врачей, прославившихся своим мягким, заботливым и безгранично гуманным отношением к душевнобольным. Таков был отец русской клинической психиатрии петербургский профессор Иван Михайлович Балинский. Примечательна эпитафия на его могиле: «Иван Балинский — душевнобольных друг и слуга». Одним из самых высоких образцов в этом отношении был основоположник московской школы психиатров Сергей Сергеевич Корсаков. Но даже и среди таких людей Токарский выделялся, как дружно говорят об этом все знавшие его коллеги-врачи и сестры милосердия, своими чуткостью, вниманием и любовью к больным. И в то же время Ардальон Ардальонович, при всей его мягкости и безграничной душевной доброте, был человеком огромной воли и непреклонного характера, был настоящим воителем, самоотверженным борцом за праведное дело.

Уже студентом медицинского факультета Дерптского университета он зарекомендовал себя в глазах реакционно настроенного начальства как неприменимый участник студенческих «беспорядков». В характеристике А. А. Токарского, составленной ректором университета, дословно значится следующее: «В бытность свою студентом принимал участие в беспорядках 1881 года... и получал выговор от ректора за принятие на себя роли депутата». Через всю свою короткую и мучительную жизнь (Токарский умер в возрасте около 42 лет, преждевременно сведенный в могилу туберкулезом) он пронес великий принцип — врач, невзирая на собственные страдания, помогай страждущим!

Один из его современников сказал о нем: «Он был по преимуществу человеком протеста и борьбы. Во всех областях научной и практической деятельности его стремления поддерживались и согревались встречаемыми на пути препятствиями, и чем серьезнее были препоны, тем горя-

148

чее и страстнее закипала в нем борьба, тем настойчивее добивался он намеченной цели».

Видимо, великим человеколюбием и этими замечательными особенностями характера и можно объяснить ту принципиальную смелость, которую проявил Токарский как врач и ученый, когда в свою исторически трудную эпоху стал на путь открытой борьбы с религиозными суевериями и мистикой, смело разоблачая религию, наносившую вред психическому здоровью человека. А. А. Токарский посвятил этому вопросу целый цикл серьезнейших исследований: «О мерячении, или болезни судорожных подергиваний», «Об отчитывании душевнобольных в церквях». В этой последней работе А. А. Токарский с глубоко обоснованных научных позиций разоблачил и осудил широко практиковавшийся в православии обряд — так называемое отчитывание душевнобольных, о чем мы уже рассказывали в главе «Чин над бесноватым»*

Известно отношение Токарского к целителю «силой божьей», священнику отцу Иоанну из деревни Нахабино, практиковавшему религиозное, якобы «боговдохновенное» лечение алкоголизма. Ардальон Ардальонович специально ездил смотреть, как исцеляет отец Иоанн. И потом рассказывал: «Ничего, кроме внушения и гипноза, я там не видел, никаких «чудес», никакой «воли божьей», обычная психотерапия верой».

Изучением гипноза Токарский занялся с первых же шагов своей врачебной деятельности. В 1887 году им был сделан обширный доклад о гипнозе на заседании Московского психологического

общества. Богатство и разносторонность наблюдений, глубина и самостоятельность мысли, проявленные молодым ученым в обобщающих выводах, настолько захватили слушателей, что его сообщению было отведено подряд три заседания.

Для Токарского не составляла вопроса, достойного обсуждения, позиция последователей «животного магнетизма». Но вместе с тем он не принял слепо на веру ни одну из точек зрения, волновавших в то время умы противоборствующих школ — Бернгейма и Шарко.

На основании собственных наблюдений и опытов Токарский приходит к заключению, что каждая из них страдает односторонностью.

Один вопрос не вызывал у него никакого двойного толкования — тут все было совершенно определено: гип-

149

ноз при правильном его применении не может принести вреда больному. И в этом отношении русский психиатр категорически расходился с французским невропатологом. Взгляд на гипноз, как на проявление истерии и само по себе болезненное состояние, требующее к себе настороженного и недоверчивого отношения, был для него, врожденного психотерапевта, органически неприемлем.

Токарский прекрасно осознает трудность задачи проникнуть в существо психических явлений при гипнозе, ведь и знания о психике человека в обычном состоянии ограничены, отчего, по мнению Токарского, «наблюдатель делается невольной жертвой всякого рода предположений, аналогий и уподоблений. Пока психология не станет наукой более точной...»

А. А. Токарский был деятельным последователем идей И. М. Сеченова, ратовавшего за превращение психологии в точную науку. В этом направлении им было положено начало. Вместе со своим другом и единомышленником С. С. Корсаковым они на свои личные средства покупают необходимые для психологических исследований приборы и создают первую в Москве лабораторию экспериментальной психологии. Вместе они добиваются, чтобы физиологическая психология и гипнотерапия (лечение болезней с применением гипноза) стали одним из предметов в общем курсе обучения студентов медицинского факультета Московского университета, и Токарский первым в России читает этот курс.

Повсюду — в лекциях для студентов, в выступлениях на заседаниях Московского психологического общества, в докладах на международных психологических конгрессах — Токарский горячо, убежденно и последовательно борется за материализм в психологии, настаивая на том, что психологии пора уже вступить в ряды естественных наук, что и в этой области явлений природы основным методом исследования на место принятого донныне здесь метода чистого умозрения должен *стать* метод беспристрастного наблюдения и точного опыта.

В докладе о лечебном использовании гипноза Токарский с нескрываемой радостью провозгласил: отныне в этом вопросе нет места мистическим представлениям. Отважные исследователи вырвали гипноз из храмов, возведенных во славу несуществующих богов, и ввели в светлый храм науки. И хотя в истории гипноза не раз случа-

150

лось, что ученые авторитеты его отвергали, всегда находились и такие, кто, невзирая на опасность быть осмеянными, терпеливо продолжали исследовать и применять на практике гипнотические явления. Рассказывая о той острой борьбе, в которой складывалось научное представление о гипнозе, и восставая против существующих, даже в среде врачей, предубеждений, Токарский заявил: «Смешно было бы думать, что гипнотизм вырос где-то сбоку, за дверьми храма науки, что это подкидыш, воспитанный невеждами. Можно только сказать, что невежды его достаточно понянчили и захватили своими руками».

Все содержание этого доклада, каждая его мысль были смелым и сильным ударом по наступавшей со всех сторон в те годы на науку реакции. Противостоя потоку захлестнувших так называемую образованную публику модных мистических увлечений, Токарский утверждал правду о гипнозе, добытую усилиями науки: «Там, где прежде были только непонятные манипуляции, которые одни составляли собой наследство предшествовавших поколений, манипуляции, окутанные покровом непонятных, захваты-вающих чрезвычайно широкое поле теорий, что создавало скорее какой-то религиозный культ, чем отрасль научного знания, там в настоящее время мы имеем ряд действий очень простых, освещенных внутренним смыслом. Если остается скрытой причина явлений, как и во множестве других вопросов, то ясна их взаимная зависимость.

Там, где искали действие мировых сил, мы имеем действие нервной системы, роль флюидов заступило внушение. Изучение внушения открыло необыкновенно могучее влияние психических

воздействий, которое может быть без всякого преувеличения поставлено наряду с воздействиями факторов физических, и пользование психическими влияниями стало задачей врача, что и дало вопросу надлежащую простоту и законченность».

Итак, гипнотические явления все больше и больше становятся подвластны научному познанию, благодаря чему открывается возможность поставить их по-настоящему на службу людям. «Психическое влияние стало задачей врача» — эта мысль — душа доклада Токарского, ее он хочет довести до сознания и сердца своих коллег; ею он хочет увлечь и опытных практических врачей и медицинскую молодежь, которой он читает курс психотерапии и медицинской психологии.

151

А. А. Токарский (1859—1901).

В области гипноза не должно остаться никаких лазеек для мистических предубеждений. Это также одна из ведущих мыслей, руководивших деятельностью Токарского. Вот, например, один из вопросов, на котором издавна охотно спекулируют явные и замаскированные сторонники мистики, — вопрос о том, кто может быть гипнотизером, не требуются ли для этого, как утверждали защитники представлений о «личном магнетизме», каких-то особых врожденных качеств, специальной одаренности и т. п.? Нет, твердо отвечает Токарский, «это обстоятельство не имеет здесь совершенно никакого значения, и если бы сам дьявол явился в качестве гипнотизера, то и ему следовало бы прежде всего ознакомиться с явлениями».

Токарский последовательно и непримиримо подчеркивал значение науки, вес знания и опыта, напоминая, что в области применения гипноза не должно быть места невеждам. Он считал, что хотя применение гипноза в принципе доступно каждому врачу, но успех в этом деле может быть достигнут лишь при глубоком знакомстве с этими явлениями, с техникой гипнотизации, с основами психиатрии и медицинской психологии. Только такое зна-

152

комство может дать врачу столь необходимую в деле применения гипноза и внушения уверенность, а в случае надобности поможет ему устранить трудности и осложнения, которые могут подчас возникнуть в процессе лечения.

Гипноз и внушение, доказывает Токарский, — эффективный метод лечения многих заболеваний. Во многих случаях он может оказать неоценимую помощь врачу в его борьбе с болезнями. Этот метод должен занять достойное место в ряду таких методов медицины, как хирургическое вмешательство, лечение лекарствами, физические методы лечения и т. п. Понятно, что каждый лечебный метод должен применяться в подвластной ему области, то есть там, где именно этот метод, а не другой, принесет более всего пользы, а подчас лишь он один и может быть полезен. Скажем, что делать с человеком, у которого острый приступ аппендицита? Несомненно, только одно — класть на операционный стол. Никому и в голову не придет лечить его внушением. Равно как укушенному бешеной собакой в первую очередь нужна пастеровская прививка.

Точно так же гипноз и внушение должны применяться там и тогда, когда в первую голову могут быть полезны именно они. У этого метода есть своя область применения, где без него просто нельзя обойтись. Например, так называемые пограничные состояния, объединяющие обширный

класс заболеваний, к которым относятся невротические расстройства — последствия срыва нервной системы, ее переутомления, чрезмерного напряжения, последствия различных житейских волнений и потрясений.

Что может сделать при неврозах врач, если он не обратится к психотерапии, то есть к воздействиям на психику больного методом систематизированных убеждений, методом лечебного внушения в состоянии бодрствования или к внушению в гипнозе? Безусловно, без этого метода при таких заболеваниях не обойтись. Здесь на первый план должно выступить целительное воздействие на психику больного.

Здесь психотерапия составляет тот основной, ведущий лечебный метод, с помощью которого врач возвращает больному здоровье.

Конечно, применение психотерапии не исключает использования и других лечебных методов и приемов (ле-

153

карств, массажа, курортного лечения и т. п.). Но они будут играть лишь вспомогательную роль, роль аккомпанемента к основному лечебному влиянию словесного убеждения, внушения, гипноза. Подобное же положение имеет место и в лечении таких широко распространенных заболеваний, как наркомания. Наркомания — пристрастие, начинающееся вначале как дурная привычка и перерастающее затем в особое болезненное непреодолимое влечение к наркотическим средствам, на первое место среди которых, несомненно, следует поставить алкоголь. Воздействие на психику алкоголика целительным словом в форме убеждения и внушения, в том числе внушения, проводимого больному, погруженному в гипнотический сон, — один из самых действенных, дающих лучшие результаты методов лечения алкоголизма.

Гипноз и внушение, в свою очередь, говорит Токарский, могут использоваться и как вспомогательные средства помощи больному там, где в качестве основного, главного метода лечения служит другой, например лекарственный метод. Токарский отнюдь не видит в гипнозе и внушении панацею — универсальное средство от всех и всяческих недугов. Но он твердо убежден, что «гипнотизм применим и показан во всех случаях, где болезненные явления находятся в зависимости от нервных влияний или где излечение задерживается этими влияниями».

Дабы сделать доступным этот метод каждому врачу-практику, пожелавшему использовать его в своей лечебной работе, Токарский разбирает самым доскональным образом все тонкости вопроса о показаниях и противопоказаниях к применению гипноза и внушения, все трудности и осложнения, которые могут возникнуть при лечении больного. Он щедро делится с товарищами по профессии собственным опытом, а также сообщает в своих докладах и статьях массу сведений из детально изученных им литературных источников.

Огромную ценность имеет разработанная Токарским система проведения внушений. Она не потеряла своего значения и в наши дни.

Безграничное человеколюбие, душевная тонкость, широта познаний, влюбленность в свое дело позволили Токарскому поднять принципы психотерапии до высоты подлинного искусства врачевания.

154

Будучи честным и беспристрастным исследователем, Токарский отчетливо видит, что время окончательного раскрытия природы гипноза еще не наступило, что последняя причина явлений все еще остается скрытой.

„Гипноз — обоюдоострое оружие“

Все, кто видел его хотя бы раз, потом говорили, что не могут забыть всю жизнь эти спокойно пронизательные глаза и статную фигуру, олицетворение физической и интеллектуальной мощи. И чаще всего на ум приходило сравнение с Ильей Муромцем, тем Ильей — крестьянским сыном, которого гениальная кисть Васнецова сделала центральной фигурой прославленной картины «Три богатыря». Да, воистину, академик Владимир Михайлович Бехтерев был богатырем земли русской, ее славой и гордостью. С первых шагов своей сознательной жизни Бехтерев не отступал перед трудностями. Вот он остается восьмилетним мальчиком без отца. В семье, кроме Володи, еще двое детей. Нужно вести тяжелую борьбу за существование, за кусок хлеба, и в то же время учиться, получать образование, ибо в семье Бехтеревых воспитание детей построено на принципе, что их будущее зависит от них самих, от того, с какой настойчивостью будут они добиваться знаний. И Володя Бехтерев показал, на что способен волевой, целеустремленный мальчик.

Живя в глуши дореволюционной деревни, в вотяцком селе Сорали Вятской губернии, среди

темных и забытых людей, в большинстве своем неграмотных, полных предрассудков и суеверий, пытливый ребенок страстно полюбил природу. Но уже тогда, на заре жизни, он полюбил ее любовью исследователя. Он коллекционировал насекомых, составлял гербарии. Жизнь привлекала его тысячами неразрешенных загадок — все хотелось узнать, понять, найти объяснения. Так проснулась в будущем ученом страсть к естествознанию.

В гимназические годы Бехтерев зачитывается произведениями А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева. Великие революционные демократы были пламенными пропагандистами естествознания, и под их могучим влиянием много передовой, прогрессивно настроенной молодежи избирало

155

своим поприщем естественные науки. Несомненно их влияние на выбор профессии гимназистом Бехтеревым и семинаристом Иваном Павловым.

Выдающиеся способности и исключительное трудолюбие позволяют Бехтереву двигаться буквально семимильными шагами. Достаточно сказать, что в 21 год он оканчивает прославленную Петербургскую медико-хирургическую академию, где остается для научного усовершенствования под руководством крупнейшего русского психиатра И. П. Мержеевского.

Двадцати четырех лет Бехтерев блестяще защищает докторскую диссертацию на тему «Опыт клинического исследования температуры тела при некоторых формах душевных заболеваний». Эта работа молодого ученого была очень важна и в философском отношении, так как она отражала взгляд на психические болезни, как болезни мозга и всего организма. В 27 лет Бехтерева, как особо талантливого ученого, имеющего уже немало собственных исследований, опубликованных на русском и иностранных языках, командировают на два года за границу. Работая в лабораториях и клиниках таких всемирно известных светил, как физиолог Флексиг и невропатолог Шарко, молодой русский ученый поражает всех широтой своих интересов и глубиной познаний.

Характерно объяснение, данное самим Бехтеревым в его автобиографии, почему он избрал из всех областей медицины именно область невропатологии и психиатрии: «Эта специальность мне казалась из всей ' медицинской науки того времени наиболее тесно связанной с общественностью и, кроме того, увлекала вопросами познания личности, связанными с глубокими философскими и политическими проблемами».

Бехтерев всегда принимал непосредственное и живейшее участие в прогрессивном движении передовой русской интеллигенции. В студенческие годы он активный участник сходов и демонстраций, знаменитых студенческих «беспорядков», доставлявших так много неприятностей царским охранникам и полиции. Став уже в 29 лет профессором Казанского университета, В. М. Бехтерев объединил вокруг себя не только революционно настроенных студентов, но и прогрессивную часть профессуры.

В. М. Бехтерев всегда стремился помогать революционерам. Вот яркий эпизод из его жизни. Пользуясь извест-

156

ностью как выдающийся врач, Владимир Михайлович имел широкую практику среди самых различных слоев населения. Однажды в беседе с каким-то высокопоставленным больным В. М. Бехтерев случайно узнает, что реакция сформировала архичерносотенную «священную дружину», поставившую себе целью убийство наиболее известных русских политических эмигрантов, и что вскоре готовится убийство Кропоткина. Тотчас Владимир Михайлович разыскал надежного человека, который как раз уезжал в это время в Париж, и попросил его обязательно предупредить Кропоткина о готовящемся на него покушении. Кропоткин немедленно скрылся. Прошли многие годы. И вот в 1917 году Бехтерев, уже забывший об этом случае, встретившись впервые лично с Кропоткиным, назвал себя, полагая, что Кропоткину вряд ли известно его имя. «Я вас хорошо знаю, — улыбнулся Кропоткин. — Вы спасли мне жизнь».

Широко известно решительное и смелое поведение Бехтерева в судебно-психиатрической экспертизе по делу Бейлиса, гнусно сфабрикованному черносотенной реакцией. Велико было бешенство царских опричников, когда после ясного, не допускающего никакого двойного толкования и фальсификации заключения Бехтерева царским судьям пришлось оправдать нагло оклеветанного Бейлиса '.

В 37 лет Бехтерева приглашают на должность начальника кафедры психиатрии и невропатологии прославленной Петербургской военно-медицинской академии, в стенах которой он получил высшее образование. Здесь развернулась его кипучая деятельность пытливого исследователя,

талантливого организатора, проницательного врача и всемирно известного ученого.

Восторженно приветствовал В. М. Бехтерев Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Вот слова пламенного призыва, которыми он закончил свое обращение к ученым собратям: «Мы должны отдавать себе отчет в том, будем ли мы с победившим народом, который

' Еврей М. Бейлис был обвинен в убийстве русского мальчика А. Юшинского якобы с ритуальной целью. Судебный процесс, организованный царским правительством в 1913 году, был одним из актов шовинистической политики царизма. Под давлением общественного мнения суд присяжных оправдал Бейлиса.

157

завоевал себе свободу, хочет строить свое будущее и зовет нас соучаствовать в этом строительстве. Может ли быть сомнение в ответе на этот вопрос?»

Выдающийся ученый, академик Владимир Михайлович Бехтерев, как мы уже говорили, был в своем творчестве многогранен. Во всех энциклопедиях после его имени называются сразу три специальности: неврология, психология и психиатрия, и в каждой из них он оставил глубокий след.

Бехтерев побывал в клинике Шарко в то время, когда там кипела работа по изучению гипноза. Бехтерева очень заинтересовали эти исследования, и по приезде в Россию он широко поставил лечение гипнозом и внушением в Казани, в бытность его там заведующим кафедрой нервных и душевных болезней медицинского факультета университета.

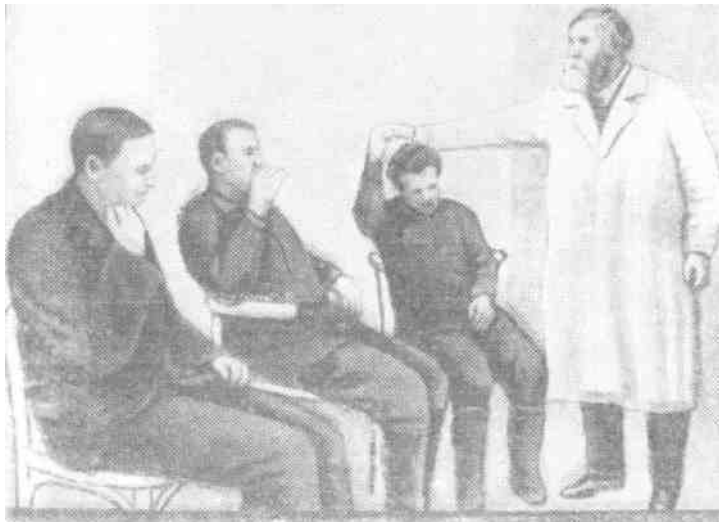
Начиная с этого времени и до последнего дня жизни Владимир Михайлович не ослаблял внимания и интереса к этим явлениям. Слова «до последнего дня жизни» здесь следует понимать совершенно буквально, так как последний научный доклад, сделанный Владимиром Михайловичем за 30 часов до смерти, был посвящен разработанной им методике коллективного лечения алкоголиков внушением в гипнозе.

На руководимых Бехтеревым кафедрах (вначале в Казани, а затем в Петербурге) и в созданном им психоневрологическом институте проводились специальные исследования физиологических механизмов гипноза и внушения. Все связанные с этими явлениями вопросы Бехтерев освещал в своих лекциях студентам, на которые часто приходили и давно уже окончившие курс врачи. Сам Бехтерев был прекрасным психотерапевтом и постоянно применял гипноз и внушение в собственной лечебной практике.

Рассказывая в медицинских периодических изданиях о ярких примерах успешного применения гипноза и внушения в лечении различного рода заболеваний, примерах, почерпнутых из своей личной врачебной практики, Бехтерев неустанно призывал своих коллег шире использовать этот метод.

Огромное значение имела деятельность Бехтерева по ознакомлению широкой публики с правильным, естественнонаучным представлением о гипнозе и внушении. Он чи-

158

В. М. Бехтерев проводит сеанс лечебного внушения в гипнозе.

тал на эту тему публичные лекции, писал брошюры и статьи в научно-популярных журналах.

Бехтерев дал глубокий анализ обстановки, в которой совершаются «чудодеяния». Он показал, что

факты, которые мистики выдают за чудесные исцеления, божественные откровения, духовидение и т. п., имеют в своей основе неизвестные большинству людей явления гипноза и внушения. В своей брошюре «Внушение и его роль в общественной жизни» Бехтерев приводит в доказательство этой мысли массу примеров из истории и житейской практики. Вот один из очень ярких случаев.

«Мальчик Г. страдал параличом истерического происхождения, природа которого, к сожалению, осталась нераспознанной со стороны известного в Петербурге психиатра, признавшего его неизлечимым. Парализованный мальчик оставался беспомощным уже много лет, как вдруг однажды во сне он увидел лик Божьей Матери, приказавшей ему поклониться святой иконе, находящейся в часовне по Шлиссельбургскому тракту у Стеклянного завода и известной тем, что ударом молнии в 1888 г. было разрушено все внутри часовни, но сохранился лишь образ Божьей

159

Матери, причем лик ее оказался усеянным в форме венца медными монетами из сборной народной кружки. Проснувшись, Г. настойчиво начал просить себя повезти к упомянутой иконе, и, когда желание его было исполнено, то оказалось, что уже во время молебна он получил возможность стоять на ногах и с этих пор начал ходить».

Бехтерев показывает, что этот взятый из жизни случай, выглядящий в глазах верующих непостижимым свидетельством «божественного милосердия», в действительности имеет вполне естественное происхождение. Фанатическая вера в силу иконы, которую молва из-за приключившегося с ней необычного происшествия окружила ореолом чуда, связавшись с самым сильным в каждом больном желанием — выздороветь, подчинила себе все чувства и мысли мальчика, не оставив места в его сознании никакой критике. Эта мысль действовала по механизму самовнушения, благодаря которому и произошло почти моментальное освобождение больного от истерического паралича.

Внушение и самовнушение обязаны своим действием материальным, естественным процессам. Подвергнув справедливой критике многочисленные определения этих понятий, дававшиеся до него другими гипнологами, Бехтерев предложил свою формулировку. Он называл внушением «воздействие одного лица на другое путем непосредственного прививания идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний без участия личного сознания внушаемого лица». Влияя в первую очередь на область эмоций, на воображение, внушение чрезмерно их обостряет и тем самым заглушает рассудочную, критическую оценку действующих на психику впечатлений. Подобным же образом могут действовать на человека некоторые мысли и чувства, возникающие в его собственном мозгу, без воздействия постороннего лица, когда, как писал Бехтерев, «то или другое представление проникло в сознание, как нечто готовое, в форме внезапно явившейся мысли, в форме того или иного сновидения, в форме виденного примера и т. п.»

Внушение одно из сильных средств воздействия на психику людей. Внушенная мысль, будучи лишена строгого и столь необходимого контроля разума, способна с неодолимой силой влиять на поведение человека, а также на деятельность его организма. Но средство это обоюдоострое. Оно может быть употреблено и на благо и во зло людям.

160

Бехтерев приводит множество примеров, когда внушение использовалось во вред людям. Доскональнейшим образом он прослеживает причины различных эпидемий, как он называет возникавшие по временам массовые увлечения теми или иными сектантскими верованиями, теориями всевозможных мистиков, средневековые эпидемии демономании и колдовства, кликушество и т. п. Во всеоружии собственного большого клинического опыта и обширных познаний в области психиатрии и психологии, Бехтерев убедительно доказывает, что во всех этих фактах немалую роль сыграли явления гипноза, внушения и взаимовнушения.

Давно уже было замечено, что внушаемость людей особенно велика, когда они находятся в массе. В этом случае наэлектризовывающее людей внушение усиливается за счет взаимного влияния охваченных общими чувствами людей друг на друга — за счет взаимного внушения и подражания. Этими средствами охотно и умело с давних пор пользуются сторонники мистики, направляя их во вред людям. В то же время в руках людей науки, в руках врачей внушение может быть самым широким образом применено в качестве успешного средства борьбы со многими заболеваниями.

После подавления революции 1905 года реакция праздновала победу и вместе с тем прекрасно чувствовала ее непрочность. Как всегда бывало в истории, в подобные периоды взбурлил грязевой

вулкан мистики и суеверия. Оккультные «науки», магия, животный магнетизм, астрология, хиромантия, всевозможные варианты спиритизма вновь находят себе многочисленных поклонников среди привилегированных слоев общества и тянущегося к ним мешанства. Разжиганию интереса к потустороннему способствовали специальные журналы — «Спиритуалист», «Ребус», «Вестник оккультных наук», «Сфинкс» и др. В них печатаются статьи и рассказы о секретах индийских факиров, о таинствах поклонников культа Митры, откровения, почерпнутые спиритами из общения с духами умерших, и т. п. Обложки книг пестрели объявлениями вроде следующего: «Открыта подписка на первый в России ежемесячный иллюстрированный журнал «Таинственное», посвященный вопросам, исследованиям и наблюдениям в области сверхчувственных явлений, не поддающихся анализу современной науки».

7*6

161

*

Книжный рынок захлестнул поток шарлатанских брошюр, в которых проповедовались давно уже отвергнутые наукой представления о существовании внутри человека неких сверхъестественных сил, вроде пресловутого «магнетического флюида», с помощью которых можно легко и просто достичь богатства, успеха в обществе, бесчисленных любовных побед, умения безошибочно предсказывать судьбу и т. д. Авторы давали заманчивые обещания научить своего читателя открывать и развивать в себе подобные чудо-способности. Многие такие книги выходили в роскошных изданиях, в тисненых золотом и серебром переплетах, с иллюстрациями.

Трудно переоценить значение, которое имели в этой обстановке устные и печатные выступления такого пользующегося всемирной славой большого ученого и такого высокоавторитетного человека, каким был академик Владимир Михайлович Бехтерев. В этих выступлениях он настойчиво, отважно и страстно пропагандировал материалистические представления о гипнозе и внушении, беспощадно тем самым вскрывая ложность всей этой мистической шелухи.

На основании собственных наблюдений, а также наблюдений и исследований своих многочисленных учеников Бехтерев развил представление о гипнозе как о своеобразном видоизменении обычного естественного сна. В чем, по Бехтереву, главное отличие гипноза от нормального сна? Гипнотический сон вызывается искусственно теми усыпляющими приемами, которыми пользуется гипнотизер. Наиболее удобным и успешнее других действующим приемом Бехтерев считал словесное внушение сна, которое может заключаться как во внушении гипнотизируемому представлений, связанных у каждого человека с засыпанием, так и путем повелительного требования — «Спать!» Слабые физические раздражители, по его мнению, могут очень способствовать быстрой усыпления, а иногда и вызывать гипнотический сон без всякого словесного внушения.

Бехтерев уделил много внимания исследованиям, направленным на то, чтобы разработать способы повышения лечебной эффективности внушения, проводимого больному в гипнозе или наяву.

Однако и Бехтереву не удалось освободить развитые им представления о гипнозе и внушении от влияния субъ-

162

ективистски-психологических идей. Его объяснения все еще страдали той описательностью формулировок, которая характерна для определений, выдвинутых до него другими исследователями гипноза — Брэдом, Шарко, Льебо, Бернгеймом, Токарским, Данилевским и другими. Все эти представления, будучи в принципе правильными, материалистическими, все же не достигли полного проникновения в природу этих явлений, не смогли раскрыть внутреннюю сторону гипноза и внушения, их физиологическую базу.

Выяснение сущности этих явлений, тесно связанных с психической деятельностью мозга, не могло произойти раньше, чем были установлены основные закономерности этой деятельности.

„Гипноз — частичный сон“

Первопричины гипнотических явлений таятся в глубинах психики, в особенностях деятельности мозга — таково единодушное мнение гипнологов-материалистов. Но задача добраться до этих глубин не так-то проста. Та наука, которая по самому своему существу была призвана выявлять эти особенности, устанавливая законы психики,— психология, тысячелетиями оставалась здесь беспомощной. В чем причины этой бесплодности, четко и правдиво сказал И. М. Сеченов. Виноват сам принятый в ней способ познавать психику — метод наблюдения над собственными мыслями, чувствами и поступками исследователя и сопоставления их с анализом переживаний и

поведения других людей. Несвободный от сугубо личных, предвзятых суждений, он роковым образом ведет к ошибкам. С середины прошлого века все большее и большее число прогрессивно мыслящих ученых — невропатологов и психиатров, физиологов, психологов и педагогов — осознает необходимость найти какой-то новый метод изучения работы мозга, который дал бы, наконец, возможность исследовать самое сложное из всего существующего в природе — человеческую психику, непредвзято и точно.

Великий подвиг создания такого метода совершил Иван Петрович Павлов.

В 1901 году И. П. Павлов, завоевавший уже всемирную известность своими блестящими экспериментами по

163

изучению деятельности пищеварительных желез, установил следующий маленький, с виду совсем незначительный факт. Собака, на которой изучали работу слюнной железы, выделяла слюну не только тогда, когда еда попадала к ней в рот, но и тогда, когда она видела пищу издали и даже когда слышала лишь приближающийся стук ботинок служителя, обычно приносившего корм.

Что касается выделения слюны во время еды, то здесь физиологический механизм явления не составлял никакого секрета. Это давно известный физиологам рефлекс — пища раздражает имеющиеся во рту окончания вкусовых нервов, в ответ на возбуждение которых центральная нервная система посылает к слюнным железам сигнал, побуждающий их к деятельности. Таких и подобных ему рефлексов было изучено к началу нашего века множество. Но как, с точки зрения физиологии, объяснить то, что у собаки «слюнки текут» и при одном лишь взгляде на пищу, на кормушку, в которой ее дают, при звуке шагов того, кто ее приносит?

Когда Павлов обнаружил это явление, подробно описал и позднее объявил его не более не менее как основным элементом высшей нервной деятельности, противники стали укорять его в том, будто в этом нет ничего нового. Всем известно и понятно: собака знает по этим признакам (шум шагов, вид кормушки и др.), что сейчас ее будут кормить, и что ж в том удивительного, если у нее заранее выделяется слюна? Да что говорить о противниках! И сам Павлов, когда впервые обнаружил" этот факт, тоже пытался объяснить его так — собака страстно желает «есть, видя и слыша приготовления, понимает, что желанный момент приближается, поэтому и выделяет заранее слюну.

Вот ведь какие умницы эти собаки! Один вид кормушки, в которой приносят мясо-сухарный порошок, вызывает у них выделение слюны такого же состава, как и непосредственно под влиянием мясо-сухарного порошка, попавшего в рот. Вид чашки, в которой приносят молоко, вызывает, как и при попадании молока в рот собаке, выделение незначительного количества густой слюны. Вид стеклянной колбы с налитым в нее раствором кислоты, окрашенным в черную краску, вызывает, как и сама кислота, насильно влитая в рот собаке, обильное выделение жидкой так называемой отмывающей слюны. В павлов-

164

ских лабораториях немало усилий было потрачено на то, чтобы установить сам факт, что на разные виды пищи при попадании ее в пищеварительный канал выделяются разные по количеству и качественному составу пищеварительные соки (слюна, желудочный сок, сок поджелудочной железы и т. д.). А тут собаки оказались столь догадливы, что, лишь завидев подносимую пищу, выделяют слюну такого именно состава, какую вызвал бы этот продукт, попав в рот. В такой тонкий собачий ум, простите, трудно поверить. Надо, видимо, как-то иначе все это объяснять.

Павлов и принимавшие в этих работах участие другие сотрудники начали строить различные догадки, но ни к чему другому, кроме ожесточенных споров, «метод» догадок не привел.

Отчаявшись объяснить открывшиеся факты на шаткой основе умозрительных рассуждений"

Павлов решил навсегда расстаться с временно увлекшим его путем субъективно-психологических сравнений и вновь вернуться на прочные рельсы экспериментальной физиологии. Позднее он писал: «После настойчивого обдумывания предмета, после нелегкой умственной борьбы я решил, наконец, и перед так называемым психическим возбуждением остаться в роли чистого физиолога, т. е. объективного внешнего наблюдателя и экспериментатора, имеющего дело исключительно с внешними явлениями и их отношениями».

— Помилуйте, господа, — спорил Павлов с теми, кто не соглашался с этим решением, — что дает нам гадание о внутренних чувствах и мыслях собаки? Ведь мы даже друг-то с другом столкнуться не можем. До выводов ли тут?

— Да, — с грустью вспоминал верный соратник Павлова доктор Савич, — раньше этого у нас не бывало. Чуть что разошлись во мнениях — спор решает новый опыт. И тут уж не может быть

места сомнениям. Правильно поставленный опыт дает единственно возможный ответ.

— Вот именно, — подхватывал Павлов, — опыт! Да еще наши проверенные физиологические понятия; в этом соль. — Глаза его загорались насмешливым, задорным огоньком, руки дополняли речь выразительным жестом. — А мы с вами психологами заделались... Пытаемся серьезно говорить о том, что и как чувствуют собачки, чего же-

165

лают, а данных для этого прочных у самой психологии пока нет, нет даже установившихся понятий. Одни сравнения. Вот мы и не можем убедить друг друга. Отличное доказательство безнадёжности дела.

Нет, этак не годится! Надо нам, физиологам, идти своим путем.

Первые шаги на этом пути были очень трудны. Трудно было, прежде всего, отрешиться раз и навсегда от привычных психологических рассуждений при объяснении психических явлений.

— Попробуем посмотреть на дело с чисто внешней стороны, — говорил сотрудникам Павлов, стоя у станка с собакой, на которой изучалось психическое слюноотделение.— Что мы здесь видим? Собака «слюнит» еще до момента принятия пищи, едва лишь слышит шаги Василия. Перед нами факт, очень напоминающий простой пищевой рефлекс... разница лишь в том, что вызван он не раздражением чувствительных окончаний языка собаки, а ее слуха.

Он замолк, ожидая возражений, и не напрасно.

— Иван Петрович, — отозвался молодой сотрудник, — у моей новой собаки, помните та, что я вам на днях показывал, с обгрызанным ухом, — опыт с дразнением мясом не удастся. Слюну выделяет лишь, когда мясо во рту. Видно, что это тип недоверчивый, боится обмана: а вдруг подразнят да не дадут.

Павлов, после некоторого размышления, вдруг быстро, как бы что-то вспомнив и сообразив, обернулся к говорившему.

— А ухо у вашей собаки разве совсем зажило? — и увидев, как сотрудник, недоумевая, отрицательно покачал головой, уверенно продолжал: — Вот в этом-то и причина. Сколько раз мы говорили о том, что опыт надо вести на здоровом животном, которого не беспокоит боль. Это было нашим непреложным правилом при работе с обычными рефлексам, хотя они и считаются вполне постоянными. Ну, а наши новые факты именно своей капризностью, изменчивостью и примечательны. А вы уж и заключаете — недоверчивый пес, боится обмана. Опять пустые слова! Немедленно прекратите опыты на этой собаке! Продолжите, когда будет совсем здорова!

И затем, успокоившись, продолжал развивать начатую им мысль:

166

— Да, непостоянство, как все более и более выясняется, самое характерное, что отличает психическое сокоотделение от простого пищевого рефлекса. Однако взгляды внимательнее: так ли уж и здесь все прихотливо и подвержено случаю? Оказывается, нет. Вот, например, у Дружка слюногонное действие оказывает только походка Василия. А вот попробуйте выйти сейчас в коридор вы, молодой человек, — обратился Павлов к студенту, — и подойдите затем к двери, никакой слюны при этом у Дружка не выделится, заранее и твердо могу сказать.

Студент вышел и спустя некоторое время вернулся. При звуке незнакомых шагов за дверью Дружок насторожил уши, но в пробирке, прикрепленной к слюнной фистуле, не появилось ни капли слюны.

— Вот видите! — в глазах Ивана Петровича светилось веселое торжество.—А в чем причина? Шаги Василия, который обычно ухаживает за Дружком, стали для него сигналом, предвестником пищи. А все другие походки о еде не сигнализируют. Ясно теперь, почему к стуку ваших башмаков, — обратился Иван Петрович к студенту, — .. слюнная железа Дружка осталась совершенно хладнокровна.

— Да-а-а, — протянул один из сотрудников, — догад- < лив Дружок.

— Попрошу разъяснить, что вы под этим понимаете? — вскинулся Павлов.

— Мне кажется, Иван Петрович, догадаться — это значит по одним признакам понять о других, например, видя распускающиеся почки мы все понимаем, что...

— Началась весна, — прервал его Павлов. — Хорошее объяснение, нечего сказать! А слово «понять» вы мне растолкуете словом «догадаться». Нет, господа, так мы с вами далеко не уйдем. Эта словесность лишь мешает нам. Я не только о вас говорю, — примирительно обратился он к сотруднику, объяснявшему слово «догадаться», — все в этом грешны. Вот я сам только что пускался в рассуждение о хладнокровии Дружка. Тогда как дело наше, физиологов, — изучать ход течения внутренних процессов, лежащих в основе тех или иных внешних реакций, и для этого,

прежде всего, всегда и везде стараться выяснить условия, вызывающие возникновение этих реакций. Сегодня, господа, я счастлив тем, что могу сообщить, что опытами доктора Толочина уже точно определено основ-

167

/

ное условие, вызывающее появление психического слюноотделения. Этим основным условием является повторное совпадение действия случайных, посторонних раздражителей, например запах мяса, вид кормушки или тот же звук шагов служителя, с последующим кормлением. Только после нескольких таких сочетаний эти, казалось бы, не имеющие непосредственного отношения к слюнной железе раздражители начинают сами вызывать ее работу — гонят слюну.

Психическое слюноотделение есть ответ организма на внешнее воздействие, осуществляющийся при участии высших отделов нервной системы, причем эта реакция подчиняется определенному правилу — закону. Следовательно, у нас есть все основания считать эту реакцию рефлексом... Конечно, этот рефлекс сложнее тех, с которыми физиологи имели до сих пор дело, так как собака с ними на свет не рождается. Они появляются лишь после повторного воздействия определенных условий. Поэтому в отличие от первых простых рефлексов я предложил бы наши рефлексy назвать сложными, или условными... Простые можно было бы тогда называть также безусловными, подчеркивая тем самым их большее постоянство.

Он снова с удовольствием и расстановкой, как бы призывая присутствующих вдуматься в смысл этих слов, произнес:

— Условные рефлексy. Вот ими мы теперь и займемся. Что для нас как физиологов является здесь особенно важным и решающим?— продолжал Иван Петрович.— Каши опыты, как я сейчас об этом сказал," доказали, что факт, который всеми вполне законно относился раньше и продолжает относиться теперь к области психики, к высшим проявлениям деятельности мозга, отныне, и также на вполне законном основании, следует одновременно относить к явлениям рефлексорным, а именно к сложным, условным рефлексам. А раз это так, то их можно изучать нашим исконным физиологическим объективным методом. Вы понимаете, господа, какие это нам открывает перспективы? Метод держит в руках судьбу исследования. Величайшие победы естествознания это победы объективного метода. Итак, мы получаем возможность остаться на нашем верном, никогда не обманывавшем наших надежд пути — изучать явления с их внешней стороны, такими, какими они представляются наблюдающему их извне.

168

И без всяких искажений — гаданий, догадок, домыслов!

Мы знаем теперь, насколько эта уверенность ученого оправдалась, знаем, каким могучим оружием оказался метод условных рефлексов, отволавший у живой природы самые сокровенные ее тайны, раскрывший основные законы деятельности мозга и в их числе решивший загадку сна и гипноза. Исходную точку этих исследований Павлова и его сотрудников принято считать началом новой эры в изучении психики, эры, которую советские ученые, да не только советские, но и передовые ученые многих стран называют павловской.

Читателю, вероятно, хочется поскорее узнать, какой же оказалась разгадка внутренних механизмов гипноза и внушения, до работ И. П. Павлова и его учеников долго остававшаяся неуловимой, хотя на поиски ее было затрачено немало упорных усилий многих талантливых исследователей. Но мы вынуждены просить читателя еще немного потерпеть. *ДеАо* в том, что наш рассказ о сущности гипноза не будет понятен, если читатель не познакомится прежде, хотя бы очень общо и кратко, с теми основами учения о высшей нервной деятельности, которые самым непосредственным образом относятся к гипнозу и внушению.

Орган высшей нервной деятельности — кора больших полушарий головного мозга. В ней сосредоточено управление жизнью всего нашего организма, в ней замыкаются те нервные связи, которые образуются при выработке условных рефлексов. «...Нам может казаться, — говорил Иван Петрович Павлов в одном из своих последних выступлений, — что многие функции у высших животных идут вне влияния больших полушарий, а на самом деле это не так. Этот высший отдел держит в своем ведении все явления, происходящие в теле».

Свое ведущее положение в организме большие полушария приобрели не случайно, а благодаря высокой возбудимости, тончайшей чувствительности составляющих их нервных клеток к малейшим раздражениям. Вокруг нас и внутри нашего организма ежеминутно совершаются тысячи изменений (меняется освещенность, раздаются новые звуки, происходят тончайшие сдвиги в составе крови и т. п.), которые, воспринимаясь чувствительными нервными окончаниями,

поступают в высший отдел мозга, вызывая возбуждение в его нервных клетках. И как резуль-

169

И. П. Павлов
(1849—1936).

тат этого возбуждения, мозг направляет сигналы, побуждающие те или иные органы нашего организма изменить свою деятельность, — усиливается или уменьшается объем дыхательных движений, меняется состав пищеварительных соков, интенсивность работы сердца и т. д.

Но высокая восприимчивость нервных клеток мозга, хотя и является очень ценным биологическим свойством (ведь это именно она обеспечивает ту точность и быстроту приспособления к среде, которая отличает человека и высших животных), имеет свою обратную сторону — обладая столь тонкой чувствительностью, мозговые клетки очень ранимы и хрупки. Как говорил Павлов, им присуща «стремительная функциональная разрушаемость, быстрая утомляемость».

Это проявляется, например, в том, что воздействие чрезмерно сильных или слишком длительных (даже если они слабые или средние по своей силе) раздражителей

170

вызывает в клетках мозга не возбуждение, а прямо противоположный нервный процесс — торможение, когда внешние проявления их деятельности угнетаются. Так, если у собаки выработать условный слюногонный рефлекс на звонок, то слабый звон вызовет у нее меньшее отделение слюны, чем сильный. Но если звук слишком громок, величина ответной реакции станет стремительно уменьшаться. При оглушительном звоне рефлекторный ответ исчезает, то есть из клеток мозга приказа, побуждающего слюнные железы действовать, не поступает. Но это отнюдь не означает, что соответствующие мозговые клетки никак не реагируют на это сверхсильное раздражение. Нет, они отвечают на него, но не возбуждением, а торможением. Процесс торможения охраняет чуткие, ранимые мозговые клетки от чрезмерного перенапряжения, которое может быть для них губительным. За время этого внешне бездеятельного состояния внутри нервной клетки идет активный, жизненно важный процесс — клетки восстанавливают свой нормальный состав, свою работоспособность.

Очень важны для понимания того, с чем мы хотим познакомить читателя дальше, следующие данные исследований И. П. Павлова и его последователей. Все, что ослабляет нервные клетки мозга, все, что понижает их работоспособность, — болезнь, отравление (наркотиками, ядами), переутомление, волнение, нервное потрясение — все это увеличивает их подверженность торможению. Для ослабленной нервной системы раздражители, бывшие прежде сильными, становятся сверхсильными, или, как говорят физиологи, запредельными.

Медленнее, но так же закономерно возникает в нервных клетках торможение и в тех случаях, когда на кору мозга действуют раздражения слабые, безразличные (то есть не имеющие условного значения), но часто и длительно повторяющиеся.

Торможение и возбуждение не стоят на месте — это процессы движущиеся. Возникнув в том или ином участке коры больших полушарий, они могут распространиться по всей коре и даже спуститься на нижележащие отделы мозга. Пространство, занятое торможением, бывает различным по широте и глубине. Здесь и нашла свою разгадку природа сна.

Оказалось, что обычный ночной сон представляет собой разлившееся по мозгу торможение, охватившее кору

171

больших полушарий, а при глубоком сне — спустившееся на нижележащие отделы головного мозга. В состоянии торможения корковые клетки слабо или вовсе не отвечают на внешние воздействия. Поэтому-то обычно во время глубокого сна человек не реагирует на шум, разговор, яркий свет. Но если эти раздражения станут чересчур сильны, то они воспринимаются и пробуждают спящего.

Когда создаются условия, способствующие развитию тормозного процесса в мозгу, торможение переходит в сон. Это и происходит, например, при действии однообразно повторяющихся слабых и средних раздражителей — тихий шум ветра, перестук колес поезда, тиканье часов, монотонная речь, негромкое однообразное пение. Если устранить сразу многие раздражения из окружающей обстановки — прекратить шум, убрать резкое освещение и т. д., то и это может вызывать сон. Из рассказанного о торможении нам понятно, почему повышение потребности во сне вызывают те же причины, которые снижают работоспособность мозга: утомление, истощение, перенесенная операция или инфекция, отравление. Например, у человека под влиянием большого количества раздражений, падающих на мозг в течение дня, к вечеру развивается утомление, а с ним и сонливость, свидетельствующая о повысившейся тормозимости клеток мозга, о настойчивой потребности их в отдыхе. Во время сна работоспособность огромной массы мозговых клеток восстанавливается.

И. П. Павлов с самого начала исследований, посвященных природе сна, понял их значение для решения «загадок» гипноза. В 1910 году, подводя итоги начавшихся опытов по изучению сна, он заявил: «Я убежден, что на этом пути — и не зэ горами трудностей, лежит разрешение остающихся до сих пор темными явлений гипноза и других ему родственных состояний».

В раскрытии же механизмов тесно связанного с ним словесного внушения важнейшую роль сыграло развитое И. П. Павловым представление о слове как о «сигнале сигналов». Остановимся коротко на этом вопросе.

Кора мозга чутко отвечает на поступающие по нервным волокнам сведения обо всем, что действует на организм извне, посылая к внутренним органам приказы, заставляющие их приспособлять свою работу к внешним обстоятельствам. Всевозможные изменения внутри организма в свою очередь действуют на мозг, так или иначе

172

вливая на его работу. Во всем этом неизменно участвуют условные рефлексy.

Вот мы зимой вышли из теплого помещения на улицу. И сейчас же в нашем организме разворачивается целая цепь изменений. Холод раздражает чувствительные к нему нервные окончания, которых так много в коже, слизистой оболочке рта, трахей и легких. Сигналы об этом раздражении бегут по нервным волокнам в мозг. В ответ кора больших полушарий пускает в ход ряд приспособительных реакций, уменьшающих теплоотдачу и увеличивающих количество вырабатывающегося в организме тепла. Эта перестройка совершается так быстро, что температура тела не успевает упасть, как теплообмен организма оказывается приспособленным к изменившимся условиям.

Организм может приспособиться к холоду и без непосредственного действия охлаждения: сам вид снега может по механизму условного рефлекса, как по цепочке, пустить в ход весь ряд приспособительных изменений.

Для того чтобы понять природу внушения, интересно и важно то, что подобное же действие могут оказать и просто слова «мороз», «снег», «иней» и т. д.

Вы, вероятно, замечали, что стоит кому-то одному из входящих в помещение сказать «здесь холодно», как и другие зябко поежятся, поплотней застегнутся, а у некоторых может выступить даже «гусиная кожа». На самом же деле тут может быть достаточно тепло, ощущение же холода возникает, как ответ на действие слова. Каждый испытал на себе: попробуй кто-нибудь упомянуть об особенно любимом нами блюде, и, что называется, «слюнки потекут» — начнется усиленное слюноотделение.

Слово глубоко действует на наш организм не только, когда его произносит кто-нибудь другой, но

и в тех случаях, когда оно мысленно возникает в нашем собственном мозгу, вызывая в сознании те или иные образы. Часто одно лишь воспоминание о каком-нибудь волнующем событии заставляет сильнее забиться сердце, вызывает слезы, учащает дыхание и т. п.

Все эти примеры — простые житейские наблюдения. А вот и точные научные факты, объективно зарегистрированные специальными приборами.

Физиологи изучали сосудистые рефлексы у человека, отмечая длительность, величину и другие особенности ответа кровеносных сосудов на различные раздражители —

173

тепло, холод, жар, боль и т. д. Руку испытуемого помещали в специальный прибор — плетизмограф, записывающий изменения ее объема. Объем этот зависит от расширения или сужения проходящих в руке кровеносных сосудов. Если сосуды руки сужаются, объем ее уменьшается. Приборы фиксируют это изменение: уровень записывающей кривой — плетизмограммы — снижается. Но попробуйте опустить руку в горячую воду — и сосуды расширятся, уровень плетизмограммы поднимется.

В ходе экспериментов исследователи много раз записывали сосудистый рефлекс на тепло и холод. К руке испытуемого прикладывают колбу со льдом — и *сосуды* сужаются, прислоняют колбу с теплой водой — они расширяются. Но вот экспериментаторы ставят другой опыт. Не поднося никакого сосуда к руке, просто говорят: «Даю тепло». И что же? Кривая плетизмограммы послушно ползет вверх, показывая тем самым, что сосуды расширились. Произносят: «Даю холод», «Даю болевое раздражение» — плетизмограмма идет вниз, повторяя форму кривой на холодное и болевое раздражение. Так совершенно точно и беспристрастно (а мы уже знаем с вами, что в науке это соответствует понятию «объективно») доказывалось, что слово может *заменить* реальный раздражитель.

Читатель уже имел возможность узнать, что еще более глубоко и сильно действует слово, когда оно обращено к человеку, находящемуся в состоянии гипноза.

Тысячелетиями тот факт, что слово, нечто невесомое и на первый взгляд вообще как бы нематериальное, способно производить вполне материальные, заметные сдвиги в деятельности организма, казался людям непостижимым чудом.

В учении И. П. Павлова он нашел простое физиологическое объяснение.

Слово действует по принципу условного рефлекса, или временной связи. Только реакция человека на слово является рефлексом более сложного, высшего порядка, чем другие условные рефлексы.

И. П. Павлов называл слово «сигналом сигналов». Если обычный условный раздражитель, сигнал — предвестник безусловного, жизненно важного *для* организма раздражителя, то слово для человека — сигнал всех и всяческих раздражителей внешней и внутренней среды.

174

В течение жизни человека все его широчайшие ощущения и впечатления от окружающей действительности, от его собственной внутренней жизни, все ощущения от деятельности внутренних органов и т. д. связываются со словами.

Еще не умея говорить, ребенок при слове «мама» ищет глазами мать. Но вот начинается обучение его речи: взрослые показывают и тут же называют ему окружающие предметы. После ряда повторений, например, если несколько раз показывать ребенку лампу и называть ее, в коре мозга ребенка устанавливается прочная условная связь между звуком слова «лампа» и ее образом. Это замыкание происходит так же, как и при выработке условного рефлекса. Слово «лампа» становится для ребенка сигналом этого предмета. Слыша его, ребенок ждет, что сейчас появится и сама лампа.

Речь нерасторжимо связана со всеми проявлениями человеческой психики. В словах мы выражаем наши мысли и чувства, желания и стремления. Известно, что чувства больше, чем все остальные проявления психической жизни, связаны со многими внешними и внутренними сдвигами в деятельности организма. Поэтому так велика сила слова, окрашенного чувством. Особенно действенна устная речь, когда мы видим того, кто говорит, его мимику, жесты, слышим голос, обогащенный эмоциональными интонациями.

Воздействие на людей — главная роль речи. Словом можно воодушевить человека, поднять его жизненный тонус, волю, настроение; но словом же можно, иногда даже вовсе не желая этого, обидеть, причинить боль, лишить уверенности в своих силах, как говорят, морально убить. Не зря во всех языках мира существуют народные поговорки о силе слова. Русские пословицы говорят: «Слово не стрела, а пуще стрелы», «Слово не обух, а от него люди гибнут», «Язык мал, великим человеком ворочает», «Языком, что рычагом». Ласково говорят у нас о великой силе доброго

человеческого слова: «Теплое слово два лета греет».

Между психическим, душевным, состоянием и телесным, физическим, здоровьем существует самая прямая, самая тесная связь. Древние жители Спарты говорили: «В здоровом теле—здоровый дух», но с не меньшим правом можно сказать: бодрый дух — лучший страж здо-

175
ровья. От духовной целеустремленности, силы воли, уравновешенности и жизнерадостности человека зависят не только умственная и физическая работоспособность, но и сопротивляемость болезням и другим неблагоприятным воздействиям.

Медицина знает множество заболеваний, возникающих под влиянием вредных воздействий на психику. Например, как результат нервного потрясения или длительных переживаний. Для неисчислимой массы случаев других заболеваний справедливо сказать, что они могли бы не возникнуть у данного человека, если бы в момент действия на него холода, излишней сырости или инфекции его психика была уравновешена. Точно так же любой недуг протекает легче и шансы на выздоровление выше, когда больной бодр и душевно спокоен.

Во всем этом трудно переоценить великую силу слова, словесного общения между людьми. Подлинно товарищеское отношение, дружелюбие, вежливость, чуткость^ словах и делах должны быть законом нашей жизни. Это верные хранители душевного равновесия, а следовательно (как согласно свидетельствуют физиология и психиатрия), здоровья и долголетия.

Итак, слово — главное средство общения людей — с огромной силой влияет на мысли, чувства и поведение человека, на жизнедеятельность его организма, всех органов и систем. Невесомое и неизмеримое слово действует на психику, как вполне материальный фактор.

Теперь, когда мы познакомили вас с учением Павлова о сне, торможении и слове, мы переходим непосредственно к рассказу о раскрытии природы гипноза.

В 1925 году была завершена работа сотрудника И. П. Павлова, доктора Б. Н. Бирмана, специально посвященная изучению гипноза. Заключалась она в следующем. У двух очень живых, совсем не склонных к сонливости собак вырабатывались условные рефлексы на 23 разных по высоте звука фисгармонии. Вслед за звучанием 22 из них никакой еды собаки не получали и только после одного тона — do2sg — им всегда давали корм. На языке физиологов эти опыты называются выработкой дифференцировки. Не давая еды при звучании 22 тонов и давая ее лишь при одном, собаку тем самым приучали различать (дифференцировать) раздражители. Вскоре у собак выработались нужные рефлексы: они приветство-

176
вали тон do256 и оставались равнодушны к остальным 22 тонам. Выяснилось и вот что: при многократном повторном звучании не обещающих обеда тонов собаки впадали в неодолимый сон. Сон настолько глубокий, что никакие оклики, пинки, посторонние звуки, уколы булавкой и т. п. не могли их пробудить. И лишь только тон do256 оказывал на собак «волшебное» действие — он один будил их, будил мгновенно при едва слышном звучании. Проснувшиеся животные радостно виляли хвостом, с удовольствием брали протянутую еду, «слюнили», как будто это и не они вовсе спали до того так крепко, так непробудно. Нетрудно заметить огромное сходство этого экспериментального сна собак с состоянием гипноза, с явлением так называемого гипнотического раппорта. Загипнотизированный точно так же остается безразличен ко всему окружающему, кроме одного раздражителя — звука голоса гипнотизирующего.

Такой крепкий частичный сон с бодрствованием ограниченного участка коры мозга (И. П. Павлов метко и образно назвал этот участок «сторожевым пунктом»), клетки которого сохраняют возможность избирательно реагировать лишь на определенные раздражения, и является физиологической основой гипноза. Сохраняющийся в заторможенном, спящем мозгу возбужденный «сторожевой пункт» обеспечивает возможность гипнотического раппорта.

В предисловии к изданию этой работы Иван Петрович писал: «Настоящая экспериментальная работа д-ра Б. Н. Бирмана значительно приближает к окончательному решению вопрос о физиологическом механизме гипноза. Еще две-три добавочных черты, и в руках физиолога окажется весь этот механизм, так долго остававшийся загадочным, окруженным даже какой-то таинственностью».

Гипноз—частичный сон, таков вывод И. П. Павлова.

Еще до того доктор Л. Н. Воскресенский, изучая процесс засыпания и пробуждения животных, подметил такой интересный факт. Собака засыпает постепенно, поэтапно, причем каждый из этапов перехода от бодрствования к частичному, а затем и к полному сну отличается характерным

сочетанием особенностей поведения. У бодрой собаки при виде зажегшейся лампочки выделяется слюна (как принято было говорить в павловских лабораториях — она «слюнит»), так как заранее у нее был выра-

Павловская Башня молчания.

ботан соответствующий условный рефлекс), и она рьяно набрасывается на еду. На первом этапе засыпания она продолжает рваться к пище, но уже больше не «слюнит». На втором этапе, то есть уже несколько при более глубокой дремоте,

«слюнит», но зато не обращает никакого внимания на подставленную ей чашку с пищей. На третьем этапе, в глубоком сне, исчезает и та, и другая реакция — животное не «слюнит» и не берет еды. А при постепенном пробуждении все это следует в обратном порядке.

Помощница Павлова, Мария Капитоновна Петрова, выяснила, что сама двигательная реакция собаки на пищу в процессе засыпания тоже исчезает не сразу, а постепенно, поэтапно. Вначале засыпающая собака свободно берет в рот пищу, но можно заметить, что язык у нее начинает высовываться из рта и свисает, как парализованный. Затем ослабляется деятельность жевательной мускулатуры, собака с трудом двигает челюстями, хотя легко наклоняет голову к еде. Далее она начинает поворачиваться к кормушке всем туловищем, так как парализованными уже оказываются и мышцы шеи. Потом собака перестает совершать вообще какие-либо движения, иногда надолго застывает, словно окаменевшая. И, наконец, погружается в полный, глубокий сон.

Стало ясно, что такое многообразие форм частичного сна, наблюдающееся при переходе от бодрого, деятельного состояния к полному сну, вызвано совершенно определенным процессом, а именно постепенным разлитием по поверхности мозга и его глубинам торможения. Торможение захватывает вначале одни, потом другие участки мозга,

178

задерживая проявление их деятельности. Между ними сохраняются участки совершенно бодрые, неспящие. Во время этого частичного, неполного сна картина мозга напоминает как бы мозаику. И эта мозаика все время находится в движении.

В этих опытах нашли свое объяснение многообразие форм гипнотического состояния и изменчивость его картин на протяжении одного и того же сеанса гипноза.

В работах сотрудников лаборатории И. П. Павлова получила физиологическое истолкование уже известная нам каталепсия.

И. П. Павлов установил, что каталепсия есть результат охвата торможением двигательной области коры мозга без угнетения его нижележащих отделов. В этих отделах мозга имеются центры равновесия, то есть рефлексов, обеспечивающих уравнивание частей тела в пространстве. Конечно, эти центры функционируют и в обычном, бодром, состоянии человека и животных, но при этом их деятельность всегда замаскирована огромной массой произвольных движений. В гипнозе же, когда затормаживается кора и благодаря этому исчезает возможность произвольных движений, на первый план ярко выступает активная деятельность центра равновесия. Вот почему на известной стадии гипноза гипнотизируемому можно придать любую, даже самую неудобную позу, которую он сохраняет длительное время без заметных признаков утомления.

Застывшие фигуры молящихся, часами сохраняющих одну и ту же позу, не что иное, как следствие каталепсии, одно из проявлений гипнотического состояния, развившегося у них при сосредоточении внимания на бесконечном повторении однообразных молитв.

Самым сильным ударом по мистике были опыты по изучению различных раздражителей, вызывающих гипнотический сон.

Собаки погружались в гипноз, когда создавались условия для медленного, постепенного их засыпания и пробуждения. Для возникновения гипнотического состояния оказалось необходимым то же, что и для наступления сна, а именно условия, способствующие возникновению и распространению коркового торможения. Читатель помнит, что так действуют и внезапные, чрезмерно сильные или необычайные раздражители и раздражители слабые,

179

когда они длительно, однообразно, ритмически повторяются. Благоприятствует этому отсутствие в окружающей обстановке излишних возбуждающих моментов.

Сопоставляя условия гипноза у животных с известными способами гипнотизации человека, И. П. Павлов писал: «Процедура гипнотизирования людей вполне воспроизводит описанные условия у животных. Ранний классический способ гипнотизирования — это так называемые пассы, то есть слабые, однообразно повторяющиеся раздражения кожи, как в наших опытах. Теперь постоянно применяющийся способ — повторяющиеся слова (к тому же произносимые в минорном однообразном тоне), описывающие физиологические акты сонного состояния... Наконец, гипнотизирование истеричных, по Шарко, достигается сильными неожиданными раздражителями, как в старом способе гипнотизирования животных... Как у животных, так и у людей большинство гипнотизирующих приемов тем скорее и вернее приводят к цели, чем они чаще применяются».

Теперь нашему читателю понятен тот известный факт, что особенно легко и быстро развивается гипноз у людей с ослабленной нервной системой, с ослабленной корой больших полушарий мозга. На предыдущих страницах мы познакомились с тем, что раздражители, сильные для нормальной коры, становятся сверхсильными, вернее непосильными для ослабленных корковых клеток. Такие раздражители вызывают охранительное торможение, которое, распространяясь по мозгу, создает картину различных стадий гипноза.

Пониженная работоспособность, слабость клеток коры (столь характерная, например, для больных истерией) может быть и врожденной и приобретенной, то есть порожденной неблагоприятно сложившимися жизненными обстоятельствами или всякого рода иными вредными воздействиями (длительными или острыми тяжелыми переживаниями, отравлением наркотиками, переутомлением, голоданием, недосыпанием и т. п.).

Попробуем, читатель, с позиций рассказанного в этой главе проанализировать те способы творить чудеса, с которыми мы познакомились в первых главах книги.

За три дня до камлания перестает притрагиваться к пище шаман. Перед самым началом церемонии он пьет водку или выкуривает трубку крепчайшего табака, или

180

окуривает себя и других во время самого камлания дымом тлеющего богульника. Он нараспев произносит однообразные призывы к духам, монотонно, ритмично, не переставая, бьет в бубен, иногда пускаясь при этом в неистовую пляску.

Странствует, почти без сна и пищи, постоянно бичуя себя, африканский маг-прорицатель, жаждущий общения с всезнающими «амадлози» — духами жизни.

Собравшись в душном индлу и крепко сцепившись руками в общий круг в безудержном танце, сопровождаемом пением и оглушительным строго ритмичным грохотом консервных банок и камешков, бьющихся о стенки бутылочной тыквы, зовут к себе воинственного духа Тиксо юноши кафры.

Ревностно повторяя заклинания и подолгу, пристально смотря в зеркала, не переставая вдыхать испарения «священных» (содержащих наркотика) трав, ждут вестей из потустороннего мира предсказатели африканского племени ашанти.

Всю свою жизнь посвящает упражнениям, цель которых достичь умения общаться с силами, стоящими над природой, индийский йог. Он действует в соответствии со строго разработанной системой, охватывающей все стороны жизнедеятельности человека. Постится и недосыпает, умеет произвольно задерживать дыхание и часами цепенеть в неподвижности, старается не слышать и не видеть, не чувствовать и не желать. Он сосредоточивает все свои мысли на божестве, стремясь лишь к полному с ним слиянию.

Чтобы не повторяться, мы не станем перечислять приемы, используемые колдунами племени бодо, они очень похожи на то, что проделывали шаманы.

Навязчивый, все убыстряющийся ритм музыки и пляски (и, не исключено, также предварительный прием наркотика) умело используют брахманы южного Малабара, желая заставить злых духов вселиться в молодых девушек, посвящаемых богу погоды и урожая.

Утомлением взора, устремленного на ослепительно сверкающий предмет, ритмичными касаниями

рук, словесным внушением, монотонным речитативом заклинаний жрецы древнего Египта погружали в искусственный сон мальчиков, устами которых должны были заговорить сами боги. Измученные палящим жаром, одурманенные угаром,
181

подымающимся от горячих углей, истощенные предварительным постом и молениями, ведомые стариком-священнослужителем, пересекают дымящийся ров желающие принять посвящение бонисты. Заунывное пение и музыка сопровождают этот ужасающий душу каждого разумного человека марш.

Ни в чем не уступали индийским йогам в усердных стараниях слить свою душу с богом аскеты иссихасты. И здесь посты, бдения, непрерывные однообразные молитвы, задержанное дыхание, молчание, неподвижность, сосредоточение.

Анализ остальных примеров мистических чудес, о которых мы рассказали в первой половине нашей книги, мы предоставляем нашим читателям. Теперь вы без труда сможете отыскать в нескучающей на эффекты то блистательно-пышной, то подчеркнуто мрачной обстановке богослужебных обрядов и таинств мистиков те приемы и средства, которые по сути своего воздействия на нервную систему исполнителей и участников представляют собой условия, вызывающие развитие коркового торможения и способствующие его распространению, или (что то же самое) условия гипнотизации. Состояние гипноза может быть разным по глубине и различным по формам проявления. Ведь торможение, как мы установили, представляет собой процесс, не стоящий на месте, процесс, склонный разливаться, двигаться по коре мозга, распространяясь и на другие его отделы. Здесь и находит свое объяснение тот факт, что состояние гипноза, возникающее у некоторых участников всех этих многоликих обрядов, бывает по своему внешнему выражению весьма различным. Иными словами, физиологическую основу всех этих внешних различий составляют характерные для гипноза различия в рисунках мозаики торможения и возбуждения в коре мозга, в широте и локализации этих процессов. Эта мозаика может состояться в каждом случае из по-иному расположенных плиток, но существо развивающихся у всех этих лиц состояний одно и то же — это разные по глубине и форме проявления состояния гипноза.

Картина еще усложняется тем, что торможение во время гипноза может быть различным не только по распространенности, не только по локализации, но и по своей силе, по своей глубине. На этом вопросе надо остановиться подробнее, так как именно в нем таится объяснение

182

еще очень многих прежде совершенно непонятных чудес гипноза.

Известно, что в бодрствующем состоянии корковые клетки отвечают на раздражения прямо пропорционально силе раздражителя: на сильное раздражение — сильный ответ, на слабое — слабый. Житейских примеров такого соответствия между силой раздражения и величиной ответной реакции можно найти немало. Вот самый простой. Если негромко постучать по столу, то реакция людей на этот стук будет небольшая — один повернет голову в направлении раздавшегося звука, другой спросит: «В чем дело?», третий только вопросительно посмотрит. Но если те же люди услышат грохот упавшего невдалеке рельса или пронзительный вой паровой сирены, то реакция будет, конечно, значительно сильнее. Одни, особенно чувствительные, могут вскрикнуть, другие бросятся бежать, третьи вздрогнут и зажмут уши руками.

Точно такое же соответствие силы раздражителя и ответа было получено и в опытах на неспящих собаках. Но когда создавались условия для возникновения в коре мозга собак торможения, оказывалось, что эта пропорциональность исчезала, причем исчезала постепенно. Процесс проходил ряд стадий, которые Павлов назвал гипнотическими фазами.

При первой фазе — уравнивающей — ответы нервной клетки на сильные и слабые раздражители становились равны между собой. Во второй — парадоксальной — фазе ответ клетки на слабый раздражитель оказывался большим, чем на сильный.

В фазе полного торможения корковые клетки перестают отвечать на все — и слабые, и средние, и сильные — раздражения. Собаки, у которых клетки коры больших полушарий оказываются в этой фазе, не отвечают ни на какие раздражители.

Торможение в клетках коры мозга человека можно обнаружить, например, исследуя реакции его кровеносных сосудов на те или иные раздражители. При полном торможении сосуды руки перестают отвечать даже на очень сильные раздражения — уровень плетизмограммы остается неизменным. Если к руке глубокозагипнотизированного прикладывают колбу с горячей водой (65° С) или сильно звонят в звонок, то никакой реакции сосудов руки на эти раздражения нет.

Уровень плетизмограммы не изме-
183

няется. Мало того, сам испытуемый на заданные ему вопросы: «Чувствовали ли вы горячее на вашей руке? Слышали ли вы звонок?» — отвечает: «Ничего не чувствовал. Ничего, кроме вашего голоса, не слышал». Об этом, между прочим, свидетельствует и его мимика: лицо сохраняет во время даже сильных воздействий безмятежное, спокойное выражение.

В этом и находит свое объяснение та удивительная нечувствительность к боли от ожогов и порезов, которая наблюдается у шаманов, магов и колдунов, доведших себя плясками, шумом бубна и дымом курения до исступления, бесчувственность йогов к любым посторонним раздражениям во время сна и многие другие подобные формы отсутствия реакции на сильные внешние воздействия, о которых мы уже писали. Из-за незнания их естественных причин тысячелетиями казались они людям чудом. Точные исследования, поставленные с помощью метода условных рефлексов, вскрыли их внутренние физиологические причины, не оставив никакого места мистическим домыслам в этом вопросе.

В гипнозе многое из того, что раньше казалось столь непонятным и загадочным, теперь легко объясняется особенностями тех или иных гипнотических фаз.

Эстрадные гипнотизеры часто демонстрировали публике следующее чудо: человеку дают сырую картофелину, а говорят, что он ест грушу. И он действительно ощущает вкус не картофеля, который находится у него во рту, а вкус груши. Публика в восторге следит, как он с явным удовольствием жует эту мнимую грушу.

Как это объяснить?

Слово, обозначающее данный предмет или явление, вызывает в мозгу человека соответствующее представление. Под влиянием такого представления могут произойти глубокие изменения в деятельности внутренних органов. Непосредственно воспринимаемый предмет или явление оказывают на мозг человека более сильное действие, чем словесное обозначение: есть яблоко или читать описание его в книге — дело разное.

Положение меняется в корне, если мы обращаем слово к человеку, находящемуся в глубоком гипнозе. В этом случае наш словесный сигнал попадает в нервные клетки мозга, которые могут находиться в этот момент в парадоксальной фазе, и слово, будучи слабым раздражителем,

184

окажет тогда более сильное воздействие, чем непосредственный раздражитель.

Позже многими последователями И. П. Павлова в нашей стране были поставлены опыты, прямым образом доказывающие возможность извратить словом ответ организма на реальный раздражитель. Исследователи поочередно прикладывали к руке человека то лед, то теплую воду. Кровеносные сосуды руки реагировали в первом случае сужением, а во втором — расширением. Это отражалось на плетизмограмме, уровень которой то падал, то повышался. Затем испытуемого погружали в состояние гипноза. На руку, помещенную в плетизмограф, ставился сосуд с теплой водой (+45° С), но загипнотизированному говорили, что на руку положен лед. И что же? Плетизмограмма показывала сужение сосудов, то есть реакцию, характерную для действия холода.

Слово приобретает могучее влияние на организм человека, находящегося в гипнозе, также и потому, что в гипнозе все другие раздражения, кроме слов гипнотизера, не осознаются гипнотизируемым. Вследствие этого слова гипнотизирующего приобретают особенно большую, неодолимую силу действия.

Например* загипнотизированному, помещенному под экран рентгеновского аппарата, внушают, что он в данный момент ест противную пищу, вызывающую тошноту. Чаще всего это производят в лечебных целях с лицами, страдающими хроническим алкоголизмом. Гипнотизирующий внушает им ощущение водки во рту и тошноту на ее специфический вкус и запах. На экране рентгеновского аппарата ясно видно, как не получивший никакой пищи желудок совершает характерные рвотные движения.

Прежде чем рассказывать о том, что же такое, по Павлову, представляют собой внушение и самовнушение, мы должны, не вдаваясь в подробности, ибо это снова надолго вернуло бы нас к изложению общих законов деятельности высших отделов мозга, остановиться еще на одном свойстве торможения. Опыты показали, что сосредоточенный в каком-либо участке коры мозга процесс возбуждения вызывает вокруг себя торможение. И наоборот, сосредоточенное торможение вызывает вокруг себя возбуждение. Это явление, называемое взаимной индукцией, имеет прямое отношение к физиологической основе внушения и самовнушения.

185

Сильное воздействие слова или собственной мысли, а также волнующее, действующее на воображение впечатление вызывает в мозгу человека возбуждение. Сосредоточенное в каком-либо месте коры, оно развивается вокруг себя, как мы только что говорили, тормозной процесс. При здоровой, сильной коре этот процесс далеко не распространяется. Но если нервная система человека чем-либо ослаблена (иначе говоря, нервные клетки повышено тормозимы) или если человек погружен в состояние гипноза, тогда это торможение широко расплывается по коре, отрывает участок возбуждения от всей остальной массы корковых клеток и тем лишает его необходимых связей с ними. А эти-то связи и обеспечивают то, что мы называем контролем разума. Ведь обычная психическая деятельность осуществляется корой мозга как единым целым, как огромным комплексом временных связей, ассоциаций, представлений и т. п. Внушенная, а также самовнушенная мысль или чувство, будучи оторваны от всех этих необходимых влияний остальной коры, приобретают вследствие этого особенно большую, прямо-таки неодолимую силу воздействия на мозг человека, на его поведение и деятельность организма.

Отсюда понятна та повышенная впечатлительность к внешним словесным воздействиям и к собственным мыслям и переживаниям, которая свойственна человеку, находящемуся в гипнотическом состоянии, а также людям с ослабленной нервной системой, и в частности больным истерией.

Точные опыты, результаты которых зафиксированы специальными приборами, показывают, что в основе внушения и самовнушения лежат материальные процессы, совершающиеся внутри мозга под влиянием внешних воздействий. Объективные эксперименты сорвали последние остатки покрова таинственности и сверхъестественности с таких явлений, как «видение» и «слышание» духов и других небесных сил, «озарения», «откровения свыше», «чудесные исцеления» и т. п.

Вспомним, что предшествовало обычно такого рода явлениям, и мы всюду обнаружим целый сонм причудливых гипнотизирующих приемов и средств, усыпляющих разум. Чтобы достичь чудес, использовались и сильные словесные внушения, и яркие, устрашающие эффекты, бьющие на чувства и воображение людей, нервная систе-

186

ма которых часто и без того была ослаблена систематическими постами и бдениями. Чего там только не было — грохот барабанов, наркотики, жар углей, пение и пляски, сверкание ламп и речитатив заклинаний. В этих условиях ложные восприятия внушенных и самовнушенных «образов» и «голосов», порожденные особенностями деятельности заторможенного, загипнотизированного мозга, из-за невозможности отнестись к ним критически казались этим людям неоспоримой реальностью.

Страстные приверженцы религии, независимо от того, каким именем называли они того, кому поклонялись — Христом или Брамой, Аллахом или Йеговой, не щадили себя в мучительных поисках «богообщения». Они слепо верили в то, что, испытывая «видения» и «озарения», смертный общается с богом, который открывает таким путем избранныкам «божественные истины». Горячие поклонники иных форм мистики, таких, как спиритизм, месмеризм, предпринимали отчаянные попытки призвать «духов», в жажде познать подобным способом «высшие, сокровенные» тайны бытия.

Но наука ясно и неопровержимо доказала, что все эти способы «познания» истин и тайн были лишь жалким самообольщением. Дошедший до состояния религиозного экстаза, одурманенный и оглушенный всеми этими приемами человек принимал страстно желаемое за действительное. Ему казалось, что он «видит» и «слышит» богов и духов. К этому был направлен весь убийственный арсенал ослабляющих и угнетающих мозг воздействий, которые всегда имели место в подобных случаях.

Острое чувство горького сожаления испытываем мы при мысли о людях, переносящих все эти вредные воздействия ради того, чтобы «удостоиться», как у них принято говорить, «благодати».

Нет! — говорим мы. — Это не благодать, а зло, часто непоправимое. Это бесцельное разрушение мозга — великолепного, сложного и тонкого инструмента, с помощью которого мы воспринимаем и познаем окружающий нас мир.

МЕДИЦИНА ЛЕЧИТ ГИПНОЗОМ

Нож, трава и слово

Поистине безграничны возможности современной медицины. Необозримо богат арсенал ее лечебных средств. Выдающиеся достижения физики и химии, электроники и кибернетики приняты на ее вооружение. Даже приблизительно невозможно охватить то колоссальное количество новых лекарственных препаратов, найденных в природе или искусственно созданных,

которыми современные врачи воздействуют на болезни. А как изощрились методы хирургического лечения! Насколько усовершенствовались и все другие приемы, способы, системы и методы, с помощью которых врач противостоит самым тяжелым и злокачественным болезням! И это обилие возможностей из года в год совершенствуется, претерпевает дальнейшие изменения и усложнения.

Но одно все же остается старым: деление медицины на три основных вида, по характеру воздействия, на три кита, на которых она стоит — нож, трава и слово.

Это было осознано уже тысячи лет назад, когда Гиппократ и Гален наставляли учеников, когда Авиценна писал знамени-

188

тый «Канон врачебной науки» и, наконец, когда, уже в XVI веке, рука Парацельса начертала слова, ставшие крылатыми: «Надобно вам знать, что воздействие воли — немалая статья во врачевании».

Наверно, нашим читателям понятен смысл, вложенный в название рукавов, на которые распадается река медицины:

Нож — хирургия, Трава — лекарства, Слово — психотерапия.

Итак, мы видим, что возможности психического лечения, возможности внушения, влияния словом на болезненные состояния понимались медициной с самого ее возникновения.

И дальше на всех этапах истории науки врачевания можно встретиться с тем же отношением к словесному, к психическому воздействию в лечебных целях, как к очень мощному и существенному звену медицины. И все это уже было задолго, за тысячелетия и столетия до того, как психотерапия оформилась в самостоятельную отрасль медицины, со своими выдающимися представителями, школами, направлениями.

В предыдущей части, рассматривая историю развития взглядов на гипноз, мы одновременно познакомили вас с зарождением научной психотерапии, так что повторение здесь истории вопроса будет излишним.

Давайте лучше познакомимся с современным обликом древнейшего оружия врачевания — слова.

Давайте познакомимся с тем, как работают врачи психотерапевты.

Под психотерапией понимается комплексное лечебное воздействие на психику больного. Сюда относится беседа, которую ведет врач со своим больным, желая успокоить его, рассеять излишние, необоснованные опасения за здоровье, страх перед предстоящей операцией, тревогу перед якобы ожидающими его осложнениями и т. д. Сюда надо отнести обстановку, которая окружает больного в лечебном учреждении. Светлые, полные свежего воздуха палаты, радующие глаз порядок и чистота, чуткое и заботливое внимание со стороны медицинского персонала — от профессора до няни — вселяют в больного надежду и уве*

189

ренность в благополучном исходе болезни и умножают, его силы в борьбе с нею.

В ряде своих трудов И. П. Павлов учил врачей верно использовать такие мощные психотерапевтические средства, как общий режим в отделениях, тишину в палатах, внимательный и участливый уход, за больными и т. п. «Медицина, — писал И. П. Павлов, — в случае почти всех болезней хорошо знает, что первая терапевтическая мера — покой подвергшегося заболеванию органа» и «надо ждать очень значительного увеличения процента выздоровления, если к физиологическому покою посредством торможения присоединить нарочитый внешний покой».

После того как мы разобрали в свете учения И. П. Павлова физиологическое воздействие слова, нам становится понятным, как оно при правильном его использовании может превратиться в сильнейший лечебный фактор, а при неосторожном, непродуманном и неуместном употреблении может принести существенный вред.

Нарушение принципов психотерапевтического подхода к больному иногда приводит к возникновению так называемых иатрогений, то есть заболеваний, обязанных своим происхождением неосторожному, чересчур резкому или излишне подробному специальному заключению врача о тяжести болезненного состояния, сделанному в присутствии самого больного. Не разобравшись в существе услышанных им слов, больной начинает усматривать что-то чрезвычайно опасное, даже грозящее жизни в своем заболевании. Такие необдуманные замечания со стороны врача и медицинского персонала иногда приводят к возникновению самостоятельного заболевания, проявляющегося в повышенной мнительности и страхах больного за свое здоровье.

В советской медицине, основанной на учении И. П. Павлова, немыслим хороший и чуткий врач, который строит свои взаимоотношения с больным, без учета психотерапевтического подхода к

нему, индивидуальных особенностей его нервной системы, его характера. Отношение людей к заболеванию различно. Есть такие, которые, будучи даже тяжело больными, недооценивают серьезности своего состояния и тем самым могут нанести себе большой вред. Другие, наоборот, являясь по существу легко больными, чрезвычайно тяжело и обостренно переносят факт заболевания, у них развивается большая

190

мнительность, и они заранее склонны представлять себе свое положение в самом мрачном свете. Как в первом, так и во втором случае долг врача тактично, но в то же время твердо и настойчиво разъяснить больному, в чем заключается неправильность его отношения к болезни, чем опасна для него как недооценка, так и переоценка болезненного состояния.

Принято деление психотерапии на общую психотерапию, психотерапию в широком смысле слова и на частную, специальную психотерапию. Психотерапия в широком смысле слова, как мы уже упомянули выше, охватывает всю область взаимоотношений, складывающихся между больным и медицинским персоналом. Она должна составлять тот фон, ту атмосферу, которая окружает больного, находящегося в медицинском учреждении.

Естественно, что общей психотерапии отводится в известном смысле слова вспомогательная роль. Основным здесь является лечение с помощью лекарств, физиотерапевтических процедур, оперативных вмешательств и т. п.

Помимо нее существует специальная, или частная психотерапия, которой по преимуществу занимаются врачи психоневрологи-психотерапевты. В работе этих врачей лечение психотерапевтическими факторами, среди которых по праву первое место занимает лечебное воздействие словом, лечение беседой составляет то основное и первостепенное по значению, чем врач помогает больному. Мы уже говорили, что такое лечение не исключает возможности дополнительного назначения лекарств, физиотерапевтических и иных лечебных средств, но теперь уже они играют вспомогательную роль.

В беседе врач часто ставит перед собой задачу разъяснить больному сущность его заболевания, рассеять возникшие у него необоснованные опасения. Нередко больной говорит о своей болезни с другими людьми, так же не сведущими в медицине, как и он сам. В результате таких бесед у больного складываются ошибочные представления о тяжести имеющегося у него заболевания. Он начинает опасаться всевозможных осложнений, что приводит (по механизму самовнушения) к резкому ухудшению состояния его здоровья. В таких случаях врач в популярной, доступной для данного больного форме излагает причины возникновения его заболевания и указывает пути излечения.

191

Словесное внушение ставит своей целью убедить больного в отсутствии у него тех или иных болезненных явлений, которые он неосновательно себе приписывает, внушить ему отвращение к наркотическим средствам, которыми он злоупотребляет (алкоголь, табак), рассеять, снять навязчивые, необоснованные страхи и мысли, устранить различные истеро-невротические симптомы и т. п.

Помимо изменения в отношении больного к своему болезненному состоянию, словесное внушение должно преследовать цель развития положительных эмоций и здоровых устремлений, направленных на общественно-трудовую деятельность, на заботу о семье, детях и т. д.

Лечебное внушение можно проводить также больному, находящемуся в состоянии бодрствования, и иногда такое внушение приносит хороший терапевтический эффект. Но в ряде случаев для усиления лечебного воздействия и для повышения степени внушаемости перед началом такого лечебного внушения целесообразно погружать больного в гипнотическое состояние, на той или иной глубине которого и проводить лечебное внушение. Целесообразность такой гипнотизации вытекает из положения И. П. Павлова о том, что в гипнотическом состоянии степень внушаемости повышается.

Для погружения в гипнотический сон большое значение имеет обстановка, в которой проводится сеанс гипноза, опытность врача, готовность и желание больного подвергнуться гипнотерапии. При создании соответствующей обстановки и правильном подходе к больному можно привести в глубокое гипнотическое состояние даже таких лиц, которые до того не погружались в гипнотическое состояние.

Врач-психотерапевт всегда помнит об условно-рефлекторном характере возникновения гипнотического состояния, то есть о том, что гипноз возникает по механизму условного рефлекса. Повторение сеансов увеличивает восприимчивость к гипнозу. Так, больной, у которого вначале не

удавалось достичь глубоких стадий гипноза, при повторении сеансов начинает погружаться во все более и более глубокое гипнотическое состояние.

Использование гипнотерапии как лечебного метода доступно каждому врачу. Для правильного и эффективного применения гипноза в лечебных целях необходимо, чтобы врач прежде всего знал, в каких случаях нужно применять

192

гипнотерапию, владел техникой гипнотизирования и был знаком с сущностью гипнотических явлений.

Однако часто еще приходится слышать утверждения о том, что гипнотизировать якобы могут только какие-то особенные люди, как о них говорят, «обладающие гипнозом», какими-то личными особенностями, например черными или зелеными глазами и пр.

Этот сохранившийся еще в наше время предрассудок ведет свое начало от того периода, когда различные чудотворцы и маги старались в своих корыстных целях поселить в людях убеждение, что только они могут заниматься гипнозом. Павловская физиология показала лживость и ненаучность таких вредных выдумок шарлатанов. Гипнотическое состояние могут вызывать все люди, независимо от каких-либо физических или психических качеств или особенностей нервной системы, но для этого они должны знать, как вызвать гипнотическое состояние, в каких случаях его применять и как правильно использовать для лечебных целей. Естественно, что людьми, располагающими этими необходимыми знаниями, могут быть только врачи. Невежественное использование гипнотического состояния может нанести вред подвергнувшимся такой гипнотизации.

Врач, применяющий гипноз в своей лечебной работе, ни в коем случае не уподобляется так называемым гипнотизерам по профессии.

Иногда больные проявляют повышенный, нездоровый интерес к гипнозу. Переоценивая возможности этого вида лечения, они часто обращаются к врачам с просьбой подвергнуть их гипнотерапии. Такое состояние граничит с болезненным навязчивым влечением к этому виду терапии, и его приходится устранять соответствующими разъяснительными беседами лечебного характера. Проведение гипнотического сеанса при данной ситуации явится ошибочным, так как он, не улучшив болезненного состояния, приведет лишь к еще большему обострению болезненного влечения к гипнозу.

Некоторые тяжелые формы истерии при неправильном и неумелом проведении гипноза могут привести к возникновению истерического припадка в момент гипнотического сеанса. С таким состоянием неспециалисту будет трудно справиться.

Из сказанного становится понятным, что для успеш-

193

ного занятия гипнотерапией, помимо общего медицинского образования, требуется достаточная осведомленность в области психиатрии вообще и в области психотерапии в частности.

В Советском Союзе проведение гипноза регламентируется инструкцией Наркомздрава РСФСР от 1926 г., согласно которой гипнотерапией может заниматься только врач. Сеансы гипноза разрешается проводить лишь в условиях лечебного учреждения. Данные о проведенном сеансе заносятся в специальную учетную тетрадь.

Некоторые больные имеют совершенно ошибочное представление о гипнозе. Стремясь подвергнуться гипнотерапии, они в то же время часто испытывают некоторый страх и очень волнуются перед сеансом и во время него, так как ожидают наступления внезапного и скорого сна или какого-то «особого» состояния. Поэтому прежде чем приступить к лечению, врач в специальной разъяснительной беседе успокаивает больного, устраняя ложный страх перед гипнозом.

Приступая к сеансу гипнотерапии, больного усаживают в удобное мягкое кресло или, еще лучше, укладывают на кушетку спиной к источнику света. Поза больного должна быть удобной, ничто не должно стеснять его.

Гипнотизирующий обращается к больному примерно со следующими словами: «Расслабьте мышцы. Лежите совершенно спокойно, старайтесь ни о чем не думать. Внимательно слушайте то, что я вам буду говорить. У вас появляется желание спать. Я начну считать, и по мере приближения к десяти ваше желание спать будет все больше нарастать. Когда я назову цифру «десять», вы заснете». Часто применяется прямое внушение: «Спать! Спите!» Слова произносятся спокойно, с некоторыми паузами, фразы должны быть понятными.

Иногда в начале гипнотического сеанса предлагают гипнотизируемому фиксировать взгляд на

каком-нибудь неподвижном блестящем предмете, обычно на металлическом шарике или кончике молоточка. Одновременно врач проводит вышеописанное внушение сонливого состояния. Поведение человека в гипнозе отличается необычным сочетанием внешне явно противоречащих друг другу черт.

Загипнотизированный неподвижен, глаза его закрыты, дыхание замедленно, равномерно. Если громко постучать — он не услышит, если тронуть его рукой — он не

194
чувствует. Более того, если гипноз глубок, даже очень сильное болевое раздражение — ожог, порез, укол — оставляет его безразличным. Эта полная потеря болевой чувствительности, отмечаемая у глубокозагипнотизированных, позволила Джемсу Брэду и другим хирургам, а также зубным врачам использовать гипноз для обезболивания операций.

Загипнотизированный очень чутко воспринимает каждое, даже очень тихо произнесенное слово гипнотизирующего. И это слово действует на него с удивительной силой. Оно способно вызывать в его организме разнообразные сдвиги. По слову гипнотизирующего врача изменяется работа внутренних органов: появляется усиленное потоотделение, убыстряются или замедляются обменные процессы, увеличивается мышечная деятельность, ускоряется или замедляется работа сердца, изменяется ритм дыхания, перистальтика кишечника. С помощью гипноза у человека могут быть вызваны такие рефлекторные акты, как тошнота, рвота и т. п.

Не реагируя на окружающую действительность, загипнотизированный находится в постоянном контакте (раппорте) с гипнотизирующим. Он отвечает на его, вопросы, продолжая пребывать в гипнотическом сне. Загипнотизированный может выполнять по приказу гипнотизера ряд действий: он встает, ходит по комнате, перекладывает предметы, имитирует мышечные движения, связанные с играми или рабочими процессами. Так, в ответ на внушение: «Вы находитесь в лодке. Гребите!» — загипнотизированный принимает характерную позу гребца и производит руками такие движения, как будто он держит весла и гребет.

И еще одно удивительное свойство: глубокозагипнотизированный может забыть все происходившее с ним во время гипноза.

Наступление гипнотического сна сопровождается также сдвигами в деятельности внутренних органов, сходными с картиной естественного сна. Так, в гипнозе наблюдается падение кровяного давления, замедление частоты пульса на 4—12 ударов в минуту и урежение ритма дыхания на 3—5 дыханий в минуту.

Ученые, исследовавшие этот вопрос, отмечают, что в большинстве случаев степень выраженности указанных изменений соответствует глубине гипнотического сна.

195

Было установлено, что одним из чувствительных показателей глубины гипноза может служить движение век. Наличие дрожания век во время гипнотического сна служит показателем неглубокой стадии гипноза. Исчезновение дрожания век свидетельствует о наступлении глубокой — сомнамбулической — стадии гипноза или о переходе его в естественный сон.

Мы ограничились упоминанием лишь тех данных, которые всегда могут быть легко установлены врачом во время сеанса гипнотерапии. Следует отметить, что ряд фактов, полученных с помощью специальных исследований (хронаксиметрия, электрометрия сопротивления кожи, электроэнцефалография, плетизмография и др.), вскрывающих особенности протекания гипнотического сна, также говорит о его сходстве со сном естественным.

Вопрос о разделении гипнотического состояния на стадии по его внешним проявлениям всегда привлекал к себе внимание гипнотерапевтов. Из литературы известно, что по этому вопросу высказывалось много точек зрения. Одни авторы предлагали делить гипноз на три стадии, другие — на шесть, девять, двенадцать и т. п. Однако наиболее принято деление гипноза на три стадии: сонливость, гипотаксию и сомнамбулизм;

При сонливости наблюдается легкая дремота и общее расслабление мышц. При гипотаксии загипнотизированный уже не может делать произвольных движений. Часто именно в этой стадии у него развивается уже неоднократно упоминавшаяся нами в этой книге каталепсия. В этом состоянии рука, нога, голова загипнотизированного, все его тело могут долго сохранять приданное им искусственное положение.

Наиболее глубокая стадия гипноза — сомнамбулизм (дословно «снохождение»). В этой стадии загипнотизированному можно внушить самые различные зрительные, слуховые и обонятельные образы, так называемые мнимые восприятия или галлюцинации. И он видит внушенные предметы, слышит звуки, обоняет внушенные запахи и т. д. На словесный приказ гипнотизирующего он

может встать, начать ходить, выполнять те или иные задания.

Исследования показали, что в глубоком гипнозе можно путем словесного внушения изменить поведение загипнотизированного соответственно внушенному ему возрасту. Так, если человеку средних лет поочередно внушать,

196

Следуя внушению: «Вы в лодке!», загипнотизированный принимает позу гребца.

что он двух-трехлетний ребенок, или наоборот, что он глубокий старик, то в первом случае он будет 'ходить по комнате маленькими неуверенными детскими шажками, на вопросы отвечать детским лепетанием с характерными ошибками в произношении и т. д., а во втором случае его походка будет напоминать старческую.

В практике психотерапевтической работы лечебное внушение часто проводится и на самых начальных, неглубоких стадиях гипнотического сна. Несмотря на то, что больной после такого сеанса нередко заявляет врачу о том, что он якобы не спал, слышал посторонние шумы и считает сеанс неудавшимся, а себя не поддающимся гипнотизации, такое лечебное внушение зачастую приносит хороший терапевтический эффект и, следовательно, дальнейшие сеансы вполне оправданы.

Некоторые психотерапевты применяют и такой способ гипнотизации. Вскоре после начала словесного внушения гипнотического сна они предлагают больному открыть

197

глаза и рассказать о своих ощущениях. После этого используются те индивидуальные особенности наступления гипнотического сна, которые сообщены самим больным. Так, например, если больной сказал врачу, что вскоре после начала сеанса он почувствовал выраженное расслабление в мышцах ног, рук или иной части тела (что, естественно, у разных людей может проявляться по-разному), то при продолжении сеанса в содержании последующего словесного внушения акцент ставится на ощущениях, характерных именно для данного больного. Иногда такой фракционный метод вызывания гипнотического состояния позволяет более быстро достичь желаемой глубины гипноза.

Выводят больного из гипнотического состояния постепенно, не спеша, помня о том, что внезапное, резкое пробуждение может повлечь за собой ряд жалоб на общую слабость, разбитость, иногда сердцебиение и головные боли.

При правильно проведенном сеансе больной выходит из гипнотического состояния, не испытывая никаких неприятных ощущений и не предъявляя жалоб на свое самочувствие. Наоборот, как во время сеанса, так и после него отмечается спокойное, уравновешенное состояние, приятное самочувствие, уверенность в выздоровлении.

Продолжительность обычного сеанса гипнотерапии исчисляется 15—20 минутами. Количество гипнотических сеансов на полный курс лечения определяется характером заболевания, его особенностями и давностью, а также индивидуальностью больного и степенью эффективности лечения. В большинстве случаев количество сеансов курса гипнотерапии не превышает 12—15, в отдельных случаях варьируя как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения.

Частота сеансов обычно колеблется от 2 до 3 в неделю, в зависимости от состояния больного, длительности и этапа лечения. Как правило, начиная курс, проводят сеансы часто, через день. В

дальнейшем, когда в состоянии больного наступит заметный сдвиг в сторону улучшения, переходят на более редкие сеансы: один-два раза в неделю и даже один раз в две недели, месяц и т. д.

Для некоторых больных спустя более или менее значительное время (несколько месяцев, год и более) проводят повторный курс гипнотерапии.

198

Применение гипнотического состояния для лечебных целей рассматривается в двух направлениях. С одной стороны, — и это в основном — гипноз необходим для того, чтобы повысить степень внушаемости больного, усилить его восприимчивость к лечебному внушению. С другой стороны, гипнотическое состояние, как частичный сон, создает возможность для осуществления охранительно-восстановительного целебного влияния торможения.

Гипноз, в котором торможение меняющейся глубины и распространенности по коре головного мозга помогает восстановлению работоспособности нервных клеток, применяется также и в виде длительного гипнотического сна.

Методика проведения такого длительного гипнотического сна заключается в том, что больного вечером погружают в гипнотический сон, который затем переходит в естественный, ночной сон, или утром со спящим больным устанавливают раппорт и продлевают его сон на необходимое время. Естественно, что в тех случаях, когда желательно получить наиболее длительный сон, используют обе эти возможности. Таким образом, удается удлинить сроки пребывания больного во сне до 16—18 часов в сутки. Иногда такое лечение проводят как целый курс сонной терапии длительностью 10—12 дней и более. Особенно благоприятные результаты дает такая гипнотерапия при лечении гипертонической и язвенной болезней.

Для теоретической разработки и внедрения в практику длительного гипнотического сна многое сделали советские исследователи Б. Н. Бирман, К. И. Платонов, Ф. П. Майоров и др.

Иногда в целях углубления гипнотического сна применяют предварительную дачу снотворных (так называемый наркогипноз). К ним врачи обычно прибегают в тех случаях, когда у больного гипнотическое состояние почти не достигается, а между тем у врача имеются основания предполагать, что как раз гипнотерапия и может принести существенную пользу. Это дает возможность вызвать у больного к началу сеанса дремоту и сонливое состояние. Врач строго учитывает фармакодинамические особенности того снотворного средства, которое он собирается применить, особенно в отношении сроков его действия, так как заблаговременную дачу снотворного, естественно, ему надо рассчитывать таким образом, чтобы к началу гипнотического сеанса у больного развилось дремотное состояние.

199

В 1928 году была опубликована работа В. М. Бехтерева, в которой он описал свой метод, положивший начало коллективной гипнотерапии. Метод заключается в том, что группу больных численностью в 15—20 человек, а иногда и больше, усаживают в удобные кресла, на диваны и т. п. и проводят им лечебное внушение, предварительно погрузив их в гипнотическое состояние. Больных рассаживают так, чтобы врач, проводящий сеанс коллективного гипноза, мог ходить между ними, чтобы проверять наличие и глубину гипнотического состояния каждого больного, а также проводить, остановившись около него, индивидуальные внушения. Метод коллективной гипнотерапии основан на проявлении в гипнозе подражательного рефлекса, вследствие чего степень внушаемости в такой коллективной группе повышается, и больные, которые при индивидуальном гипнотизировании оказываются менее внушаемыми, быстрее впадают в гипнотическое состояние.

Таковы основные виды гипнотерапии, нашедшие себе широкое применение в практической врачебной работе.

Многолетний опыт использования гипноза в лечебных целях помог выделению из общей массы заболеваний таких, при которых гипнотерапия дает наиболее обнадеживающие результаты. Это в первую очередь неврозы и наркомании — болезненные влечения и привыкания к наркотическим средствам — таким, как алкоголь, табак и другие.

И вот теперь, дорогие читатели, когда вы запаслись всеми этими знаниями, мы можем войти с вами в кабинет врача психотерапевта и попридусловствовать на приеме больных. Посмотреть, кто и с какими болезнями к нему обращается и как он творит свои чудеса без чудес.

Гипноз и неврозы

В лабораториях Павлова одновременно с установлением законов работы здоровой нервной системы изучались и болезненные нарушения ее. Специальные опыты ставились на животных для

того, чтобы вызвать у них экспериментальные неврозы — искусственные модели заболеваний высшей нервной деятельности человека. Это позволило Павлову и его ученикам, физиологам и врачам, понять

200

механизм неврозов и определить их, как срыв высшей нервной деятельности, как результат перенапряжения основных нервных процессов — возбуждения и торможения или как их сшибку, что неизбежно при всех этих вариантах приводит к болезненному состоянию. Павлов выделил три основных вида неврозов: неврастению, как результат общего истощения нервной системы, истерию, при которой, вследствие слабости коры мозга, болезненное преобладание над рассудком получают чувства и эмоции, и психастению, при которой, наоборот, преобладание рассудочной деятельности ведет к возникновению умственной жвачки и образованию навязчивостей.

Для нас с вами, желающих поближе узнать те болезни, на которые большее лечебное влияние может оказать гипноз, из этих трех видов невроза особенный интерес представляет истерия.

С нее мы и начнем.

В кабинет врача вошла больная 32 лет.

— Садитесь, Анна Степановна. На что вы жалуетесь?

— Ах, доктор лучше спросить, на что я не жалуюсь — у меня все болит, меня все беспокоит.

— Но, Анна Степановна, так же не бывает, всегда что-то является главным, ведущим в болезненных переживаниях и ощущениях человека — вот об этом мне и расскажите.

— Доктор, как помню себя, всегда была очень нервная, раздражительная, впечатлительная. Всю жизнь на все живо реагирую. Другим людям пустяком кажется то, из-за чего я на стенку лезть готова. Из-за этого частые неприятности и столкновения у меня бывают и в семье, и с соседями, и на работе. Как что не по мне, сразу слезы из глаз ручьями текут, кричать начинаю — сперва громко, а потом как будто комок к горлу подкатывается и дышать трудно, и вместо крика одна хрипота, и в глазах темнеет, и слух пропадает. Обязательно бросить что-то надо или даже порвать на себе что-нибудь, тогда вроде легче становится. А то вдруг такая слабость нападет: руки, ноги, как не мои, словно ватные, подгибаются да и только. За что-нибудь ухватиться надо, чтобы не упасть. И такая обида, такая обида во мне, думается все-то меня ненавидят, не ценят, даже самые близкие, а я ведь так много для них делаю, так много!

— А вы сдерживайте себя, Анна Степановна, не рас-

201

пускайтесь — ведь в вашем состоянии много можно достичь самодисциплиной.

— Да что вы говорите, доктор! Легко сказать: сдерживайте... А я вот не могу сдерживать. Уже если бы могла, к вам не пришла бы. У меня тоже времени нет по врачам ходить, да приходится.

— Это, пожалуй, верно: по врачам ходить удовольствие небольшое, и если и есть такие любители, то вас, Анна Степановна, мы к ним не отнесем. Скажите-ка мне лучше, не чувствуете ли вы где-нибудь болей, неприятных ощущений?

— О, очень даже чувствую и во многих местах! Вот на затылке у меня то холодеет и оттуда по всей коже головы мурашки разбегаются, так, что корни волос болят, а то, наоборот, как бы жаром обдаёт, печет, иголочками колет. Но про ноги и руки я уже говорила, часто они немеют, становятся, как не мои,—колите, режьте—ничего не чувствую. Особенно, доктор, меня сердце беспокоит. Вот мне верить не хотят, что я сердечная больная. Сколько ни ходила к сердечникам, и слушали меня, и анализы делали, и электрокардиограмму снимали, и на рентген посылали, а все говорят — здорова. Со стороны сердца ничего нет — один невроз, а это у врачей получается как бы и нет ничего. Да ведь я, доктор, простите — не верю. Ну как мне будут говорить, что у меня ничего сердечного нет, никакой серьезной болезни, когда я только и живу, прислушиваясь к своему сердцу. А оно то еле-еле бьется, то вдруг так заколотится, так затрепыхает, что вот-вот разорвется. Холодный пот прошибает — с жизнью прощаешься. А то как игла в сердце войдет и сидит там, чуть резко повернешься, а она колет и колет. Или сжимать его начнет, словно чья-то лапа с когтями забрала сердце и давит на него. А бывает обжигает всю грудь так, будто горчичник кто-то прямо с кожей отдирает и опять же вся боль вглубь идет, в сердце. Да что и говорить, мученица я, доктор. У меня и в желудке печет — изжога постоянная и сухость во рту появляется, иногда язык шершавый, шершавый такой, что и повернуть его трудно. И вот еще: что бы это значило? Я некоторых запахов не переношу. Ну что, казалось бы, такого особенного — жареный лук? А я вот прямо сразу и тошноту, и головокружение, и удушье чувствую, как только заслышу, что жарится этот проклятый лук — бегу из до-

202

му. Из-за него даже и с соседями скандалы были. Говорю: вы мне назло его жарите, а они смеются, ну я и взорвусь.

— Вы, наверно, Анна Степановна, и скрипов не любите и скрежета?

— Совершенно верно, доктор, стоит только при мне по стеклу царапнуть или железом по железу провести — вот, например, когда противень из духовки вынимают, я вся сама не своя — все это скрипение прямо по моим нервам и идет — так и тянет их из меня, так и тянет.

— А спите вы как?

— Чаще всего плохо, очень чутко и, знаете, доктор, сны вижу странные — все мыши и крысы из-под ног выскакивают. А я боюсь их ужасно, ну вот и просыпаюсь с криком — всех переполошу, а потом и заснуть не могу — все с боку на бок ворочаюсь.

— Да, Анна Степановна, правильно вы сделали, что пришли к психотерапевту, вы наша больная.

— А меня к вам специально и направил сердечник — так и сказал: вам внушением лечиться надо.

— И правильно сделал, что направил. Как лечить вас будем, это мы посмотрим, но лечиться вам действительно нужно методами психотерапии, и внушение здесь будет занимать не последнее место.

— Помогите мне, доктор, одна надежда на вас. Совсем я измучилась: всякий интерес к жизни пропал, и на работе у меня — я секретарь-машинистка — все через пень-колоду идет и детей запустила. Выходит, ни к чему не годна, а ведь это не так, я в свое время способности имела, театром увлекалась, хотела на сцену идти — у меня, доктор, хорошие данные находили, как говорится, артистическая натура: я и пела, и танцевала, и в драмкружке первая была. И вот, пожалуйста, до сумасшедшего дома докатилась. А я на свете больше всего с ума сойти боялась — и вот, пожалуйста!

— Ну, что вы, право, какой это сумасшедший дом!

— А как же, у вас и на вывеске написано «Нервно-психиатрический диспансер».

— Ну и что же, да тут таких больных, как вы, не психиатрических в прямом смысле слова, большинство. Вы лучше скажите, почему все ваши таланты применения не нашли, почему вы их не использовали, не стали артисткой?

203

— Ах, доктор, лишний вопрос — почему. Да опять же из-за своего характера, из-за болезни этой. За все горячо бралась, но быстро остывала, с одного на другое перескакивала. Ну и на людей мне не везло, все с завистниками встречалась, с недоброжелательными, а я очень откровенная, прямая — поэтому не успею подружиться — поначалу я легко с людьми схожусь, — как уже и ссора, скандал.

— Последний вопрос, Анна Степановна, а не задумывались вы над тем, что если человеку все окружающие плохи, то ему на себя посмотреть надо, так ли уж он прав, как это ему кажется?

Анна Степановна, казалось, не расслышала вопроса — она продолжала без умолку говорить о себе.

Перед вами, читатели, больная, предъявляющая типичные жалобы истерического характера.

Лечение психотерапией истерии, особенно внушением в гипнозе, бывает полезно тогда, когда истерические реакции на какие-нибудь внешние раздражения — испуг, обиду, потрясения проявляются во внезапной потере голоса, слуха, зрения, а также в особых функциональных (не связанных с органическими поражениями нервной системы) параличах, приводящих к невозможности стоять, ходить, глотать и т. п.

В нашей лечебной практике была одна больная П., 28 лет, у которой вследствие домашних неприятностей внезапно возникла слабость и дрожь в ногах. В скором времени это привело к тому, что она совершенно не могла ходить и вынуждена была лежать в постели. Настроение было очень подавленное, тоскливое. П. часто и подолгу плакала, считая себя неизлечимой больной, у которой развился паралич ног. Круг ее жизненных интересов был замкнут болезненными переживаниями. Так как болезненное состояние затягивалось, больная потеряла веру во врачей и лекарства. В таком состоянии она была помещена в нервно-психиатрическую больницу. Установление истерической природы заболевания побудило прибегнуть к лечению внушением в гипнотическом сне. Больная оказалась хорошо внушаемой, в первом же сеансе у нее было вызвано глубокое гипнотическое состояние, во время которого ей внушали, что она теперь скоро поправится, сможет ходить, что в ее состоянии нет ничего неизлечимого и тяжелого. После первого же сеанса гипнотерапии наступило заметное улучшение.

204

Больная предприняла попытку встать с постели, держась за спинку кровати. Последующие сеансы полностью устранили вышеописанное болезненное состояние. Больная выписалась в хорошем состоянии, свободно ходила без посторонней помощи, стала работоспособной, активной, жизнерадостной.

Или другой пример. У больной М., молодой девушки, в результате неприятностей по работе и связанных с ними волнений образовался стойкий левосторонний поворот головы, так называемая истерическая кривошея. Это состояние очень мешало ей, значительно снижало ее работоспособность, приводило к подавленному настроению и потере интереса к жизни. Десять сеансов лечебного внушения в гипнозе полностью сняли это болезненное нарушение.

Больная К., 19 лет, обратилась к нам с жалобой на то, что у нее после испуга, вызванного угрозой аварии, внезапно пропал голос. В течение нескольких месяцев не могла произнести ни слова. Всякие попытки лечения у врачей-специалистов по уху, горлу и носу были безрезультатными. После восьми сеансов лечебного внушения в гипнозе наступило заметное улучшение. Больная в гипнотическом состоянии могла повторять отдельные слова, произносимые врачом. После 12 сеансов гипноза было достигнуто полное возвращение голоса.

Больная Б., 23 лет, обратилась с жалобой на то, что, испугавшись внезапной вспышки яркого света в темноте, она стала плохо видеть. Натывается на предметы: «Все как в тумане. Между окружающим и моими глазами толстая пелена». Ранее слышала от одной знакомой, что можно ослепнуть, если в темноте внезапно увидеть яркий свет. Считает, что это и случилось с ней. Боится, что потеряла зрение. Обращалась к врачам по глазным болезням, которые нашли у нее понижение зрения истерического характера и рекомендовали лечение гипнозом. По характеру неуравновешенная, обидчивая, раздражительная. Часто конфликтует с соседями по квартире. Скандалы со-, провождаются криком и плачем больной. Иногда у нее после таких ссор случались припадки с судорогами и приступами удушья. После четырех сеансов лечебного внушения в глубоком гипнозе нарушения в зрении исчезли. Внушалось успокоение, необоснованность опасений потерять зрение и то, что она после сеансов будет видеть.

205

Разве приведенные нами примеры из лечебной практики психотерапевтов не подобны болезненным состояниям, избавление от которых приносило славу чудесных исцелителей тем, с чьим именем их связывали религиозные предания всех веков и народов? Разве не напоминают они факты, приносившие успех колдунам и шаманам и создавшие славу Лурду?

Для подтверждения этих положений полезно привести пример, который мы заимствуем из практики нашего старейшего психотерапевта К. И. Платонова.

Больная 20 лет была испугана напавшей на нее собакой. Впоследствии, в период острого переживания, у нее всплыло воспоминание о слышанном когда-то разговоре, будто укушенные собакой начинают лаять. У больной развивается неодолимое желание лаять, переходящее в дальнейшем в действительный лай, заставивший ее безвыходно в течение месяца сидеть дома и отказаться от общения с людьми. Соответствующие убеждения оказались безрезультатными. Лишь после четырех сеансов гипноза удалось устранить это тягостное состояние. Результат лечения подтвержден многолетним наблюдением, в течение которого у больной больше ни разу не появлялось насильственное стремление подражать собачьему лаю.

Только подумайте, сколько раз подобные случаи давали священнослужителям повод для распространения легенды о бесоодержимости, о вселении в человека нечистой силы, злого духа. И сколько таких несчастных больных погибло на кострах инквизиции и над сколькими и по сие время читается в церквах описанный нами выше «чин над бесноватым»!

Повышенная внушаемость больных истерией приводит к тому, что иногда даже незначительные неприятные ощущения в каком-либо внутреннем органе или чувство слабости в руках, ногах могут навести больного на мысль, что у него развивается какое-то очень тяжелое заболевание, отнимаются ноги, он слепнет, глохнет, теряет возможность говорить. Под влиянием такого самовнушения нарушается центральное нервное управление работой тех или иных органов, отчего могут действительно появиться признаки болезни. Так нередко и развиваются истерические параличи, припадки, немота, глухота, нервные желудочно-кишечные расстройства, нервные заболевания сердца и др.

206

Как ни различны по внешней форме все эти недуги, причина у них общая, единая — временное нарушение нервных процессов в высших отделах мозга, а не поражение целостности того или иного органа или части тела. Поэтому их и называют психогенными (от греческих слов «психе»—

душа и «генезис»—происхождение). Психогенная истерическая глухота, например, вызывается не тем, что нарушена барабанная перепонка или поврежден слуховой нерв, а угнетением деятельности тех отделов мозга, от которых зависит восприятие слуховых ощущений.

Психогенные расстройства возникают также и под влиянием нервных потрясений: страха перед внезапно нависшей опасностью для жизни, глубокого горя от потери близкого человека, жизненных катастроф и т. д. И в этих случаях может получиться болезненный сдвиг нервных процессов в каком-либо участке мозга. В результате также нарушится нормальное нервное управление работой внутренних органов и вследствие этого возникнет расстройство в их деятельности. Нередко такие больные страдают не меньше, чем больные с органическими заболеваниями. Мучающие их болезни могут годами тянуться без всякого улучшения.

Психогенные заболевания часто не поддаются никаким лекарствам, но могут уступить воздействиям, оказываемым на психику. Психогенное угнетение деятельности тех или иных участков мозга может быть смыто более сильным, противоположно направленным нервным процессом, который возникает под влиянием новых иногда радостных, а иногда даже неприятных волнений. Но и те, и другие в этом случае благотворны, ибо заставляют мысль больного обратиться на новое русло. Также может действовать на психику и словесное внушение и самовнушение.

Мы только что говорили, что внушение и самовнушение нередко повинны в возникновении многих тяжелых и длительно не поддающихся излечению истерических заболеваний. Но они же, соответствующим образом направленные, могут благоприятно подействовать на психику некоторых больных и тем самым ликвидировать многие психогенные расстройства. При этом болезненно измененные нервные процессы в тех или иных участках коры мозга снова приходят к норме. Восстанавливается правильное управление деятельностью внутренних органов, и тем са-

207
мым происходит исчезновение наблюдавшихся в этих органах болезненных проявлений.

Эти вполне ясные с точки зрения учения И. П. Павлова процессы и составляют естественную физиологическую основу тех действительных фактов поразительных исцелений, которые по временам происходили и происходят в обстановке ожидания чудес.

Пестра и разнообразна эта обстановка, в одном месте пышна и торжественна, а в другом, наоборот, подчеркнута скромна и проста. Но в любом случае она полна мистики и таинственности, умышленно создаваемой представителями религии. За всеми этими ухищрениями скрывается стремление оказать как можно более сильное воздействие на сознание человека, поразить его воображение, внушить ему слепую, безграничную веру в возможность исцеления с помощью божественных сил.

Подобное действие на психику некоторых особенно восприимчивых к внушению больных могут оказывать и заклинания шаманов, колдунов и знахарей, и торжественные молебны о здравии, звучащие в храмах, и до мелочей продуманная система подготовки больных к посещению «святых мест», и горячие молитвы об исцелении у «чудотворных» икон, мощей «святых угодников» и т. п. К действию внушения в этих условиях, как правило, прибавляет свое мощное влияние и фактор самовнушения — горячее ожидание больным чуда, вера в то, что якобы всемогущее чудодейственное средство поможет вернуть здоровье и силы. Все это заранее настраивает психику больного, подчиняя его мозг этой единой всепоглощающей мысли.

Совместное влияние внушения и самовнушения может оказать в некоторых случаях благотворное действие на больных, страдающих от психогенных расстройств. И ни при чем тут ни бог, ни чудо.

Целительными факторами здесь служат внушение и самовнушение — явления, как мы видели выше, несомненно естественные, материальные и с позиций современной науки вполне понятные.

Теперь у нас на очереди знакомство с другим видом неврозов — с так называемой психастенией — болезнью навязчивых состояний, навязчивых страхов, или, как говорят психиатры, фобий.

В кабинет входит больной 42 лет — Николай Иванович.

208

— Садитесь, пожалуйста. На что вы жалуетесь?

— Замучали меня вконец сомнения, доктор, неуверенность в себе, в своих действиях — право, до смешного дохожу: написал адрес на конверте, несколько раз проверил, — хорошо знаю, все правильно, но только письмо в ящик опустил и заволновался, не дойдет, безусловно, я что-то там попутал. Ухожу из дома, запер дверь, вышел на улицу — нет покоя, не могу идти: не запер я дверь. Иду обратно, поднимаюсь на четвертый этаж, проверяю — все в порядке. Тут бы и успокоиться, нет, как вниз спустился, опять берет сомнение — проверил плохо: не туда ручку

повернул...И опять поднимаюсь. Верите ли, по несколько раз так. Иногда просто не знаю, что мне делать, хоть не выходить никуда, и на работу из-за этого опаздываю. А то вдруг охватит потребность считать окна, этажи в домах или деревья по дороге. И смешно это, и ни к чему, а считаю. Знаете, такое чувство волнения и тревоги охватывает, что если я не посчитаю, то обязательно беда какая-нибудь со мной или, того хуже, с семьей случится. И вот хоть суеверным я не являюсь, но все эти ритуалы исполняю до тонкости, а сам все время понимаю: не надо этого, лишнее. Мнительность замучала, стоит к чему-нибудь прикоснуться вне дома — сейчас же надо руки мыть, все какого-то заражения боюсь. А где их мыть на улице? Вот и мучаюсь, волнуясь. Много всяких ненужных отклонений от прямого пути делаю, то захожу, чтобы руки скорее помыть, то избежать широких улиц — я их переходить боюсь. Вообще, чего я только не боюсь. Высоты, например, страшно боюсь, а отсюда не могу по мостам ходить, в метро не езжу и, знаете, почему? Опять может показаться странным, а для меня это трагедия, — под землю боюсь спускаться и еще автоматических дверей в вагонах не выношу, только захлопнутся они, тронется поезд, а меня страх пронизывает и одна мысль: как быть, как выскочить. А от чего спастись, почему бежать — и сам себе отчета не отдаю. Сами понимаете, какой я мученик, доктор.

Да, ощущения, испытываемые Николаем Ивановичем и подобными ему больными, страдающими неврозом навязчивых страхов, действительно очень тягостны. Они ложатся тяжелым грузом на психику таких людей и, хотя, как правило, не лишают их возможности работать и жить вне стен больницы, чрезвычайно портят им жизнь.

8

209

Надо прямо сказать, что здесь лечебный эффект как психотерапии в целом, так и гипнотерапии ниже, чем при истерии. Тем не менее основным методом лечения этих состояний следует считать также психотерапию.

В сочетании с рядом новых лекарственных средств, часто при одновременном проведении курса лечения удлиненным сном удается помочь таким больным.

Больная 35 лет жаловалась на навязчивые страхи острых предметов, преследующие ее всю жизнь. Несмотря на то, что она хорошо понимает необоснованность и нелепость этих страхов, освободиться от них не может. После проведенного курса гипнотерапии наступило значительное улучшение состояния. Навязчивые страхи хотя и не оставили больную полностью, но стали гораздо менее мучительны. Легче берет в руки ножницы, иголки, вилки и прочие острые предметы домашнего обихода, чего раньше делать не могла.

Больной 37 лет обратился с жалобами на постоянный навязчивый страх за свое сердце: он ощущает в сердце неприятные покалывания, перебои; на улице его охватывает страх внезапной смерти, особенно, если поблизости никого нет. В таком случае ему кажется, что с ним может случиться сердечный приступ и ему не успеют оказать помощь. Тщательное изучение и исследование больного терапевтами никакого заболевания сердца не выявили.

После первых же сеансов гипнотерапии, в течение которых проводилось внушение, направленное на устранение этих необоснованных страхов, наступило улучшение. После 14 сеансов гипноза наступило полное выздоровление.

Больной 22 лет (певец) жаловался на навязчивый страх потери голоса, который охватывает его во время выступлений перед публикой. При пении в классе или дома, для себя, никаких затруднений не отмечает, но как только выходит на сцену, чувствует спазмы в горле и не может петь. После шести сеансов лечебного внушения наступило значительное улучшение. Дальнейшее наблюдение за больным велось около двух лет. За это время он часто выступал в концертах, и вышеописанных болезненных явлений при этом не отмечалось.

Широкое применение находит лечебное внушение в гипнотическом сне и при так называемых реактивных состояниях, то есть заболеваниях нервной системы, возникших в результате какого-нибудь нервного потрясения.

210

Так, например, у больной 46 лет год назад внезапно скончался муж, после чего у нее развилось очень тяжелое депрессивное (угнетенное) состояние. Она стала тосклива, подавлена, пропал сон и аппетит; появились постоянные мысли о смерти. По ночам видит умершего мужа: ей кажется, что он входит в комнату, она слышит его голос, разговаривает с ним. В таком состоянии больная обратилась к врачу. В результате лечебных бесед и внушения в гипнозе наступило некоторое улучшение состояния, наладился сон.

Приносит пользу внушение также и при отдельных видах нарушений речи (например, при

заикании), причина которых лежит не в органических дефектах, а в невротических страхах (так называемые логоневрозы). Здесь часто удается оказать существенную помощь и устранить выраженные формы такого заикания, появляющегося только в определенной ответственной ситуации: у школьников и студентов при ответах во время экзаменов, у лекторов во время чтения лекций, у артистов на сцене и т. д.

Говоря о лечении неврозов психотерапией, хочется назвать хотя бы несколько имен наших советских ученых, немало делающих для пользы этого дела: В. Н. Мясищев с учениками, К. И. Платонов, И. З. Вельвовский, Н. В. Иванов и многие другие.

Гипноз и алкоголизм

Существует арабская легенда.

Алхимик искал философский камень, тот магический эликсир, который превращает свинец в золото, исцеляет от всех болезней, дарует людям вечную молодость и бессмертие. Он был так покорен грандиозностью поставленной перед собой задачи, столь велико было его стремление облагодетельствовать человечество, что ученый превратился в затворника. Дабы никто ему не мешал и не похищал ни одной минуты его драгоценного времени, он обособился от всех, даже от семьи, уединился во флигеле, спрятанном в зарослях его густого сада, и день и ночь работал у плавильной печи, ставил опыты с различными растворами и составами, соединял и разъединял колбы, реторты, перегонные кубы и ничего больше не видел, не слышал, не знал.

211

Пищу ему приносила служанка. Молча ставила она ее на стол и уходила. За работой алхимик часто забывал о еде. И когда на следующий день ему доставляли новую порцию, старая была почти не тронута. Тогда он стал сливать эти остатки в ведро. И вот однажды алхимик был поражен острым, сладким запахом, который исходил из этого ведра.

Он решил исследовать накопившиеся за несколько дней остатки и выделил оттуда неизвестную белого цвета жидкость. Он попробовал ее. Она была жгуча на вкус. Через некоторое время его охватил прилив неизъяснимой радости и восторга. Ему хотелось петь, плясать и смеяться, и он понял, что случайно напал на открытие, к которому столь тщетно стремился всю жизнь. Глоток жидкости вернул ему, старику, радость молодости. Влил в его жилы неисчерпаемые силы, вдохновил на титанические замыслы. В упоении назвал алхимик эту бесценную жидкость алькёхаль (по-арабски значит — тонко растворимая; отсюда потом образовалось слово алкоголь) и, поняв секрет ее производства, наладил его и пустил свое открытие в мир, уверенный, что он облагодетельствовал человечество. И жидкость всем понравилась, всех пленила.

Поначалу алхимик слышал только восторженную благодарность себе за это открытие. Но чем больше люди пили алкоголь, тем страшнее становились последствия. Теряя рассудок, люди стали в опьянении творить величайшие мерзости, калечить и убивать друг друга, и скоро мир наполнился стенаниями и проклятиями алхимику за его адское изобретение. И вот, когда несчастный старик, оглушенный этими воплями и плачем, вышел из своей лаборатории, он увидел, как землю опоясывает несметный рой несущихся в неуправляемом вихре загубленных алкоголем людей. В тот миг он сошел с ума, и ветер, подхватив его, хохочущего, стал вечно кружить в хороводе погубленных им жертв.

С тех пор в смехе каждого пьяного слышится хохот сумасшедшего алхимика, хохот над собой, над своим горем, над своей гибелью.

Такова легенда. Кто может возразить ее верной морали?

Неисчислимо зло, которое приносит в мир алкоголь, разрушая здоровье и семьи, калеча детей, отнимая честное имя, ввергая в тюрьмы и сумасшедшие дома, укора-

212

чивая жизни. Поистине о размерах зла, приносимого в мир Джоном Ячменное Зерно, можно составить себе представление только, когда слушаешь женщин, матерей и жен в кабинете врача, занимающегося лечением пьяниц, когда считаешь уголовные дела, совершенные людьми в состоянии тяжелого опьянения, и истории болезни алкоголиков, находящихся в психиатрических больницах. Одному из нас, наркологу и судебному психиатру, в этом отношении много что пришлось увидеть, услышать и перечитать. Тут поистине все известные краски покажутся бледными.

Наша книга, к счастью, не поэзия кошмаров и ужаса, и это обстоятельство освобождает нас от обязанности подтверждать сказанное страшными примерами. Мы полагаем, что читающие и без нас уже слышали такого рода вещи, так пусть они, дойдя до этих строк, их и вспомнят. Мы же тем временем позволим себе начать беседу с только что вошедшим в кабинет больным.

Обыкновенным, еще пока ничего страшного не совершившим алкоголиком, и тем не менее судьба его страшна, страшна уже потому, что он попал в лапы зеленого змия.

— Как ваше имя и отчество?

— Петр Семенович.

— Сколько вам лет?

— Пятьдесят с небольшим. Вы только что спросили, доктор, от чего я жду помощи — вернее, *от* чего я *прошу* меня защитить. Охотно отвечу — от самого себя, доктор. Именно от самого себя! Вот уже 10 лет не могу побороть в себе стремление к вину, к выпивке. Все чувствую, все понимаю. Понимаю весь позор и ужас моего положения, а бросить пить не могу. Сколько раз давал себе зарюки, клялся жене, друзьям. Вижу, что качусь, погибаю, а остановиться не могу. Ведь инженер я по профессии, а сейчас на подсобную работу перешел. Докатился до того, что ничего понять не могу — все, что знал, все пропил. И голову пропил, и одежду пропивать начал, как говорится — пропился до волос. Одним словом: яко наг, яко благ, яко нет ничего... И людей стыдно, и на мою несчастную семью смотреть больно.

— Скажите, Петр Семенович, ведь вот вы сейчас так разумно рассуждаете, и критики у вас к себе *хоть* отбавляй. Почему же вы давно не бросили себя губить, а близких терзать?

213

— Ах, доктор, в том и вся моя беда, когда трезв — полон раскаяния, кажется, ни за что в рот ее, проклятую эту водку, не возьму. Но как одну только рюмку выпью — так и пошло. И день пью, и два, и три. И вот вечером еле до дому дойдешь или притащат тебя — всего в грязи, выпачканного хуже, чем свинья. А на утро едва глаза продрал — весь свет не мил: все горит внутри, руки дрожат, сам весь трясешься, и одна мысль, одно желание — опохмелиться. А раз опохмелился, так уже опять пошло по кругу. Вот и пропадаю из-за этой опохмелки — губит она. Правильно говорит народ: не за то отец сына бил, что играл, а за то, что отыгрывался, не за то, что пил, а за то, что опохмелялся.

— Да, в этой пословице есть большой смысл. Мы, врачи, считаем, что хронический алкоголизм начинается

с того времени, как появляется потребность опохмелиться. Скажите, Петр Семенович, а как спите вы? Страшные сны вас по ночам не мучают?

— Бывает, доктор. Иногда проснешься весь в поту, все кажется, гонится за тобой кто-то, ножами угрожают, а то и вообще какая-то чертовщина в глаза лезет, — вскочишь и не знаешь куда бежать, где спастись. Родных боишься, всех боишься, — кажется, еще минута и выскочишь из окна, а там, что будет, то будет. Одним словом, погибаю, доктор. Спасите. Слышал, гипноз помогает от водки, вот и пришел к вам на лечение. Что хотите делайте, только оторвите меня от нее. Спасите меня. Еще жить хочу. Можете помочь, доктор? Помогите!

— Могу ли я помочь? Да, могу, но при одном условии, если вы сами себе помочь хотите. Если вы будете слушать врача, будете исполнять все, что он вам говорит, будете настойчиво лечиться и, главное, немедленно, с сегодняшнего же дня не возьмете ни капли вина в рот.

Большую группу больных, с которыми работают врачи-психиатры и психотерапевты в амбулаториях и больницах, составляют наркоманы. Это люди с болезненным влечением к какому-нибудь наркотическому средству. Наиболее распространенные виды наркоманий — курение и алкоголизм. Есть и другие наркомании, но в условиях советского общества они редки.

При хроническом алкоголизме гипнотерапия занимает среди других лечебных средств одно из первых мест. Если учесть, что страдающие алкоголизмом обычно быстро

214

погружаются в глубокий гипноз и легко поддаются внушению, то становится понятной целесообразность этого вида лечения при подобных заболеваниях.

При проведении в гипнозе внушения алкоголику врач вызывает у больного чувство физического отвращения к запаху и вкусу водки. С больным проводят лечебные беседы, в которых раскрывают огромный вред спиртных напитков как для здоровья пьющего, так и для его общественного, служебного и семейного положения. Эти психотерапевтические беседы играют очень большую роль в перевоспитании алкоголика, в привитии ему здоровых установок и сознательного отвращения к алкоголю, как виновнику его физической и моральной гибели. Очень многое зависит от умения врача построить эти беседы таким образом, чтобы задеть, что называется, живые струны человека и умело на них *сыграть* — вселить в него уверенность в возможность возрождения и возвращения к нормальной жизни. Очень многое зависит от того, как врач сумеет мобилизовать семью и окружение пьющего на достижение одной главной цели — оторвать

больного от вина.

Вот в двух словах основные принципы современной психотерапии алкоголизма.

После курса лечения больные, как правило, прекращают пить в течение более или менее продолжительного времени. Однако для полного выздоровления рекомендуется проведение еще нескольких закрепляющих сеансов внушения — сначала через неделю, потом через две недели и, наконец, раз в месяц. Полную гарантию от повторения заболевания дает лечение больного и наблюдение за ним в течение года.

Пятидесятилетний К. жаловался на непреодолимое влечение к вину. Пил много, особенно последние годы перед лечением. Тяга к вину носила запойный характер. В период запоев очень мало ел, выпивал в день по литру водки и более. В 1946 году перенес белую горячку, в связи с чем был помещен в психиатрическую больницу. После выхода из больницы некоторое время не пил, затем опять начал пить; больного беспокоили кошмарные сновидения; иногда в темноте видел какие-то «страшные фигуры».

При первых же сеансах лечебного гипноза удалось достичь стадии сомнамбулизма. Больному внушалось полное отвращение к водке, причем это внушение сопровожда-

215

лось словами: «Вы чувствуете запах водки, вы ощущаете во рту противный вкус водки. Я даю вам водку, вам противно. Водка вызывает тошноту и рвоту. Пить больше не будете». Во время этого внушения лицо больного выражало отвращение. Он краснел, покрывался потом, начинались рвотные движения, сопровождавшиеся кашлем, обильным выделением слюны. По окончании сеансов больной заявлял, что запах водки непереносимо отвратительный, что он вызывает у него рвоту. С больным провели 20 сеансов гипнотерапии. К. концу лечения он при одном упоминании о водке испытывал непереносимую тошноту.

Больной Д., 44 года, страдал постоянно повторяющимся наплывом зрительных галлюцинаций. В течение 20 лет злоупотреблял водкой и неоднократно лечился в психиатрических больницах. После последнего лечения пьет редко. Тем не менее каждый новый прием алкоголя, даже в небольших количествах, сопровождается бессонницей и массовым наплывом зрительных галлюцинаций устрашающего содержания: видит крыс, пауков, змей и чертей. Стал очень суеверен. Надел на себя крест для «изгнания нечистого». В беседе с врачом критически высказывается по этому поводу, иронизируя над собой, но тут же добавляет, что когда приходят галлюцинации, то испытывает такой ужас, что готов поверить во все, лишь бы от них избавиться. Больной длительно лечился гипнозом таким же методом, как и больной К. Это привело к улучшению самочувствия, полному отказу от вина и исчезновению галлюцинаций.

Хронические алкоголики часто бывают одержимы идеями ревности, и это нередко толкает их на совершение тяжелых преступлений. Поэтому энергично и вовремя начатое лечение может иметь существенное значение для освобождения больного от опасного бреда.

В общей системе лечебных мер гипнозу и здесь принадлежит важное место. С его помощью можно вовремя предупредить последующее пьянство, которое неизбежно приведет к возобновлению опасного бреда даже при условии, что человек полностью освободился от него.

Больной 50 лет поступил для стационарного лечения с жалобами на то, что последние годы постоянно мучается мыслью, будто жена ему изменяет. Известно, что больной с 18 лет злоупотребляет вином, пьет иногда по 4—5 дней

216

подряд, выпивая за это время большое количество водки. С женой живет 30 лет, всегда отличался ревнивым характером. Последние годы, по словам жены, совместная жизнь с больным стала невыносимой: требует, чтобы она постоянно находилась при нем, ревнует ее ко всем, не дает ходить одной в магазин, всюду сопровождает ее. Специально поступил на работу дворником в доме, в котором проживает, для того чтобы постоянно держать жену в поле зрения. Часто угрожает жене и ее мнимым поклонникам расправой. В своей ревности доходит до абсолютных нелепостей: ревнует жену, пожилую женщину, к родному сыну, к приходящим к нему товарищам. После лекарственного лечения и сеансов удлиненной гипнотерапии больной успокоился, у него наладился сон и появилось критическое отношение к своим бредовым переживаниям. В таком состоянии и был выписан. Через два месяца после выписки явился на амбулаторный прием к врачу вместе с женой, которая сообщила, что все это время больной совершенно не пил, в отношениях с ней проявлял значительно меньшую подозрительность, настроение было хорошим. Амбулаторно проведено еще четыре сеанса гипнотерапии: идеи ревности совершенно исчезли. Наблюдение в течение года указывало на хорошее состояние.

В практике лечения алкоголиков встречаются и такие люди, у которых не удается добиться достаточно глубокого гипнотического состояния, чтобы возможно было внушить тошноту и рвоту на запах и вкус водки. Тогда врачи, опираясь на учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, производят выработку так называемого условного тошнотно-рвотного рефлекса на запах и вкус водки при помощи особого лекарственного средства апо-морфина.

Если ввести человеку подкожно апоморфин, то у него через некоторое время развивается тошнота и рвота. Но врачи не просто вводят этот препарат — они одновременно дают больному нюхать и попробовать немного водки. Вначале развивается рвота от действия апоморфина. Затем, после 10—12 и более сочетаний введения апоморфина с дачей водки, тошнота и рвота появляются уже только от одного запаха водки. Лечение проводится последовательно, без перерывов.

Наш известный нарколог, много сделавший для лече-

217

ния алкоголизма, И. В. Стрельчук предложил этот способ лечения тесно увязывать с психотерапией, пронизывать его внушением, непосредственным воздействием на психику больного и проводить в обстановке, приближенной к той, в которой люди обычно пьют спиртные напитки. Перед больными ставят на стол бутылки с вином, дают им попробовать алкоголь из привычных для них рюмок и стопок и одновременно проводят внушение, что вид вина, его вкус и запах вызывают тошноту и отвращение. Так как тут начинает сказываться и влияние ранее введенного апоморфина, то специфическое внушающее действие таких разговоров значительно возрастает, и это часто приводит к тому, что через несколько процедур одно внушение без апоморфина дает очень хороший лечебный результат.

Есть специальный прибор — электрогастрограф, который позволяет записывать электрическую активность мышц желудка. Во время проводимого лечебного внушения эта активность усиливается, что свидетельствует о развивающихся в момент внушения сильных сокращениях мышц, то есть рвотных движениях.

В заключение беседы об алкоголизме несколько слов о другой еще более распространенной наркомании — о курении. Конечно, это болезненное пристрастие менее общественно вредно, чем алкоголизм, оно не разваливает семей, не вырывает человека из общества, не делает из него преступника и не помещает в психиатрическую больницу. Однако каждый психотерапевт расскажет вам не об одном человеке, который у Немо в кабинете буквально горячими слезами плакал от того вреда, который он причиняет себе пагубной привычкой к курению. Сколько раз приходится слышать: на все готов пойти — лишь бы бросить курить!

Наиболее пагубно на здоровье и общем самочувствии начинает сказываться курение в более зрелом и пожилом возрасте. А тогда его особенно трудно бросить, ибо за плечами уже укоренившаяся десятилетиями привычка, превратившаяся в болезненную потребность. В то же время возрастные изменения организма настоятельно требуют, чтобы курение было прекращено. Создается очень тяжелое положение, из которого иногда годами безуспешно пытаются вырваться попавшие в него люди. И тут-то опять наш добрый знакомый — гипноз может быть полезен. Нельзя сказать, чтобы он действовал безотказно. Ча-

218

сто, если со стороны курильщика проявляется пассивность и нет должной волевой настойчивости, результаты бывают плохими. Все же можно с уверенностью сказать, что из всех методов, которыми медицина располагает для борьбы с табакокурением, гипноз и внушение пока наиболее действенное средство.

...Больная Е., 50 лет, курит с 20 лет, за последние годы выкуривает до двух пачек в день. Уже более восьми лет по поводу порока сердца и бронхиальной астмы лечится у терапевта, который категорически запрещает ей курить, так как это приводит к обострению ее заболевания и мешает лечению. Больная неоднократно делала попытки бросить курить, но это не давало никаких результатов. Чувствует себя очень плохо, испытывает постоянные затруднения при дыхании, приступы удушья; угнетена и подавлена своим состоянием. Врачу сказала: «Для того чтобы лечиться с успехом, надо бросить курить, а бросить не могу. Попала в заколдованный круг. Не знаю, что мне делать».

После четырех сеансов лечебного внушения в глубоком гипнотическом сне у больной достигнуто полное отвращение к табаку. При ощущении запаха дыма во рту возникают тошнота и кашель. Больная совершенно бросила курить. Наблюдение в течение двух лет указывает на хорошее состояние. Больная прибавила в весе, с успехом лечится теперь у терапевта.

У нас был один больной, которого мы никогда не сможем забыть.

Мужчина 49 лет, куривший очень интенсивно с 16 лет. Он пришел к нам в состоянии выраженного истощения с жалобами на чрезвычайно плохое самочувствие, раздражительность, постоянный кашель и головные боли. Эти болезненные явления, которые сам он связывал исключительно с очень неумеренным курением, мешали ему и в жизни и в работе. Бухгалтер по специальности, он имел за последние годы снижение по работе, и это его очень угнетало. Всякие попытки самостоятельно бросить курить ни к чему не приводили, и неудачи каждый раз тягостно им переживались.

При первой же встрече с ним мы пошли на проведение сеанса гипноза. Больной через несколько минут впал в глубокое сомнамбулическое состояние, во время которого ему было проведено внушение, что он никогда боль-

219

ше не захочет курить. Вид и запах табака и папирос будут у него отныне вызывать отвращение. Выведенный из гипноза, он положил на стол пачку папирос и сказал: «Спасибо, доктор, даже трудно передать, как мне хорошо. Курить я больше не буду — это твердо знаю».

Мы предложили ему прийти через неделю. Он пришел и сказал, что не курит и курить не хочет и вообще от него его прошлое курение теперь так далеко, что нет даже надобности во втором, закрепляющем сеансе. Мы больше не гипнотизировали его и не видели в течение пяти лет. А когда довелось случайно встретиться — узнать его было невозможно: так он поправился, пополнел, настолько хорошо выглядел, что излишне было спрашивать о его самочувствии. Но об одном надо было непременно спросить его: испытывал ли он влечение к курению? Нет, доктор, почти не испытывал, бросил легко и бесповоротно.

Конечно, это редкий, очень редкий *случай*. По крайней мере, за 20 лет нашей практики это единственный пример такого, прямо скажем, «магического» действия гипноза на нервную систему курильщика.

Однако этот случай был, и мы не могли о нем умолчать.

Впрочем, неудачи в науке тоже не бесполезны. Во всяком случае, наши многочисленные неудачи в борьбе с курением при помощи гипноза позволили сделать безусловный вывод: успех возможен только тогда, когда есть полное совпадение усилий врача и пациента.

Гипноз приходит в другие клиники

Во многих научных коллективах существует правило собираться раз в неделю для обсуждения хода работы, для обмена мнениями, для информации о полученных результатах, для наметки планов и т. д. Обычно эти сборы всегда проводятся в какой-нибудь определенный день недели — и по этому дню получают свое название.

У Павлова таким днем была среда — отсюда и пошли его знаменитые лабораторные и клинические среды.

В среду, 9 декабря 1931 года, на заседании в нервной клинике, при демонстрации гипноза на больной, страдающей истерией, Иван Петрович, подчеркнув безвредность

220

гипнотизации, высказал мысль, что, к сожалению, физиологами мало изучаются гипнотические фазы, в то время как, по его мнению, овладев гипнотическими фазами «в определенных условиях, вы были бы господами мозга». И далее, обращаясь к психиатру И. О. Нарбутовичу, он добавил: «Это грех со стороны психиатров, что они не пользуются гипнозом». В то время это был справедливый упрек. Хотя и теперь практическое распространение психотерапии и применение гипноза в лечебных целях еще значительно ниже потребностей в этом виде лечения, но все же здесь следует отметить известный прогресс. Внедрение идей Павлова в советскую науку и перестройка всей нашей медицины на базе его учения, безусловно, создали лучшие условия для использования гипноза не только в нервно-психиатрических учреждениях, но и в больницах самого различного профиля. С интересом к психотерапии можно встретиться теперь и в клинике внутренних болезней, и в хирургии, и в детской, и в ряде других, не говоря уже о таких профилях медицины, как кожные и аку-шерско-гинекологические болезни, где психотерапия и гипноз заняли прочное место, как один из очень существенных и необходимых там методов лечения.

Однако, как мы уже говорили, если при неврозах и наркоманиях гипнотерапия с полным основанием и правом может рассматриваться как основное и ведущее лечебное средство, а все прочие мероприятия играют дополнительную, подсобную роль, то при других заболеваниях дело обстоит как раз наоборот. Среди терапевтических, хирургических и иных лечебных средств и мер гипнотерапия здесь рассматривается как средство вспомогательного порядка. Чаще всего с ее помощью достигается общеуспокаивающее действие, а при тяжелых заболеваниях внутренних

органов, сопровождающихся выраженными болями, иногда удается облегчить страдания больного.

В клинике внутренних болезней гипнотерапия может быть полезна при лечении бронхиальной астмы, язвы желудка и гипертонии. Длительный гипноз — отдых, принося покой нервной системе, тем самым способствует лечению этих заболеваний. Более того, гипнотерапия при бронхиальной астме в некоторых случаях может приобрести существенное значение. У нас была больная, страдавшая выраженными приступами бронхиальной астмы с характерными для этого заболевания периодическими обост-

221

рениями. В один из таких периодов она попала под наше наблюдение, и мы решили провести ей гипнотерапию. Лечебное внушение, направленное на общее успокоение и освобождение *от удушья*, проводилось в течение 20—25-минутных сеансов гипноза, степень которого не превышала стадии сонливости, с легкой гипотаксией. Во время внушения, а также на некоторое время после него приступы удушья прекращались.

К обезболивающему действию сводится в основном роль гипнотерапии при хирургических и стоматологических заболеваниях. О том, до какой степени в некоторых случаях может доходить «наркотизирующее» действие гипноза, говорят серьезные хирургические вмешательства, производившиеся больным, находившимся в состоянии гипноза. Известно, например, что даже такие операции, как ампутация конечностей, производились без применения фармакологического наркоза больным, у которых было достигнуто полное обезболивание одним внушением в гипнотическом состоянии.

От хирургии в последние годы выделилась самостоятельная специальность — анестезиология — наука об обезболивании. И вот теперь можно встретиться с тем, как наряду с поисками новых, наиболее эффективных и наименее вредных наркотических средств, снижающих чувствительность, анестезиологи изучают явления гипноза и методику его применения. Это им надо для того, чтобы у операционного стола, используя словесные внушения в гипнотических состояниях, тем самым достигать полного выключения болевой чувствительности при минимальном введении наркотиков, всегда дающих, особенно при высоких дозировках, вредные побочные явления отравления.

Широкое распространение получила психо- и гипнотерапия в акушерстве и гинекологии. Гипноз находил себе применение в течение довольно длительного времени для обезбоживания родов. За последнее время такое его использование уступило место более распространенному, в силу своей простоты и массовости применения, психопрофилактическому методу обезбоживания родов, предложенному К. И. Платоновым и И. З. Вельвовским. В отдельных случаях гипнотерапия для обезбоживания родов не утрачивает своего значения и в настоящее время.

Есть такое мучительное заболевание — неукротимые рвоты беременных. Из-за него некоторые женщины, горя-

222

чо желающие испытать счастье материнства, вынуждены искусственно *прерывать* беременность, так как их организм окончательно истощается этими рвотами и продолжение беременности грозит им гибелью. Все виды применяемого здесь лекарственного лечения редко помогают против этого заболевания, и только гипнотерапия дает буквально поразительный результат — до 80—90%. Сошлемся на пример из практики К. И. Платонова.

Женщина 25 лет, 8-я неделя беременности. Третья беременность по счету, первые две прерваны из-за рвоты. Настоящую беременность хочется сохранить во что бы то ни стало. Привезена мужем в весьма тяжелом состоянии: непрерывное слюнотечение, затрудняющее дыхание, постоянные позывы на рвоту, не может говорить. По словам мужа, рвоты и слюнотечение начались неделю назад. Полное голодание. Вследствие резкого исхудания и общей слабости больная слегла в постель. Фармакологические средства не дали положительных результатов. Проведена гипнотерапия. Больную удалось быстро усыпить. Сделано соответствующее внушение: «Рвот уже больше нет! Они прекратились, слюноотделения нет, и во рту сухо, можете дышать свободно и спокойно. Отвращение к еде исчезло. По пробуждении будете чувствовать себя хорошо, появится аппетит». Сон в течение 15—20 минут, во время которого повторялись те же внушения в различных вариациях. Внушение полностью реализовалось: по приезде домой поела без последующих рвот, впервые за неделю заснула и ночь спала хорошо. Ночью лишь дважды была рвота. На следующий день рвота лишь через 2—3 часа (при хорошем самочувствии и приемах пищи). На второй день — второй сеанс, после которого последовало дальнейшее улучшение.

После третьего сеанса рвоты совершенно прекратились. Родила в срок.

Все чаще вторгается психотерапия и в лечение заболеваний кожи. Известно немало случаев, когда наряду с успешным лечением психогенных расстройств, к которым можно отнести некоторые нейродермиты, хорошего эффекта психотерапевты добивались при заболеваниях не психогенного характера, как-то: при лечении бородавок, лишая и др. Что же до больных, страдающих нейродермитами, то здесь большое значение приобретает комбинирование методов лечебного внушения в гипнозе с психотерапевтическими разъяснительными и успокаивающими беседами.

223

Нам вспоминается больная 48 лет, которая обратилась к нам с жалобами на мучительный зуд всего тела. По характеру раздражительная, возбудимая, часто плачет. Периодически ощущает спазмы в горле, чувство удушья, нехватку воздуха. Иногда после неприятностей немеют руки, пропадает голос. С лета 1952 года больную стал беспокоить зуд в области затылка, под грудями и внизу живота. Такое состояние удерживалось около полугода, затем наступило резкое обострение: зуд распространился по всему *телу*. Была стационарирована в кожную клинику, где проведено лечение. Улучшения не наступило. Больную продолжал беспокоить мучительный зуд всего тела. Расстроился сон, не могла спать по целым ночам, все время чесала тело. Начата гипнотерапия. Первый сеанс сопровождался глубоким гипнотическим состоянием.

Всего было проведено 10 сеансов по 20—25 минут каждый. После первых же сеансов наступило некоторое улучшение. Больная стала немного спокойнее. Во время сеансов внушения зуда не чувствовала, после пятого сеанса стала хорошо спать по ночам. Не употребляет снотворных, хотя до внушения употребляла их регулярно, но сон не налаживался. Лечение было закончено на стадии выраженного улучшения, больная выписалась из клиники и поехала в санаторий для дальнейшего лечения и отдыха.

Не менее выразителен случай из практики А. И. Кар-тамышева.

Больной 44 лет, служащий, явился в Ташкент в клинику кожных болезней в марте 1931 года по поводу бородавок на руках. Неоднократное лечение — оперативное, рентгенооблучение, прижигающие средства — не давало заметного улучшения. По постановлению врачебной комиссии больной был переведен в инвалиды первой группы. При осмотре обнаружено большое количество бородавок, расположенных на кистях и захватывающих главным образом ладони. Бородавки до 1—1,5 сантиметра возвышались над здоровой кожей, сливались вместе, образуя панцирь, не позволяющий больному сгибать пальцы. Подвижность их была минимальна. Словесное внушение: «Ваши бородавки теперь пройдут; вы совершенно избавились от них» — и одновременное смазывание бородавок раствором метиленовой сини дали разительный эффект. Когда больной явился для повторного сеанса через 2 дня, подвижность пальцев заметно увеличилась, бородавки упло-

224

ч

щились. Сеансы были повторены еще три раза, и дней через 12 у больного восстановилась подвижность пальцев (а вместе с этим и его трудоспособность), а бородавки почти совершенно исчезли.

Вот она, поразительная сила внушения! Исчезли бородавки, которые лишали человека трудоспособности, превратили его в инвалида первой группы. Ничего не помогало, а несколько сеансов психотерапии вернули рукам человека нормальный вид. Здесь, конечно, немалую роль сыграло и самовнушение больного, проявившееся в большой вере во врача и в применяемые им средства. В данном случае, в совершенно нейтральную и к лечению никакого отношения не имеющую метиленовую синь.

Подобными примерами далеко не исчерпывается многообразное использование лечебного внушения в гипнозе. Но и этого, думается, вполне достаточно, чтобы показать, какие большие возможности имеются у этого лечебного метода и какую пользу он может принести.

Однако и самым горячим приверженцам этого метода следует постоянно помнить, что гипноз ни в коем случае не следует рассматривать как универсальное средство от всех и всяческих болезней. Такое отношение к нему приведет лишь к дискредитации этого безусловно ценного и полезного средства лечения. Только очень осторожное, вдумчивое и научно обоснованное использование гипноза может оправдать возлагаемые на него надежды и принести желаемые *результаты*.

«Вообще надо сказать, — говорил в 1935 году И. П. Павлов, — что при экспериментальных заболеваниях нервной системы почти постоянно выступают отдельные явления гипноза, и это дает

нам право принимать, что это *нормальный прием физиологической борьбы против болезнетворного агента*». (Курсив наш.—Авт.).

Поистине к этим словам какие бы то ни были добавления будут излишними!

Пусть читатели не сетуют на нас: мы не стремились эту главу превратить в руководство по лечебному применению гипноза. Перед нами стояла иная задача: существующему с незапамятных времен религиозному мифу о чудесных исцелениях противопоставить точное знание, добытое современной наукой. И если все-таки эта глава, рассказывающая о роли гипноза в современной медицине, появилась в книге, то лишь для того, чтобы лишний раз

225

доказать и показать материальную природу тех явлений, к которым люди на протяжении всей истории относились как к чудесам. На конкретных примерах из современной медицинской практики мы хотели проиллюстрировать действие закона, согласно которому наука, освещая лучами знаний темные углы, где еще гнездится мистика, вытесняет ее из мира, помогает человеку *порвать* путы невежества и суеверий и встать в полный рост всемогущего и подлинного преобразователя природы.

Заглянем в будущее гипноза

Вот мы и проследили жизненный путь нашего героя — от входа в пещеру кроманьонского человека до дверей современных лабораторий и клиник. Не правда ли, интересный, можно *сказать* — фантастический путь?

И разве вы не согласитесь с нами, что слова Ивана Петровича Павлова, которые мы предпослали эпиграфом к этой книге, пожалуй, полнее и глубже всех характеризуют нашего героя.

«Область гипноза — есть область глубокого реального смысла и высокого научного значения».

Сколько поколений людей должны были начать и завершить свой жизненный путь, рождающий в конечном счете человеческий опыт, сколько великих умов должны были посвятить творческие усилия созидающей мысли, проявить негибкую волю и вложить огромный труд для того, чтобы мы с вами, люди второй половины XX века, могли так коротко и просто ответить на вопрос, что такое гипноз. Ответить тремя словами: «Гипноз — частичный сон», — на вопрос, который на протяжении тысячелетий служил основанием для самых фантастических и спекулятивных ответов.

Ну как тут не повторить прямо-таки пророческих слов Ардальона Ардальоновича Токарского: «И смешно было бы думать, что гипнотизм вырос где-то сбоку, за дверьми храма науки, что это подкидыш, воспитанный невеждами. Можно только сказать, что невежды его достаточно понянчили и захватили своими руками». Действительно смешно! И вот теперь, — потому что мы уже не должны тратить ни времени, ни сил на доказательство, что гип-

226

ноз это серьезная научная проблема высокого теоретического значения и большого практического смысла, — заглянем в его будущее.

Никакое рассмотрение исторического пути научной проблемы не может считаться удовлетворительным без этого взгляда в будущее, без попытки хотя бы и в туманных очертаниях представить себе, что же ждет в дальнейшем эту проблему, каковы ее перспективы, пути развития, что *она еще* сможет дать, чем обещает быть полезной. И не беда, что на путях этого прогноза подстерегают неизбежные ошибки и просчеты. Ведь это путь, где действительные знания соприкасаются с полетом фантазии, а последняя, как известно, потому и называется фантазией, что не укладывается в прокрустово ложе одной действительности. Нам никогда не следует забывать слов В. И. Ленина: «Фантазия есть качество величайшей ценности. Даже открытие дифференциального и интегрального исчисления было бы невозможно без фантазии».

Итак, что, по нашему мнению, ждет гипноз впереди?

Начнем с сопоставления — гипноз и религия. Будет ли гипноз и в дальнейшем играть роль в том, чему посвящена настоящая книга, — в разоблачении религиозной мистики и суеверных представлений? Несомненно, будет.

Объяснить необъяснимое в религиозных чудесах, показать механизмы их возникновения, отдать в руки исследователя возможность рассчитанного воспроизведения их якобы недоступной пониманию человека «боговдохновенной» механики — не есть ли это одновременно полное развенчание, разоблачение, уничтожение этих чудес в глазах верующих? А раз так, не есть ли это тем самым и ниспровержение стоящей на чудесах религии?

«Верю, ибо абсурдно!» — провозгласил Тертуллиан. «Истина — разве это не чудесно», — словно отвечая ему, спустя столетия сказал Леонардо да Винчи.

Да, безусловно, гипноз, уничтожающий веру в чудеса, уничтожает тем самым и религию и в этом его высокое значение.

Религия поняла это одновременно с наукой. Можно сказать, даже раньше нее. Едва только стали раздаваться первые, еще робкие голоса, что в гипнотических состояниях находят свое объяснение чудесные деяния святых отцов и сверхъестественные явления, как папа римский 4-го августа 1856 года издал грозную энциклику «Ad

227

magnetismi abusus compescendos», в которой обрушился на магнетизм (гипноз), как на ересь, несовместимую с христианством, и расточал свои карающие проклятия в адрес всех прикосновенных к гипнозу. Но человеческую мысль остановить нельзя. Она шла вперед. Проникая в сущность гипноза, ученые штурмовали «чудеса» религии. В 1888 году появляется во Франции книга «Гипнотизм и религии». Автор ее считал для себя благоразумнее скрыть свое имя под псевдонимом Skepto. В этой книге, основанной на далеко еще не совершенном уровне научных знаний, рассказывается, как в гипнозе находят свое объяснение мнимые чудеса, выдаваемые религией за высшее проявление божественного промысла. Через 9 лет, в 1897 году, на аналогичную тему, уже не прикрываясь псевдонимом, доктор Феликс Реньо публикует в Париже книгу: «Гипнотизм. Религия».

В декабре этого же года в актовом собрании Военно-медицинской академии в Петербурге В. М. Бехтерев произносит речь на тему о роли внушения и гипноза в происхождении религиозного фанатизма. Интерес к затронутой им теме был настолько велик, что побудил выдающегося ученого в 1903 году выпустить в свет значительно дополненное содержание этой речи в виде книги «Внушение и его роль в общественной жизни», в которой главное внимание он уделил объяснению того, как возникают религиозные эпидемии на почве нарочитых массовых гипнотических внушений.

Сегодня люди располагают уже значительно большими возможностями для разоблачения мнимых чудес религии с помощью физиологически осмысленных явлений гипноза и внушения. Мы глубоко убеждены, что дальнейший прогресс гипнологии сделает научную истину очевидной всему миру.

А гипноз и медицина?

Каковы здесь перспективы и есть ли у нашего героя будущее на этом поприще? Конечно, есть.

Как мы знаем теперь с вами, люди уже с незапамятных времен обращались к гипнозу в лечебных целях и он оказывал им в этом отношении немалую помощь. Знаем также, что новую эру неограниченных возможностей применения гипноза в медицине открыл Павлов. Однако известно нам и то, что в познании психики человека еще никто не сказал своего последнего слова.

Будущее сулит

228

нам здесь немало открытий, которые несомненно углубят наши знания о человеке в целом и о гипнозе — в частности.

Уже сейчас все больше и больше утверждает себя система лечения и подхода к больному, как целостной страдающей личности, а не абстрактного носителя больных органов и частей тела. Что бы ни болело у человека, какие бы системы ни были у него поражены, перед нами в первую очередь страдающий больной человек. И, следовательно, дача любых лекарств, осуществление самых различных назначений, процедур, оперативных или иных вмешательств не может проходить изолированно от влияния на психику, на настроение, на самочувствие человека в целом. Только тогда лечение и благоприятно и успешно, когда оно, помимо хорошего местного эффекта, приносит больному общий подъем всех его жизненных сил. Вот тут-то без психотерапии, а значит, и без наиболее ее эффективных методов — без внушения и гипноза, не обойтись.

Есть все основания полагать, что советская медицина, первая вставшая на путь перестройки своих теоретических воззрений и практической деятельности на базе учения Павлова о высшей нервной деятельности, увлечет за собой все больше и больше последователей из различных медицинских школ мира. Тому уже в наше время есть многочисленные примеры. А медицина Павлова — это медицина высшего гуманизма, медицина, которая бережнейшим образом относится ко всему чувствительному и ранимому в человеке. На первом месте ставит она закон разумного ограждения здорового организма от вредностей, закон охранительного режима и покоя для заболевшего человека.

Как бы ни совершенствовались в дальнейшем средства, способы и методы лечения, этот основной закон останется незыблемым фундаментом всякого успешного врачевания. Вот почему

«нормальному приему физиологической борьбы против болезнетворного агента» — гипнозу открывается широкое, поистине неограниченное поле деятельности.

Когда Павлов нашел свой гениальный метод условных рефлексов, он тем не менее долгое время не мог им воспользоваться в надлежащей степени из-за отсутствия специально оборудованного помещения, которое полностью бы изолировало экспериментальное животное от случай-

ных внешних раздражителей — таких, как шум, свет, запахи и т. п. Такое здание было построено. Ему дали образное название — Башня молчания. Только с введением в строй этой лаборатории павловские эксперименты приобрели свою подлинно математическую точность, позволившую вырвать у природы столь ревностно охраняемую ею тайну закономерностей работы головного мозга высших животных.

Но и Павлов и его многочисленные ученики и последователи, естественно, устремились дальше. Их целью было постижение закономерностей работы человеческого мозга. Много уже сделано на этом направлении. Мы с вами говорили о второй сигнальной системе действительности, специфически человеческой функции его мозга. Но это еще не физиология человеческой мысли в собственном смысле слова. Проникновение в святая святых природы, разгадка кульминационной сложности в ее творении — впереди. И одной из существенных помех для продвижения на этом пути является отсутствие специальной методики исследования мысли. Здесь уже не может быть использовано в неизменном виде классическое павловское наследие.

Какова она будет, эта методика, специфически подходящая к строго научному изучению физиологии человеческой мысли, мы еще сказать не можем. Тот, кто скажет в этом деле новое слово, совершит великий научный подвиг. Нам представляется несомненным одно — человек, которого в видах изучения его мысли подвергнут экспериментальному исследованию, должен будет находиться в гипнозе. И не трудно понять почему. Раз мы хотим изучать физиологические законы работы головного мозга человека, то нам, естественно, надо вычленив из необъятной сложности мышления в целом какие-то отдельные, строго направляемые и контролируемые мысли, не подвергающиеся конкурентному воздействию других непроизвольно возникающих и внезапно пропадающих мыслей. Бесконечно сложное явление, для того чтобы изучать, необходимо вначале упростить. Мысли надо, так сказать, отсепарировать, отделить друг от друга — сделать их подчиняемыми воле экспериментатора, и только его воле. Вы догадываетесь, что здесь получается аналогия с Башней молчания. Но только классическая Башня молчания нам тут не поможет. Испытуемый будет сидеть в ней, изолирован-

ный от всех раздражителей внешнего мира, и продолжать жить своей жизнью мыслящего существа, и ни одному самому изошренному экспериментатору не будет дано управлять ходом этого мыслительного процесса, взять его, что называется, в свои руки.

Да, конечно, куда уж там постороннему экспериментатору, когда и сам-то испытуемый не в состоянии вести процесс своего мышления в строго заданном направлении, полностью ограждая себя от случайно возникающих воспоминаний, непроизвольно появляющихся ассоциаций, настроений, переживаний и тому подобных проявлений психической жизни.

Тут нужна Башня молчания, но не вне мозга, а внутри него! И вот такую-то Башню молчания может воздвигнуть только гипноз. Один он способен взять под контроль мыслительный процесс и, искусственно упростив его, свести до строго прямой связи: вопрос — ответ, приказ — исполнение. Мы убеждены, что тут у гипноза очень большие перспективы послужить науке будущего. Он поможет человеку в самом трудном деле, которое когда-либо стояло перед ним и будет стоять в деле научного познания своей собственной мысли, а тем самым познания самого себя.

А не очень ли все это далеко?

Нельзя ли нам рассказать что-нибудь более осязаемое уже теперь?

Мы не думаем, что использование гипноза, как методического приема для изучения физиологии мысли, за далекими горами, но если вы так хотите, то можно поговорить о том, что сейчас уже стоит в научной повестке ближайших дней.

Многим, наверное, известно слово «гипнопедия». Некоторые переводят его как обучение во сне. Это неточный перевод, ибо раз дело идет о контакте между обучающим и обучающимся во сне, то совершенно очевидно, что это не простой сон.

Поэтому точнее гипнопедию понимать, как обучение в гипнозе.

Поклонники этого метода утверждают — и, видимо, не без основания, — что ряд умственных операций — таких, например, как изучение иностранных языков — проходит значительно более

быстрее, если к обычно проводимой системе занятий еще добавляют изучение слов в гипноти-
231

ческом сне. Привлекает здесь то, что представляется возможным использовать и ночное время, которое у нас в смысле творческой деятельности пропадает зря. Разумеется, это сложный и ответственный вопрос. Никогда не надо забывать, что если мы и не производим никакой ни физической, ни умственной работы во сне, то мы в это время восстанавливаем израсходованный энергетический потенциал нервных клеток, готовим мозг и организм в целом к последующей деятельности.

Гипнотический сон, сон с бодрствующим пунктом, с очагом раппорта, способным вступать в контакт с раздражителями внешнего мира, как установлено школой Павлова, является частичным, неполным сном. В таком сне мозг способен производить работу, например усваивать новые знания, запоминать слова иностранного языка, но полагать при этом, что такой ночной «отдых» будет таким же полноценным, как и без подобной нагрузки, равносильно тому, что верить в вечный двигатель.

Мвд не хотели бы, чтобы нас поняли, что мы против использования гипнотического сна для обучения. Напротив, мы полагаем, что здесь именно и кроется еще одна возможность использования гипноза в будущем. Но нужна предварительная большая исследовательская работа, которая установит нам лучшие условия для проведения гипнопедии — в смысле ее наибольшей учебной эффективности и наименьшей вредности для нервной системы занимающихся. Не хотим предсказывать, что именно может оказаться наиболее перспективным. Предсказания — вещь не всегда надежная, нужны эксперименты, исследования. Однако предположить, что гипноз, используемый как концентратор внимания, тем самым будет повышать способность усвоения и увеличивать ресурсы памяти, вполне вероятно. В целом роль гипноза в психологической и педагогической науках будущего, благодаря основной своей особенности приводить человека в состояние максимального сосредоточения, нам представляется не лишенной хороших перспектив. С уверенностью можно сказать: есть над чем тут работать.

Наконец, гипноз и искусство. Поскольку мы только что упомянули психологию, то невольно на ум пришли такие ее разделы, как психология художественного творчества. И тут наш герой имеет перспективы проявить себя с положительной стороны. Но хочется поговорить даже

232

не об этом, а о возможности использовать гипноз и внушение в театрально-сценической деятельности, как средство управляемого овладения необходимыми эмоциями и артистическим вдохновением. Как средство поставить их в независимость от колебаний настроения и иных случайных вещей, из-за которых даже великие актеры играют на сцене иногда не только хуже себя, но и хуже самых посредственных исполнителей, а знаменитые певцы поют так, что никто не узнает их голоса. Известно это с незапамятных времен всем театральным деятелям и любителям сцены, но рецептов борьбы с этим нет.

Вот и следует подумать, чем может помочь гипноз и направленное внушение.

Теперь мы опять хотим вернуться к науке и немножко пофантазировать. Мысленно на мгновение перенесемся опять в средние века. Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст Парацельс Гогенгейм. Вам что-нибудь говорит это пышное имя? Если нет, то значит вы забыли, что написано в главе о Месмере. Это же знаменитый врач и чернокнижник XVI века, широко применявший лечение больных магнитами. Правда, магниты в качестве лечебного средства использовали уже знаменитый римский врач Гален и арабский медик Авиценна. Но Парацельс называл магнит «монархом всяческих тайн» и назначал его при всех болезнях.

В наше время только снисходительную улыбку и недоуменное пожимание плечами могут вызвать те показания к назначению магнита в лечебных целях и способы его использования, о которых писал Парацельс. Однако мы оставили позади то время, когда за магнитами вообще не признавалось никакого реального воздействия на живой организм и мысль об их лечебных свойствах считалась абсурдной. А так было сравнительно недавно.

Теперь же все чаще и чаще раздаются голоса, причем не откуда-нибудь, не со страниц фантастических романов, а из научно-исследовательских лабораторий, что ничего абсурдного в мысли о возможности лечебного применения магнитов нет, ибо почти доказано, что магнитное поле действует на организм, в частности — на мозг. Прийти к таким выводам оказалось возможным только в самое последнее время — для этого потребовались такие тонкие методы исследования, которыми наука обогатилась лишь совсем недавно.

233

Мы просим простить нам несколько длинную цитату из книги Стефана Цвейга «Врачевание и психика»: она нам кажется чрезвычайно интересной. Послушайте:

«Но может быть — мы стали осторожными в эпоху, когда одно открытие обгоняет другое, когда вчерашние теории блекнут за одну ночь и внезапно обновляются другие, насчитывающие века существования, — может быть, ошибаются даже и те, которые еще сегодня высокомерно именуют фантазией спорную идею Месмера о допускающем передачу, текущем от человека к человеку личном флюиде, ибо очень возможно, что последующий час мировой истории неожиданно превратит ее в истину. Мы, чьего слуха в ту же секунду, без проводов и без мембраны, достигает слово, произнесенное в Гонолулу или в Калькутте, мы, которые знаем, что эфир пронизан невидимыми течениями и волнами, и охотно верим, что несчетное число таких силовых станций бесполезно и неведомо для нас работает во вселенной, мы поистине не столь смелы, чтобы предвзято отвергать теорию, согласно которой от живых покровов и возбужденных нервов исходят одаренные силою токи, подобные тем, которые Месмер недостаточно точно назвал «магнетическими», отрицать, что в отношениях человека к человеку действует может быть все же принцип, сходный с «жизненным магнетизмом», ибо почему бы телу человеческому, близость которого возвращает угасшему жемчугу блеск и сияние жизненной силы, не развивать, действительно, в своем окружении ореола теплоты или излучений, действующих на нервы возбуждающе или успокаивающе? Почему бы, в самом деле, не возникать между телами и душами тайным течением и противотечением, не возникать между индивидуумом и индивидуумом притяжению и отталкиванию, симпатии и антипатии? Кто в этой области дерзнет на смелое «да» или дерзкое «нет»? Может быть, уже завтра физика, работающая с все более и более тонкими измерительными приборами, докажет, что то, что мы сегодня воспринимаем просто, как напор душевной силы, есть все же нечто вещественное, есть доступная созерцанию тепловая волна, нечто от электричества или от химии, энергия, допускающая взвешивание и измерение, и что нам приходится вполне серьезно считаться с тем, над чем отцы наши улыбались, как над дурачеством. Возможно, таким образом, что мысли Месмера о творчески-излучаю*

234

щейся жизненной силе суждено еще вернуться в мир, ибо что такое наука, как не непрестанное претворение в действительность древних грез человечества?»

Очевидно, нужно еще более глубокое проникновение в сущность гипноза, чем то, которым мы владеем теперь, для оценки перспективы и направления помощи, какую он сможет оказать при изучении влияния магнита на живой организм в лечебных целях. Едва ли может вызывать сомнение факт, что как особое состояние нервных клеток головного мозга, а именно состояние, благоприятствующее повышенной работоспособности в строго заданном направлении, гипноз будет полезен науке будущего.

Несколько слов о так называемой телепатии, или внушении на расстоянии. Мы знаем, что у некоторых исследователей одно упоминание этих слов уже вызывает резкое осуждение, но надо быть объективным: ведь есть и другие не менее авторитетные исследователи, столь горячие приверженцы существования подобных явлений, что трудно определить — сильнее ли хула противников или восторженность поклонников. И поскольку пока ни той, ни другой стороной не представлено веских экспериментальных доказательств, неопровержимо убеждающих или неоспоримо отвергающих существование внушения на расстоянии, не правильнее ли будет вслед за Цвейгом сказать: «Кто в этой области дерзнет на смелое «да» или дерзкое «нет»? Спорящих рассудит наука, а теперь нужно одно — работать, экспериментировать. Хочется добавить, особенно на страницах этой книги, что если удастся научно доказать существование телепатических явлений и объяснить их материальную природу, то это будет последним сокрушительным ударом по мистике, по всем сверхъестественным предчувствиям и «свыше ниспосланным» озарениям, за которые так цепляется религия в наши дни.

И вот тут-то, при изучении реальности этих явлений, науке будущего опять не обойти гипноза, ибо уже исследователи прошлого века, на убогом уровне их технического оснащения, в гипнотических состояниях обнаруживали некую обостренную способность восприятия мыслительных и эмоциональных влияний, поступающих якобы от гипнотизера к гипнотику. Так ли это или не так, пока мы не знаем, но нет никакого сомнения в том, что наука ответит на этот вопрос.

Наше заключение, а вместе с ним и книга подходят к

235

концу. И мы уже слышим ваше пожелание на прощание сказать, что-нибудь более определенное

— менее гадательное и фантастическое. Что ж, попробуем. Но вот ведь в чем вся трудность. Мы живем в такой стране, где воистину — сказка делается былью, где преодолевается пространство и время с головокружительной быстротой и где с большим правом, чем когда-либо раньше, можно сказать: «Что такое наука, как не непрерывное претворение в действительность древних грез человечества?»

Недавно о полетах в космос писали одни фантасты, а теперь в столице нашей Родины — Москве торжественно открыт обелиск в честь советских людей-завоевателей космоса. Обелиск и памятник одновременно. Уже памятник? Да, памятник! Памятник тому, что началось всего семь лет назад запуск первого искусственного спутника Земли, а сегодня кажется уже таким далеким в свете последних достижений, что можно говорить о целом историческом пути и закономерно ставить памятник.

И теперь уже всем нам ясно, что как ни фантастичны уже достигнутые успехи, они только самые первые шаги грядущих успехов. Человек надолго, на месяцы, на годы, полетит к Луне, к планетам солнечной системы и еще дальше — за ее пределы. Представим себя в кабине такого космического корабля, устремившего свой путь к бесконечно далеким целям, и мы невольно вспомним о нашем герое. Режим работы и жизни человека во время длительного полета в космическом пространстве и при нахождении на других планетах потребует больших необычных нагрузок. Станет на повестку дня перед медиками разработка охранительно-восстановительных режимов для организма в целом, и для нервной системы в первую очередь. Проблема чередования сна и бодрствования в космическом пространстве существенно отличается от того, что мы имеем на Земле. Тут сама природа математически точно разграничила день и ночь, отведя время для бодрствования и работы и для отдыха и сна. Но в космосе человеку придется устанавливать иной ритм, создавать свои сутки. Космическая медицина в настоящее время занята поисками наиболее целесообразных и выгодных количественных соотношений этих состояний. Но здесь количество не может не координироваться с качеством — глубиной сна и его частотой.

Электронно-кибернетические машины произведут пре-
236

дельно точный расчет израсходованной организмом энергии и, подсказав необходимое время перехода на отдых и срок пребывания в нем, сами усыпят человека и будут поддерживать необходимую глубину и качество сна. Они устранят целенаправленной системой внушений вредные последствия перегрузок и одновременно будут стимулировать все активно положительное и здоровое, чем располагает человеческий организм. Программа внеземных полетов ставит перед людьми уже теперь почти сверхчеловеческие задачи, а в дальнейшем все во много раз будет усложнено.

Сутки, недели, может быть, и более продолжительное время будет человек проводить в охранительном покое гипнотической дремоты, а за это время звездолет, проглотив десятки и сотни миллионов километров безбрежного пространства, доставит его, полного творческой энергии и сил к далеким мирам, готового вступить в борьбу с любыми, самыми невероятными неожиданностями и трудностями.

Особенно приходится учитывать трудности нервно-психологического порядка. Не случайно из психологии выделяется в самостоятельную отрасль науки космическая психология. И мы думаем, что она в своих исследованиях неизбежно столкнется с гипнозом и внушением. Например, при изучении таких проблем, как преодоление могущих возникнуть под влиянием неожиданных условий и впечатлений нарушений нормального психического функционирования, борьба с так называемым «страхом бездны», гнетущим воздействием космического безмолвия, преодоление страхов одиночества, замкнутого пространства и других побочных, тягостных наслоений на мысль, эмоции и волю человека.

Мы не претендуем исчерпать хотя бы часть возможных направлений будущего развития гипноза, внушения и связанных с ними явлений. Мы написали о том, что представляется нам наиболее вероятным, до чего могла дойти наша мысль, наше знание гипноза, почерпнутое из долголетней научно-исследовательской, лечебной и литературной работы. Осознанное, а значит, и разумное использование гипноза сделало только первые шаги.

Впереди еще большой и, несомненно, славный путь.

237

СОДЕРЖАНИЕ

О ЧЕМ ЭТА КНИГА 5
МИФ О ЧУДЕСНЫХ ИСЦЕЛЕНИЯХ..... "

Боги у первобытного костра	
Чуринг — священный камень.....	17
Ясак духа заразы.....	26
Чудо в Эпидавре.....	37
Виденье Бернадетты Субиру.....	40
Чин над бесноватым.....	54
«То-то пивушко духовное»	66
ГИПНОЗ В РОЛИ ВОЛШЕБНИКА	79
«Погрузи его в сон твоей рукой...».....	79
Санмохан-Астра — священное оружие потомков Бхараты .	88
НАУКА ИЗУЧАЕТ ГИПНОЗ	97
«Неподдающийся Познанию- магнетический флюид — бесполезен»	97
«Гипноз — это сон».....	111
«Гипноз — это внушенный сон». «Гипноз — разновидность истерии, он опасен!» «Гипноза нет, есть только внушение».....	125
«Вы ошибаетесь, уважаемые профессора Шарко и Берн-гейм»	141
«Гипноз — обоюдоострое оружие».....	155
«Гипноз — частичный сон».....	163
МЕДИЦИНА ЛЕПИТ ГИПНОЗ	188
Нож, трава и слово.....	188
Гипноз и неврозы.....	200
Гипноз и алкоголизм	211
Гипноз приходит в другие клиники	220
Заглянем в будущее гипноза.....»	226
<i>Рожнова Мария Александровна, Рожнов Владимир Евгеньевич</i>	
ГИПНОЗ И «ЧУДЕСНЫЕ ИСЦЕЛЕНИЯ»	
Редактор <i>Н. Ф. Яснопольский</i> Художествен, редактор <i>Г. И. Добровольнова</i> Техн. редактор <i>М. Т. Перегудова</i> Корректор <i>И. Д. Мелешкина</i> Оформление <i>Л. В. Зоберн</i>	
Сдано в набор I2/IV 1965 г.	
Подписано к печати 2/VII 1965 г. Изд. № 130.	
Формат бум. 84X108Уз2. Бум. л. 3,75.	
Печ. л. 7,5. Усл. печ. л. 12,3. Уч.-изд. 12,86 л.	
А 0)228. Цена 54 к. Тираж 1-го завода 100 000 экз.	
Заказ 354.	
Опубликовано тем. план 1964 г. № 8.	
Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.	
Отпечатано с матриц 1-ой типографии Профиздата на Книжной фабрике № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати, г. Электросталь Московской области. Школьная, 25. Заказ 770.	